ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 15-046

ЛИЦЕНЗИЯ НА ВЕРБОВКУ

И.Г. Атаманенко

(год)

ХРАНИТЬ вечно ЛЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Подстава — один из приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта.

Подстава женщины-обольстительницы, «ласточки», — на жаргоне англо-американских спецслужб называется «медовой ловушкой». Когда же вместо «ласточки» подставляют «во́рона» — мужчину-обольстителя, то это уже «медовый капкан».

Впрочем, что ловушка, что капкан — это всё равно западня. И итог «загона» объекта оперативной разработки в «медовую западню» всегда один: вступление в половую связь с «ласточкой» или с «во́роном». Это, как правило, фиксируется с помощью фото- или видеосъёмки для последующего оказания психологического воздействия на объект.

В отечественных спецслужбах операция по загону объекта в «медовую западню» называется «ловлей на живца», а агент-обольститель — «наживкой».

Рассказ о самых громких подставных операциях времен холодной войны читайте в новой книге И.Г. Атаманенко «Лицензия на вербовку»…

- Игорь Атаманенко
  - Предисловие
  - ДАЁШЬ МИЛЛИАРДЕРШУ В ЖЁНЫ!
    -
    - ОТ ДОСЬЕ — К ПОДСТАВЕ
    - «МИСТЕР КАУЗОВ, МЫ ЗНАЕМ, НА КОГО ВЫ РАБОТАЕТЕ!»
    - ВСЯК ПО-СВОЕМУ ПЛАТИТ ПО СЧЁТУ…
  - ФАТАЛЬНЫЙ БУКЕТ РОЗ
    -
    - «АЛЬКАЗАР-ШОУ»
    - САМОУБИЙСТВО С ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ
    - ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ
    - ПРИШЕСТВИЕ ПРИНЦА
    - ТРУДОВЫЕ БУДНИ
    - АРЕСТ
    - ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ
  - «МЕДОВЫЙ КАПКАН» ДЛЯ «ДЖОКОНДЫ»
    - ОРУДИЕ ГЛАВНОГО КАЛИБРА — К БОЮ!
    - ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА СЕКРЕТНОГО АГЕНТА КГБ «КОНСТАНТИНОВ»

- УТРО СЕКРЕТНОГО АГЕНТА
- ПРИКАЗАНО СОВРАТИТЬ
- СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА
  - ИНОРОДЕЦ В РЕЗИДЕНТУРЕ
  - «ОХОТНИК ЗА СКАЛЬПАМИ»
  - КОГДА КРАСАВИЦА НА ГРУДЬ БРОСАЕТСЯ…
  - В «МЕДОВОЙ ЛОВУШКЕ»
  - ЭПИЛОГ
- ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ ОРДЕН»
- КОМПРОМЕТАЦИЯ НА ПОРАЖЕНИЕ
  -
  - НА КРАЮ ПРОВАЛА
  - СКОМПРОМЕТИРУЙ МЕНЯ… ЕСЛИ СМОЖЕШЬ!
- «МЕДОВАЯ ЗАПАДНЯ» ДЛЯ ПОСЛА
  - ИГРЫ ПАТРИОТОВ
  - ОТ ПОДСТАВЫ — В «МЕДОВУЮ ЛОВУШКУ»
  - ПЛАТА ПО КРЕДИТУ
- НЕУЯЗВИМАЯ ФАИНА РАНЕВСКАЯ
- ДЕРЖАВНЫЕ НЕТРАДИЦИОНАЛЫ
  - МИД ЦАРСКОЙ РОССИИ — ОБИТЕЛЬ САНОВНЫХ ГОМОСЕКСУАЛОВ
  - «ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА» ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ
  - «САПФИР» СОВМЕЩАЕТ ДВЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ПРОФЕССИИ
  - ПРОЩАЙ, ВАТИКАН!
  - И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, И ПРЕДТЕЧА…
  - ВЕРБОВОЧНЫЕ НАРАБОТКИ «САПФИРА» ИСПОЛЬЗУЕТ… НКВД
  - ГОМОСЕКСУАЛ СГУБИЛ ДИНАСТИЮ ГАБСБУРГОВ
  - ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
- ГИМАЛАЙСКИЙ РОМАН
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ. КУРС НА СБЛИЖЕНИЕ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ. ОПЕРАЦИЯ «УЗЫ ГИМЕНЕЯ»
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КАЗИНО
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОДСЛУШАННАЯ ИСПОВЕДЬ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ. К БАРЬЕРУ, ШУЛЕР!
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ. АРИЙСКИЙ ТАНДЕМ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ХМЕЛЬНАЯ ЯВКА
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. СМЕРТЬ ПРЯЧЕТСЯ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. К РЕЗИДЕНТУ НА ПОКЛОН

- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗМЕЯ В ШОКОЛАДЕ
- ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО «КРОТА»
- ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. РАЗВЕДЧИКИ «ГЛУБОКОГО ПРИКРЫТИЯ»
- ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ВЕНСКИЙ ИНФОРМАТОР
- ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ЧЁРТ ИЗ ТАБАКЕРКИ
- ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. «БУЛЫЖНИК» В МАРИХУАНЕ
- ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1

Игорь Атаманенко
Лицензия на вербовку

Предисловие

В основу книги профессионального контрразведчика и литератора положены данные из рассекреченных досье спецслужб, и у читателя есть уникальный шанс узнать, как на практике реализуется подстава — один из приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта(САВРО).

Подстава — не самоцель, а лишь промежуточное звено в цепи мероприятий, и если она имеет положительную перспективу развития, то можно переходить к следующему этапу операции: добыванию информации, вводу другого агента и (или) оперработника, к вербовке или компрометации.

В отличие от других приёмов САВРО подстава имеет одно неоспоримое преимущество: объект по собственной инициативе вступает в контакт с агентом, а тому остаётся лишь согласиться. Другими словами, не агент набивается в друзья к объекту, а наоборот, — ведь последнему исподволь предлагается то, что он ищет. Это тем более важно, если объект в силу своей профессии постоянно находится начеку или чрезвычайно осторожен по складу характера.

Подстава женщины-обольстительницы — «ласточки» — на жаргоне англо-американских спецслужб называется «медовой ловушкой». Когда же вместо «ласточки» подставляют мужчину-обольстителя— «во́рона», — то это уже — «медовый капкан».

Впрочем, что ловушка, что капкан — это всё равно западня. И итог «загона» объекта оперативной разработки в «медовую западню» всегда один: вступление в половую связь с «ласточкой» или с «во́роном». Акт этот, как правило, фиксируется с помощью фото- или видеосъёмки для последующего оказания психологического воздействия на объект заинтересованности разведки или контрразведки.

В отечественных спецслужбах операция по загону объекта в «медовую западню» называется «ловлей на живца», а агент-обольститель — «наживкой».

Остаётся добавить, что полёт мысли разработчиков операций по подставе вызовет восхищение, а оригинальность ходов секретных агентов поразит воображение самого взыскательного читателя — достаточно ознакомиться с кратким содержанием этой беспрецедентной книги:

— Кристина Онассис, миллиардерша, владелица «заводов, газет, пароходов», в результате изящной подставы, организованной офицерами КГБ, вышла замуж за скромного клерка «Совфрахта»;

— в ходе стратегической операции «Красный Казанова» для работы в пользу ГДР завербованы десятки западногерманских женщин, имеющих доступ к сведениям, составляющим государственную или военную тайну. Все они угодили в «медовые капканы», расставленные красавцами-мачо;

— агентесса ЦРУ «Джоконда», не знавшая поражений на ниве обольщения, сама попала в «медовый капкан» — влюбилась в агента «Константинов», который сумел склонить ее к выполнению заданий генерала КГБ;

— итог подставы агентессы КГБ «Эдита» — вербовка одного японского дипломата и компрометация другого;

— Морис Дежан, посол Франции в Москве, стал агентом влияния КГБ в результате многоходовой операции, включавшей, в частности, подставу ему «ласточки»;

— подполковник Попов, сотрудник ГРУ, пал жертвой искусной подставы, которую заготовил «охотник за скальпами» из ЦРУ Джордж Кайзвальтер;

— полковник внешней разведки Полещук угодил в «медовую западню», устроенную кадровой сотрудницей ЦРУ Сэлли Грейвс;

— блиц-экскурс в шпионский промысел царской России.

Никакого вымысла — только беллетризованные факты из рассекреченных архивов спецслужб!

ДАЁШЬ МИЛЛИАРДЕРШУ В ЖЁНЫ!

1 августа 1978 года в Москве, во Дворце бракосочетания, что на улице Грибоедова, был зарегистрирован самый сенсационный брак XX века. Кристина, дочь Аристотелеса Сократеса Онассиса, миллиардера, владельца крупнейшего в мире частного танкерного флота, вышла замуж за скромного клерка «Совфрахта» Сергея Владимировича Каузова.

Обыватели Советского Союза едва не захлебнулись желчью от зависти, а публика на Западе замерла в шоке от изумления и возмущения, потому что такая невеста могла бы выбрать хоть принца Датского, хоть короля испанского, хоть эмира аравийского — она же вон что выкинула!

Откуда было им знать, что с середины 1970-х КГБ проводил одну из самых сложных своих операций САВРО (секретное агентурное внедрение в разработку объекта), первым этапом которой была подстава и последующее заключение брака с богатейшей женщиной мира!

Словом, не только взаимная симпатия сблизила Кристину и Сергея, но и трезвый расчёт и коммерческая выгода с одной стороны, оперативный интерес — с другой…

ОТ ДОСЬЕ — К ПОДСТАВЕ

В 1975 году, согласно завещанию покойного «адмирала танкерного флота», единственной наследницей всего движимого и недвижимого имущества стала его дочь Кристина.

Скептики посмеивались: «Не оказаться бы ей в роли удава, заглотившего эшелон с тушенкой. В глотку-то влезло, а переварить не получится».

Оснований для этих сомнений хватало, ибо в хозяйстве Кристины помимо сотен танкеров была авиационная компания «Олимпия», несколько греческих периодических изданий, банковский, строительный и игорный бизнес.

Кристина, несмотря на то, что её жизнь протекала в заповеднике благополучия, совсем не походила на богатых соплеменниц, чьё бесцельное существование могли омрачить даже сломанный перед светским раутом ноготь или неудачно выбранная губная помада.

Вопреки прогнозам скептиков, Кристина из взбалмошной девицы очень скоро превратилась в жёсткую правительницу миллиардной империи. Про таких в России испокон века говорили: «Эта баба не то что мужика — попа с обедни сдёрнет!»

Однако личная жизнь госпожи Онассис, в точном соответствии с народной мудростью «не деньги приносят счастье», так и не сложилась, хотя от желающих предложить тридцатилетней миллиардерше руку и сердце не было отбоя.

По заданию московского Центра на добывание сведений о характере, привычках, склонностях, симпатиях и антипатиях владелицы «заводов, газет, пароходов» была мобилизована группа офицеров афинской резидентуры КГБ.

Добытая информация докладывалась руководству Комитета, которое намеревалось внедрить своих людей в ближайшее окружение Кристины, а через неё — почему бы и нет? — в элитный клуб богатейших и влиятельнейших людей планеты, в частности, в Бильдербергский клуб.

Вот некоторые пассажи из досье на госпожу Онассис, которое сформировал майор Н-ский.

«Кристина Онассис — энергичная, волевая, невероятно работоспособная женщина. Ближайшее окружение дало ей прозвище “Смерч деятельности”. В суждениях категорична и размашиста. При принятии решений с чужим мнением не считается, влиять на неё — дело бесперспективное. Умеет достигать поставленной цели. Очень рациональна, внутренне дисциплинирована. Имеет вкус к риску, ей свойственны широкие

жесты, однако при этом осторожности не теряет. Будучи человеком страстным, любит всякого рода излишества и удовольствия. Может получать моральное удовлетворение, занимаясь устройством чьих-то дел.

Отношение к мужчинам — рационально-потребительское, в них она видит не более чем наёмную силу — в принадлежащих ей компаниях всех начальников-женщин заменила мужчинами.В них её привлекает нестандартность мышления, целеустремлённость, эрудиция и… умение подчиняться.

С теми немногими ухажёрами, с которыми Кристина состояла в интимных отношениях, она рассталась по причине своего доминантного характера.

Сегодня Кристина находится в поиске подходящей для себя пары. И неважно, какой национальности будет её избранник».

Генерал-майор Н-кин, руководивший в московском Центре операцией «СВАТОВСТВО» — вербовочной разработкой гречанки, — жирно-фломастерно подчеркнул последние семь строчек.

Первым пунктом в плане операции значился подбор кандидата на подставу госпоже Онассис. Их было трое, что обеспечивало свободу действий и простор для оперативного манёвра. Ознакомившись с личным делом каждого, генерал остановил свой выбор на агенте «Корабел».

По мнению генерала, он соответствовал требованиям, предъявляемым Кристиной мужчинам, с которыми она поддерживала отношения, поэтому проблем в плане их психологической совместимости возникнуть не должно было.

Агент имел добротное специальное образование, умён, начитан, свободно владеет английским и французским языками. В общении с коллегами из «Совфрахта», независимо от их возраста, занимаемой должности и пола, предупредителен, всегда готов пойти на компромисс. Умеет сохранять спокойствие в условиях быстро меняющейся обстановки, даже когда на него оказывают психологическое давление. Женщины-сослуживицы находят его чрезвычайно обаятельным, обладающим редкой харизмой.

«Пожалуй, — задумчиво произнес Н-кин, — лучшего “штыка” для подставы госпоже Онассис не подобрать. Правда, есть одно — нет! — целых три “НО” у “Корабела”: жена и две несовершеннолетних дочери… Ну что ж, Сергей Владимирович, не упустите ваш шанс! Выбор у вас небольшой: либо вскружить голову миллиардерше и оказаться у неё на содержании, либо продолжать стрелять “чирики” у сослуживцев до зарплаты…

Стоп, хватит лирики! Сегодня же надо провести явку

с “Корабелом” и отправить в Афины приглашение Онассис прибыть в Москву для заключения с “Совфрахтом” взаимовыгодного договора. А как быть с оставшимися агентами? Чёрт, в силу своего служебного положения они тоже должны участвовать в переговорах! Оба внешне неотразимы — мачо из голливудских боевиков — любой своей яркой внешностью затмит “Корабела”, отвлечет на себя внимание миллиардерши и помешает ему завоевывать её сердце. Кроме того, они тоже свободно владеют английским языком, но самое главное их преимущество — обан еженаты, тогда как “Корабел”…

Нет-нет, всякую конкуренцию надо исключить! Что делать? А просто — обоих лишних отправить в командировку. Решено: один поедет в Архангельск на судоверфи, другой — в Туапсе на судоремонтный завод. Всё, за работу!»

* * *

Как и было предусмотрено планом, «Корабела» подставили Кристине в «Совфрахте», куда она прибыла для заключения договора. Молодые люди на удивление быстро нашли общий язык. Во время фуршета агент завёл разговор о Сальвадоре Дали и сразу же нашел в лице Кристины внимательного слушателя. Как выяснилось, их объединяет любовь к авангардистскому искусству вообще и к творчеству великого испанца, в частности.

В дальнейшем Кристина и Сергей с каждой встречей находили всё больше точек соприкосновения, которые свидетельствовали об их духовной близости. «Корабел» сумел покорить объекта своими познаниями в истории Древней Греции — соответствующую подготовку провели приглашенные эксперты, — в современной западной литературе, кинематографе и прочая, прочая, прочая…

На прощание Кристина в знак благодарности за прекрасную экскурсию по Москве и Суздалю подарила агенту белую «Волгу» и свою фотографию, надпись на которой свидетельствовала, что подстава удалась и интимного сближения можно ожидать уже в ближайшем будущем:

«Милому Сержу, человеку штучной работы, эрудиту с нестандартным мышлением, от оригинала с надеждой встретиться через месяц в Париже и перевести отношения в другую плоскость. Твоя Кристина».

* * *

По возвращении в Афины Кристина заявила родственникам, что наконец встретила человека, за которого хоть завтра вышла бы замуж. Вся родня встала плотиной на её пути. Но Кристина была непреклонна: «Да, он — русский! Да, он — коммунист! Да, он — агент КГБ! Он — настоящий ящик Пандоры! Кто из вас, скажите мне, — обращалась она к многочисленным оппонентам из числа друзей и родственников, — отважится туда заглянуть? А вот я загляну, и никто мне не смеет помешать, ясно?!»

Это был самый весомый аргумент миллиардерши, парировать который не сумел никто из отговаривавших её от вступления в брак с русским…

«МИСТЕР КАУЗОВ, МЫ ЗНАЕМ, НА КОГО ВЫ РАБОТАЕТЕ!»

Через месяц после знакомства и общения в Москве Сергей, согласно плану Комитета, а также выполняя просьбу Кристины, прибыл в Париж, чтобы продолжить завоевание её сердца.

Они стали тайком встречаться в маленьких гостиницах в предместьях Парижа, где, сохраняя инкогнито, можно было снять номер на пару часов. Да вот только появления Кристины, где бы ей ни пришлось бывать, не утаишь — уж слишком она была известна на Западе вообще и в Париже, в частности.

О встречах Каузова и Кристины первыми пронюхали французские спецслужбы и ЦРУ и «слили» информацию во все западные СМИ.

Советские сотрудники парижской резидентуры КГБ, действовавшие с посольских позиций, как и партком «Совфрахта», воды в рот набрали и делали вид, что ничего не ведают…

* * *

Западные журналисты, узнав о романе Кристины Онассис с рядовым чиновником из «Совфрахта», были едины во мнении: к этому приложила руку нечистая сила с Лубянки. Уж больно дерзко и безоглядно вёл себя Каузов на чужой территории!

Они утверждали, что Каузов не мог по собственной инициативе так безответственно и бесшабашно действовать. Ведь дома жена, двое детей. К тому же он член КПСС, а ему плевать на всё… Что это? Безрассудная отвага влюблённого по уши стареющего ловеласа, решившего устроить последний бал плоти? Нет, конечно! Просто у него надёжная «крыша» — Комитет госбезопасности СССР.

Тьерри Вольтон, автор фундаментального исследования деятельности советских спецслужб во Франции в 70—80-е годы прошлого века, тот прямо заявлял на страницах «Figaro», что в случае с Кристиной не обошлось без штатных гипнотизёров и специалистов по НЛП (нейро-лингвистическому программированию) из КГБ, которые, дескать, во время пребывания в Москве зомбировали миллиардершу, подготавливая её вербовку в качестве агента влияния. Свой посыл француз подкреплял информацией о русском полицейском сыске и о деятельности ОГПУ — НКВД. В частности, он отмечал:

«В конце XIX — начале XX века московская полиция часто обращалась за консультациями к знаменитому российскому психиатру Владимиру Михайловичу Бехтереву. Используя гипноз и другие приёмы воздействия на опасных убийц и мошенников, Бехтерев помогал следователям подобрать ключ к разгадке самых запутанных дел. Негласное сотрудничество с правоохранительной системой он продолжил и при советской власти. Одним из лучших учеников Бехтерева и по совместительству сотрудником Спецотдела при ОГПУ, занимавшимся секретными разработками в области гипноза, был Александр Васильевич Барченко. В 1920-е годы по заданию руководителей ОГПУ он совершил несколько тайных поездок в Сибирь и на Алтай для изучения экстрасенсорных способностей шаманов и буддийских монахов. Кроме того, Барченко систематизировал сведения о главарях сект скопцов, бегунов, хлыстов и т. п., практиковавших гипнотическое воздействие на своих адептов. Он разработал для НКВД методики психологического воздействия на арестованных, которые затем применялись для подготовки процессов над “врагами народа” — с их публичным покаянием.

Я уверен, что и сегодня КГБ использует архив Барченко в своих практических целях для вовлечения в свою орбиту интересующих его лиц. И самым красноречивым тому подтверждением, на мой взгляд, является брак госпожи Кристины Онассис с советским клерком Сергеем Каузовым».

Впрочем, ничего удивительного в пассажах Тьерри Вольтена нет. Ибо только зомбированием и можно было объяснить западному обывателю мгновенную и всеобъемлющую любовь молодой, эффектной и самой богатой женщины мира к тщедушному лысеющему человечку со стеклянным глазом, каким и был Сергей Каузов!

ВСЯК ПО-СВОЕМУ ПЛАТИТ ПО СЧЁТУ…

После знакомства с Кристиной Каузов предпринял шаги для расторжения своего брака. В форсированном темпе ему это удалось. Кристина в качестве отступного бывшей семье Сергея — жене и дочерям — ссудила деньги на покупку кооперативной квартиры. Сами же молодожёны поселились в так называемой «полуторке» с престарелой матерью Сергея.

По рассказам Кристины, каждое утро, проведенное в Москве, начиналось со схватки за туалетную комнату.

«Если я оказывалась второй, — саркастично улыбаясь, рассказывала друзьям Кристина о своем московском житье-бытье, — меня ждала незавидная участь. Каузов страдал жесточайшими запорами, поэтому оказаться в туалетной комнате можно было не ранее, чем через час. К тому же туалет был совмещен с мини-ванной… Что уж и говорить, квартира, в которой мы жили, это — далеко не Зимний дворец русских царей. Не знаю, как им, а мне, владелице миллиардного состояния, пришлось ежедневно сражаться за возможность попасть на унитаз и принять ванну. Да и вообще, у меня такое чувство, будто я все эти месяцы жила в условиях, приближенных к человеческим…»

Немудрено, что еженедельно гречанка устремлялась за границу, даже не утруждая себя поиском предлога. Иногда в её самолёте находилось место и для муженька…

* * *

Морганатический брак, длившийся 16 месяцев, в конце концов распался. Кристина не выдержала и потребовала развода, заявив, что «их любовный корабль разбился о бытовые рифы».

Чтобы подсластить пилюлю мужу, госпожа Онассис дарствовала ему пару танкеров. Теперь и он стал судовладельцем, организовал свою фирму.

Через некоторое время Каузова призвали в Москву. С ним лично хотел пообщаться сам Арвид Янович Пельше, председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС, которого, по слухам, побаивался даже генсек Брежнев. Престарелого кремлёвского небожителя интересовал вопрос, в какой валюте — драхмах или рублях — новоиспеченный капиталист Каузов собирается платить партийный взносы, да и, вообще, как можно проверить, сколько он заработал за месяц?

Сошлись на том, что к нему будет прикомандирован

бухгалтер с Лубянки, который-то и будет переводить валюту в СССР.

Действительно, в партийно-чекистскую кассу Каузов исправно вносил платежи вплоть до развала СССР. В январе 1992 года он убыл на постоянное жительство в Соединённые Штаты Америки.

Последний раз Каузов «всплыл» в июле 1997 года. Радиостанция «Свобода» сообщила:

«60-летний холостой одноглазый со вставной челюстью и абсолютно лысый тайный агент КГБ, бывший муж Кристины Онассис по фамилии Каузов, приставал на нью-йоркском пляже к двум двенадцатилетним подросткам и был так настойчив в своих сексуальных домогательствах, что тинэйджерам ничего не оставалось, как обратиться в полицию. Каузову было предъявлено обвинение в педофилии».

* * *

А что же Кристина? Решив, что жизнь — сплошной обман, она бросилась в бесшабашный загул. Перелетая с континента на континент, она искала забвения то в одном элитном клубе, то в другом. Зарабатывать деньги Кристина умела, но и тратить — тоже!

В ноябре 1988 года её труп обнаружили в одном из загородных ночных клубов в сорока километрах от Буэнос-Айреса. Сразу же было объявлено, что она умерла от отёка лёгких. Потом возникли слухи о самоубийстве — были и для них основания. Но дольше других просуществовала версия, что смерть миллиардерши — это месть ЦРУ за отказ от сотрудничества…

Похоронили её на острове Скорпиос, который, по замыслу Аристотеля Онассиса, должен был стать райским уголком Земли. Вместо этого он превратился в семейный склеп…

Со стороны может показаться, что блестяще проведенная подстава закончилась ничем, что вся энергия ушла в свисток… Обманчивое впечатление! Программа максимум — внедрение наших людей в элитный клуб западных капитанов индустрии через Кристину Онассис — была выполнена. Но это уже совсем другая история…

ФАТАЛЬНЫЙ БУКЕТ РОЗ

В 1960-х годах и вплоть до крушения Берлинской стены под руководством и при личном участии начальника Главного управления разведки (ГУР) генерала армии Маркуса Вольфа успешно реализовывалась стратегическая операция под кодовым названием «Красный Казанова». Она предусматривала привлечение к секретному сотрудничеству западногерманских секретарш, имевших доступ к документам, составлявшим государственную, военную или экономическую тайну. А всё потому, что штатные психологи ГУР установили: агенты-женщины работают эффективнее, чем их коллеги-мужчины. «Шпионы в бюстгальтерах» более наблюдательны, лучше запоминают детали бесед, а уж об их способностях к иностранным языкам и склонности к лицедейству вообще ходят легенды. Но самое поразительное в том, что женщины-шпионы в состоянии обдумывать (!) несколько проблем одновременно.

Некогда волновавший современников вопрос: «А женское ли это дело — добывание секретов?» — в XX веке утратил свою актуальность. Вот какой ответ дал на него Пауль Леверкюн, авторитетный и недавно рассекреченный эксперт германских спецслужб:

«…Еще полезнее иметь дело с женщинами-агентами, как порядочными, так и продажными. Они редко возбуждают подозрение и могут раскрыть тайну в такой обстановке, где мужчины оказались бы бессильными и недостаточно ловкими».

И ещё: «Тайна, которую нельзя узнать через женщину, по всей вероятности, так и останется тайной навсегда…»

Для вовлечения секретарш в орбиту деятельности ГУР в Западную Германию под видом беженцев маршрутировали агентов-красавцев, которых подставляли женщинам бальзаковского возраста с несложившейся личной жизнью. Эти неотразимые «мачо» после недолгих интенсивных ухаживаний предлагали избранницам руку и сердце и, заключив с ними брак, приобщали к шпионскому промыслу.

В числе многообразных мотивов, подвигавших женщин Западной Германии заниматься шпионажем, наряду с желанием «срубить деньжат», неудовлетворенным честолюбием и просто азартом, была любовь и личная привязанность к соблазнителям из ГУР, как это случилось с Леонорой Кранц.

Среди осуждённых за шпионаж секретарш, которые, выйдя замуж за восточногерманских разведчиков-нелегалов, работали на ГУР, была Ирэна Шульц из Министерства науки, Герда Шретер,

работавшая в посольстве ФРГ в Варшаве, Гудрун Браун из Министерства иностранных дел, Урсула Шмидт из Ведомства федерального канцлера и многие, многие другие…

«АЛЬКАЗАР-ШОУ»

19 февраля 1978 года, 24 часа 00 минут. Боннская тюрьма. Отсек для государственных преступников. Прильнув к дверному глазку, молодой надзиратель со звучной фамилией Ван дер Бильт в течение минуты наблюдал за узницей одиночной камеры №-1.

Согласно инструкции, в камеру надо заглядывать ежечасно и все действия поднадзорной фиксировать в журнале. Каждое утро эти записи затем поступали к следователю для анализа и выработки правильной тактики допроса и к начальнику тюрьмы для возможных изменений условий её содержания.

Ван дер Бильт щёлкнул крышкой глазка, скорчил брезгливую гримасу и направился к столу, за которым сидел пожилой седовласый напарник.

— Ну как она, Курт?

— Всё в порядке… Накрылась одеялом с головой, сучит ногами. Немудрено — кто ж сможет заснуть при таком ярком свете в камере! А вообще, герр Отто, знаете, что я вам скажу? В день, когда сюда поместили эту девку, для себя я сделал вывод, что государственное преступление отвратительно не только по своей сути, но и по форме…

— Что ты имеешь в виду?

— Внешность нашей заключённой… Ну и образина! Два дня назад я с женой побывал в «Оазисе грёз», на выступлении ансамбля «Альказар-шоу», да-да, того самого, о котором сегодня трубят все газеты. Так я вам доложу: это — настоящая передвижная кунсткамера! А наша рыжая подопечная из первой камеры напоминает мне отдельные экспонаты из ансамбля …

— По-твоему, там есть государственные преступники? — подначил молодого коллегу седовласый.

Ван дер Бильт иронии не уловил и ответил вполне серьёзно:

— Нет там никаких госпреступников, герр Отто… Просто внешне она схожа с некоторыми из них… Да вы и сами пришли бы к такому выводу, если бы вам довелось побывать на представлении. Если вам интересно, герр Отто, я расскажу подробно…

— Валяй, впереди у нас целая ночь…

— Вы, конечно, герр Отто, из исторических романов знаете, — угодливо ловя взгляд старшего по возрасту и по званию собеседника, начал Курт, — что у одной из жен короля Генриха Восьмого было три груди… Но речь не о ней — о таких же уродцах, которых предприимчивый израильтянин Эмиль Барановский собрал по всему свету и гастролирует с ними по

самым фешенебельным курортам Европы, ну и к нам, в Люденсдорф, заскочил. У нас он получит громогласную рекламу, а потом махнет со своим аттракционом за океан, в Штаты…

— Он что? Демонстрирует заспиртованных человеческих аномалов? Эка невидаль! В 1941-м на Восточном фронте мне довелось видеть солдат с такими увечьями, что в пору их помещать в кунсткамеру…

— Да нет же, герр Отто! Экспонаты Барановского — не в колбах и пробирках, а во плоти и крови, за деньги выставляющие себя напоказ всем желающим… Впрочем, и нежелающим — тоже! Значит, так. Когда публика в ресторане основательно захмелеет, герр Зигмунд Лейзенбок, хозяин «Оазиса», сцену предоставляет уродцам из ансамбля «Альказар-шоу»…

Начинает он с демонстрации самой простой патологии: выводит в зал 7 членов какого-то арабского то ли клана, то ли племени, у которых на обеих руках и ногах по шесть пальцев. Поясняет, что члены этого племени, чтобы сохранить своё отличие от других представителей рода человеческого, женятся только между собой. Самое интересное, что если в этом шестипалом семействе появляется новорожденный с пятью пальцами на руках и ногах — всё! Муж требует развода.

— Почему?

— Он считает, что жена изменила ему с ненормальным! Но это — только начало. Вслед за арабами Барановский, что называется, достает из рукава козырного туза — выталкивает на сцену короля уродцев. Думаю, этот израильтянин — отменный психолог: стартует на малых оборотах, потом включает полный газ, а затем шоу уже катится само по себе. Но денег эти монстры собирают с присутствующих в зале тьму-тьмущую!

— Что, прямо-таки с шапкой по столам ходят?

— Представьте себе, герр Отто, да! Ну, посудите сами, кто может отказать существу, у которого единственным человеческим признаком является лишь его взгляд, преисполненный мольбы. Некоторые слабонервные клиенты не выдерживают зрелища и, разрыдавшись, либо падают в обморок, либо уходят. Но после того, как заплатят… А платят всегда! Деньги, которые они дают, что-то вроде отступного человеческому уродству…

Да, так вот я начал о короле уродцев. Он из Индии, зовут его Коко. Он — гибрид, то есть его мать должна была родить двойню, но в итоге получился один Коко…

— Не понял? — седовласый вскинул бровь и потянулся к пачке сигарет.

— Сейчас поясню, герр Отто… Голова у него одна, а вот

некоторых органов явно в избытке, природа вынудила его позаимствовать их у своего брата-близнеца. У этого Коко, например, четыре ноги, четыре руки, два комплекта половых органов. На спине он таскает тельце своего безголового братца-близнеца, с которым его связывает только шея.

— Какой ужас! Неужели он в зале появляется голым?! — надзиратель от удивления поперхнулся табачным дымом.

— А для чего бы тогда нужно было затевать весь этот балаган? — как бы между прочим, спросил Ван дер Бильт. — Разумеется, на сцену он выходит, в чём и с чем мать родила. Иначе он ничего не заработает, разве вы не понимаете, герр Отто? Да и не только он — весь зверинец Барановского появляется на публике только нагишом!

— А женщины в этом зверинце есть? — седовласый настороженно смотрел на Курта.

— А как же! Есть одна. Француженка по прозвищу «Женщина во фраке». К её собственному тазу природа припаяла еще один, рудиментарный член с дополнительными ногами-яйцами. При ходьбе эта пара недоразвитых ножек болтается, как фалды фрака, отсюда и прозвище…

— Потрясающе!

— У неё в паху растут две рудиментарные груди, которые она дает потрогать всем желающим…

— Что, неужели находятся и такие?!

— Желающих хоть отбавляй, я же сказал вам, шоу начинается, когда публика в зале ресторана находится в крайней кондиции подпития…

— Курт, неужели никто из репортеров не пытался снять этих уродцев на видеопленку во время выступлений? Ты только представь, какой сенсационный репортаж можно сделать, показав этих страшилищ по телевизору или опубликовав их снимки в газетах! И тогда пенсионерам типа меня не пришлось бы тратить огромные деньги, чтобы ехать в Люденсдорф, в этот «Оазис грёз»…

— Нет, герр Отто, в «Оазисе» любая съёмка категорически запрещена как таковая… Впрочем, вы меня отвлекли, слушайте дальше. Есть там еще один уникум, прямо-таки ископаемое чудовище, но его редко выпускают на люди.

— Почему? — надзиратель потянулся за новой сигаретой.

— Ну, во-первых, общение с ним, что называется, на любителя, уж больно омерзительное впечатление производит на зрителей его патология. Во-вторых, он, в отличие от своих собратьев, достаточно интеллектуально развит и для него выйти на сцену — что взойти на Голгофу. Говорят, что он — отпрыск

какого-то английского лорда, который отказался и от него, и от жены сразу же, как только увидел, какой чудовищный сюрприз преподнесла ему природа. Этот парень по имени Эдвард Мордейк внешне очень красив, к тому же он талантливый музыкант — играет на нескольких инструментах. Но при этом у него два лица, одно из которых — женское!

— Да ты что! — надзиратель всем корпусом откинулся назад, едва не рухнув вместе с креслом на пол.

— Ну да, именно так о нём нам с женой и рассказывали, потому что сами мы его не видели. Его вообще мало кому удавалось видеть, так как он часто впадает в депрессию и прячется от людей. Говорят, он уже несколько раз пытался покончить с собой. Думаю, что всё это из-за того, что если для остальных уродцев из балагана маэстро Барановского выступления и клянченье денег, — это карнавал, где они забавляются, как дети, то для бедняги Эдварда — это пытка…

— Так у него две головы?

— Нет, герр Отто, два лица… Одно, как у всех, — спереди, а второе — на затылке. Оно не ест и не говорит, но может вращать глазами и даже плакать и смеяться, представляете!

— О, майн Готт! Курт, ты меня убил наповал! Это же настоящий двуликий Янус!

— Да, точно, так и есть… Говорят, он пытался связаться с врачами, чтобы ему удалили лицо с затылка, но как только Барановский узнал об этом, он посадил беднягу на цепь…

— А как же он его перевозит?

— Так и перевозит. Приковывает к себе наручниками и — вперед! Чтобы, значит, тот не сбежал, ибо тогда Барановский лишится едва ли не самого высокооплачиваемого экспоната. У него уже один такой умер, некто Паскуаль Пиньон, мексиканец с двумя головами…

— Черт возьми, да сколько же аномалий в природе!

Не обратив внимания на восклицание напарника, Ван дер Бильт увлеченно продолжал:

— Так вот, у того покойного Пиньона на лбу росла вторая голова, которая тоже могла беззвучно шевелить губами и вращать глазами. Однако со временем эта меньшая голова утратила все свои функции и превратилась в бесформенный нарост. После чего Барановский избавился от экспоната…

А, вот еще что я вспомнил! Последнее время маэстро Барановский якобы накачивает Эдварда наркотиками, чтобы тот был покладистым и давал желающим из числа зрителей прикоснуться к своему второму лицу.

— Мне кажется, что и смотреть-то на это не совсем приятно,

не то чтобы прикасаться. — Седовласый укоризненно покачал головой.

— Не драматизируйте, герр Отто! Услышите еще об одном экспонате — ахнете! Этого Барановский оставляет на десерт… Этот — настоящий фаворит, жемчужина коллекции израильтянина, гвоздь его программы… Кубинец по имени Хулио Дос Сантос. Сложен и красив, как молодой бог. Ему посчастливилось родиться с лишней парой ног и дополнительным… пенисом! Но если дополнительные ноги — просто рудименты, болтающиеся сами по себе, то его второй член, как и первый, — всегда на боевом посту! Я в постели с ним, слава богу, не был, судить не могу, но слышал, что одна из штатных проституток «Оазиса» рискнула попробовать, каково быть скрипкой, на которой играют одновременно два смычка…

— Аллес, Курт, прекрати! Мне с моим больным сердцем это слышать противопоказано. Давай сменим тему… Кстати, уже пора взглянуть, как там наша подопечная. Ну-ка, сходи, посмотри…

САМОУБИЙСТВО С ОРГАНИЗАЦИОННЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ

Отшатнувшись от глазка, побледневший Курт обернулся и срывающимся от волнения голосом просипел:

— Герр Отто, герр Отто, скорее сюда… У неё под кроватью какая-то лужа…

Седовласому, прошедшему Восточный фронт, хватило взгляда, чтобы понять: под кроватью, на стерильно чистом белом полу, — лужа крови.

— Ну что стоишь, молокосос! — заорал он на Курта. — Звони в дежурку, вызывай врача и старшего наряда, быстро!

Врач был бессилен вернуть женщину к жизни — потеряла слишком много крови, вспоров себе артерию у запястья левой руки — невероятно! — черенками розы. И это была не гипотеза. Рядом с покойницей лежало более двух десятков окровавленных черенков. Их самоубийца взяла из стоявшего в углу камеры глиняного горшка — из него торчал целый сноп засушенных роз, неведомо как оказавшихся в камере.

Эксперт-патологоанатом пояснил сгрудившимся вокруг трупа служащим тюремной администрации, что смерть наступила от чрезмерной кровопотери, о чём свидетельствовали матово-восковой цвет кожи покойной, заострившиеся черты лица, синюшные губы и черные ногтевые ложа, словом, в теле покойной просто не осталось крови для жизнедеятельности. Орудием самоубийства были толстые, как карандаши, засохшие черенки роз с шипами, которые больше напоминали зубы акулы…

— Это ж как нужно хотеть перебраться в мир иной, — воскликнул эксперт, — чтобы шипами, как тупой пилой, разорвать ткани на запястье, перерезать вену, сухожилие и добраться до артерии! Господа, в моей практике такого еще не было. Да что там моя практика! В специальной литературе вы ничего подобного не найдете. Это — уникальный случай аутодафе. Уверяю вас, он непременно войдет в учебники криминалистики!

Подумав секунду, патологоанатом добавил:

— Трудно сказать, сколько продолжалось самоистязание, но, судя по всему, — довольно долго. Взгляните, господа, на количество использованных черенков. Их — двадцать пять! А теперь посмотрите на её искромсанные губы. Бедняжка кусала их от боли, чтобы криками не привлечь к себе внимание надзирателей… Стоп! Но она н е могла н е стонать. И что же?

Выходит, охранники ничего не слышали. Черт подери, чем же они занимались, когда заключенная вершила аутодафе?!

Под его негодующим взглядом Ван дер Бильт и седовласый Отто опустили глаза.

Эксперт, театрально потрясая кулаками, запрокинул голову назад и, будто что-то вспомнив, застыл как вкопанный.

— Господа, судя по всему, это самоубийство — не спонтанный акт. Женщина готовилась к нему. И, прежде всего, психологически. Если это так, а мой опыт освидетельствования самоубийц подсказывает мне, что я не ошибаюсь, тогда… Тогда я не понимаю, почему она не оставила предсмертной записки! Думаю, что вам, господа, как представителям администрации, в инциденте надо разобраться досконально!

Членов тюремной администрации так увлекло красноречие добровольного лектора, что, конечно, они не могли заметить, как при этих словах правая рука седовласого Отто конвульсивно вздрогнула и скользнула к карману брюк…

…Первым в инциденте разобрался Гюнтер Ноллау, глава Федерального бюро по охране конституции.

Вне себя от ярости — «Кто разрешил розы в камере?!» — Ноллау, не дожидаясь ответа, приказал отстранить от работы следователя, который вёл дело, а дежурных надзирателей — Курта Ван дер Бильта и Отто Шмидта — уволить без выходного пособия: «Прошляпили — получайте!»

Для седовласого Отто это будет удар, сравнимый с нокаутом. Он не только потеряет зарплату госслужащего, но и лишится ежемесячных бонусов, которые получал от Бюро, где состоял платным осведомителем под кодовым номером H-19—41.

Действовал Отто Шмидт по отработанной десятилетиями схеме. Сначала он ненавязчиво, походя, предлагал свою помощь и выполнял мелкие просьбы заключенных, чем постепенно завоевывал их доверие. Ему, обаятельному и ироничному балагуру, психологу и актеру по жизни, это давалось легко. Став своим для жертвы, он прозрачно намекал, что через него можно установить связь с внешним миром. Связь — на выбор: телефонная, телетайпная, телеграфная, да хоть почтовая с использованием голубей — только платите! Заключенные обычно прибегали к самому простому способу: передаче через «душку Отто» записок. Ради этого он и был завербован Бюро ещё в 1949 году.

Сведения в записках, которые всегда попадали к сотрудникам Бюро, но не всегда к адресату, использовались по-разному: внесение корректив в тактику ведения допроса и расследования, организация оперативной игры с оставшимися на воле

подельниками заключенного, либо их задержание.

Не подкачал Н-19—41 и в случае с подследственной из камеры № 1. Стоило ей отдать Отто письмо для мужа, и за его абонентским почтовым ящиком в Вене было установлено круглосуточное наблюдение.

Слушая гневные эскапады патологоанатома, Отто незаметно сунул руку в карман и зажал в кулаке листок бумаги — письмо покойной, которое он не успел передать по назначению.

«Чёрт побери, кто бы мог подумать, что всё закончится лужей крови?! Впрочем, бескровных войн не бывает, неважно, горячая она или, как сейчас, — “холодная”. Мне ли, солдату, прошедшему горнило Второй мировой, а ныне работающему “негласным добытчиком вещественных доказательств”, этого не знать?!»

Отто стал соображать, как быстрее — ведь на улице ночь! — встретить своего оператора, чтобы избавиться от письма, которое, казалось, вот-вот прожжет карман…

* * *

Франц Крейцель, вновь назначенный следователь из Федерального бюро по охране конституции, в ожидании, когда сформируют бригаду по расследованию кровавого инцидента в камере № 1, достал из сейфа уволенного предшественника пухлый том уголовного дела, чтобы ознакомиться с материалами допросов. Но, прочитав вводную часть, отодвинул от себя дело, закурил и глубоко задумался.

…Леонора Кранц — в девичестве Сюттерляйн, сотрудница МИД, обвинялась в шпионаже в пользу неустановленного государства (предположительно — Австрия, ГДР и СССР) и в похищении более трёх тысяч документов под грифом «Сов. секретно» и «Особой важности». За это ей грозило от 12 лет до пожизненного тюремного заключения.

Сотрудники Федерального бюро по охране конституции сошлись во мнении, что эта цифра — три тысячи — весьма условна, так как учтены лишь те документы, за которые расписалась обвиняемая. В реальности же у неё был неограниченный доступ к секретной документации. Возможно, чтобы излишне не волновать шефа (а может, наоборот, чтобы довести его до инфаркта!), в меморандуме на его имя и фигурировало это количество — «три тысячи».

Учитывая частые выезды Фрица Кранца, мужа покойной, в Вену, можно было предположить, что похищенные материалы он либо отдавал прямо в руки работодателю (значит, он шпионил

в пользу Австрии!), либо связнику. Как бы то ни было, в основании — хорошо отлаженный семейный подряд: жена похищала — муж передавал. На кого же всё-таки работал этот тандем?

Ответ найти не просто. А всё потому, что ещё в 1945 году Вена стала охотничьим угодьем для «охотников за головами» — вербовщиков и офицеров-агентуристов спецслужб Западной Европы и Советского Союза: от набирающей силу западногерманской БНД и английской СИС до КГБ и ГРУ. Стараниями квартета столица нейтральной Австрии превратилась в европейскую явочную квартиру, куда со всех концов Западной Европы для встреч со своими операторами и связниками слетались «ласточки» и «во́роны».

Во времена «холодной войны» Вена превратилась во всемирную явку — к квартету присоединились ЦРУ и РУМО (военная разведка США), — став излюбленным местом встреч сотрудников спецслужб со своими агентами, которые действовали от Афин до Осло и от Хельсинки до Мадрида. Профессионалы шутили: «Если Амстердам — рай для сексуальных меньшинств, то Вена — Эдем для шпионского большинства».

Офицеры ЦРУ, РУМО и западноевропейских спецслужб сообща занимались шпионским промыслом, по-джентльменски проводя разделение труда, — кто-то похищал, а кто-то приобретал добытую информацию. Кто-то вербовал, а кто-то проверял кандидатов на вербовку на конкретных заданиях. Бывали, разумеется, накладки, были обделённые и призёры, но серьёзных конфликтов в этой тайной когорте единомышленников удавалось избегать всегда.

Приблизительно то же самое происходило и в лагере спецслужбистов из СССР и из соцстран Восточной Европы, при этом повышенной активностью отличались сотрудники Главного управления разведки под руководством Маркуса Вольфа…

«Стоп! — воскликнул Крейцель. — А что если Кранцы работали на генерала Вольфа? А от него и до КГБ — рукой подать. Известно ведь, что Вольф считает себя “младшим братом” Андропова. Впрочем, теоретически Кранц мог и напрямую снабжать КГБ похищенными материалами, исключив ГУР как промежуточную инстанцию».

Следствию предстояло установить национальную принадлежность адресата, другими словами, местонахождение спецслужбы, потреблявшей похищенные в МИД документы, маршруты их передвижения, а также детали шпионского промысла супругов Кранц, ибо мало ли какие подробности ещё

могут всплыть в ходе допросов!

«Увы, теперь что-то выяснить не представляется возможным — женщина мертва, а муж далеко — либо катается на лыжах в австрийских Альпах, либо пьёт пиво в берлинском гаштете, либо водку на подмосковной даче КГБ — поди разберись!»

Крейцель в сердцах ударил кулаком по столу и вновь придвинул к себе том уголовного дела…

ОДИНОЧЕСТВО В ТОЛПЕ

В семь лет Леонора Сюттерляйн осталась круглой сиротой — родители погибли в авиакатастрофе, когда ей не исполнилось и пяти, а бабушка, которая, оформив опекунство, забрала девочку к себе, умерла через год. Других родственников не нашлось, и по решению бургомистрата Бонна бабушкину квартиру опечатали до совершеннолетия девочки, а её саму определили в интернат.

Короткая стрижка «а-ля Гаврош», угловатые движения и размашистая походка, потертые джинсы и рубашка-ковбойка, наконец, низкий голос и отсутствие всякого намека на грудь вводили в заблуждение окружающих — Леонору в её 14 лет все принимали за мальчишку. Впрочем, она ничего не имела против — с подругами ей фатально не везло, поэтому в обществе мальчишек она чувствовала себя как рыба в воде.

От других воспитанников интерната Леонору отличали феноменальная память, прилежание и склонность к изучению иностранных языков. Этим объясняются её достижения на ежегодных школьных олимпиадах — там она неизменно завоевывала призовые места. А её успехи в переводах на немецкий язык английских, французских и итальянских современных авторов привлекли внимание чиновников из департамента по работе с персоналом Министерства иностранных дел Западной Германии. Ничего удивительного, что по окончании филологического факультета Боннского университета Леонору пригласили на работу в МИД.

Пройдя все проверки и тесты, в том числе и на полиграфе, Леонора была зачислена сначала стажером, а с июля 1966 года стала работать самостоятельно в отделе «Телько», где расшифровывались и передавались дальше телеграммы всех западногерманских посольств. В свои 22 Леонора имела высшую степень допуска к секретам, составлявшим государственную тайну. За секретность ей полагалась надбавка к основной зарплате.

Казалось бы, жизнь Леоноры удалась. Увы! Через десять лет безупречной службы в престижной синекуре, даже при жалованье, превышавшем зарплату трёх квалифицированных рабочих автоконцерна «Мерседес», она не была не то что счастлива, — не испытывала даже морального удовлетворения. Виной тому было одиночество — ни родственников, ни подруг, ни даже (что удручало более всего!) интимного партнера. Из-за её внешности мужчины шарахались от неё, как от гранаты с выдернутой чекой.

Однако, будучи заядлым оптимистом, Леонора, даже подойдя

к рубежу в тридцать два года, не теряла надежды на замужество. Она жаждала любви и готова была одарить ею любого благовоспитанного, благородного, пусть даже некрасивого мужчину преклонного возраста. Она всё равно назвала бы его «принцем». Его появления она ждала каждый день, но он почему-то не спешил объявляться. Особую остроту ожидание чуда приобретало накануне праздников и в новогоднюю ночь, поэтому в такие дни Леонора всегда накрывала стол на двоих…

Кстати, о принце. Чтобы скрасить своё одиночество, Леонора завела говорящего попугая, которого назвала… конечно, Принц! Тот быстро овладел дюжиной фраз, которые хозяйка часто произносила вслух, находясь в состоянии глубокой задумчивости. Особенно часто попугаю приходилось слышать: «Ну же, принц, приходи, я жду!» или «Принц, сколько ещё тебя ждать, негодник?» Попугай, подражая Леоноре, вслед за ней повторял восклицания. И вот что удивительно! Птица была настолько понятлива и чувствительна к изменениям в настроении хозяйки, что фразы озвучивала всегда вовремя: либо в тот момент, когда у Леоноры от тоски кошки скребли на душе, и она со слезами на глазах напевала грустную бабушкину песню из своего детства, либо, когда, получив извещение о причитающемся ей гонораре за разгаданный кроссворд в журнале, плясала от радости.

В любом случае, стоило только Принцу гаркнуть своим хриплым голосом пару фраз про тёзку — всё! Женщину охватывал восторг, и она одаривала своего духовника его любимым блюдом — вареной гречневой кашей. Но бывало, что попугай, устав от безразличия хозяйки, а скорее, чтобы получить деликатес, начинал громогласно требовать явления принца…

* * *

Чтобы дать выход своей нерастраченной энергии, а заодно встретить пусть не спутника жизни, но хотя бы партнёра-временщика, Леонора с монашеской неистовостью стала посещать всевозможные кружки и клубы по интересам. Стартовав на курсах по привитию навыков скорочтения, она добралась до клуба уфологов, где в бесплодных спорах о неземных цивилизациях и о наших братьях по разуму во Вселенной провела целый год. Наконец поняла, что всё это пустое, и поиск предприняла в других присутственных местах. Через год в Бонне не осталось ни одной библиотеки, ни одного театра или концертного зала, где бы она не была завсегдатаем. Тщетно! Нигде не удавалось встретить ни подругу, ни жениха, ни мужчину-друга…

От безысходности она уже подумывала, не дополнить ли ей свою коллекцию иностранных языков, засев за изучение японского или китайского, как вдруг одна её сослуживица-сверстница выскочила замуж за водителя-дальнобойщика, которого случайно встретила в привокзальном гаштете.

«Стоп! — сказала себе Леонора, — я посещаю места, обжитые яйцеголовыми интеллектуалами высокого полёта. А что если сменить вектор поиска и пошарить на социальном дне, может, именно там меня ждет Принц?!»

Решено — сделано. Свои стопы Леонора направила в гаштеты и в кафешки, где за кружкой пива коротали вечера таксисты, уборщики улиц, разномастная прислуга. И однажды ей показалось, что фортуна улыбнулась ей — к ней стал клеиться симпатичный молодой человек, много младше её!

Как выяснилось, начинающий таксист, накануне разбивший авто, забрёл в гаштет, чтобы утопить своё горе в алкоголе. Даже будучи в изрядном подпитии, он, увидев в глазах Леоноры немое согласие, пригласил её составить ему компанию — за шнапс платит он.

«Это только в кино всё начинается с шампанского и устриц в ресторане на Елисейских Полях, — успокоила себя Леонора, — в жизни — с гаштета и шнапса. Выбирать не приходится — будь что будет, выпью!»

После двух рюмок она осмелела и предложила продолжить вечер у неё дома. Но до сексуальных забав дело не дошло — таксист вырубился, едва переступив порог. Леоноре стоило большого труда дотащить бездыханное тело до кровати. Но на этом её злоключения не закончились. Регулярно просыпаясь, таксист хотел то пить, то пи сать. А коль скоро ходить самостоятельно он был не в состоянии, то Леонора всю ночь курсировала между кухней, туалетом и спальней, двумя руками стараясь удержать вертикально его бесчувственное тело…

Утром, выпроводив восвояси несостоявшегося партнера, Леонора, глядя на своё отражение в зеркале, беззвучно прошептала:

«Это только показалось, что фортуна мне улыбнулась. Нет! Она просто посмеялась надо мной. Всё, хватит шляться по гаштетам, пора покупать пса. Ещё неизвестно, что хуже — пёс, вылизывающий тебе гениталии, или ни на что не способный пьяный мужик в постели!»

С этими словами она извлекла из записной книжки газетную вырезку с объявлением: «Немецких овчарок и догов, обученных куннилингусу, продадим овдовевшим или страдающим андрофобией[1] женщинам, жаждущим получать сексуальные

удовольствия».

Покупку овчарки пришлось отменить, ибо в новогоднюю ночь свершилось чудо…

ПРИШЕСТВИЕ ПРИНЦА

Едва Леонора закончила накрывать традиционный праздничный стол на двоих, в прихожей раздался звонок. Она сразу поняла: это — Принц! Кровь бросилась в лицо, сердце заколотилось в горле, во рту вмиг пересохло. Пулей подлетев к двери и не посмотрев в глазок, она распахнула обе створки. Первое, что она увидела, был огромный букет белых роз, источавших божественный аромат. Такой букет она видела только по телевизору. Его преподнесли английской королеве Елизавете II во время празднования какого-то юбилея…

Букет качнулся, как занавес в Боннской опере, и на рампе возник — о, майн Готт! — Пришелец из её грёз, тот самый Принц.

Красивый, как языческий бог, элегантный, ухоженный и обворожительный, как Ален Делон, он сквозь очки в тонкой золотой оправе неотрывно смотрел Леоноре прямо в зрачки…

— Добрый вечер! — бархатным баритоном, в котором звучал австрийский акцент, произнёс он. — Простите, могу я видеть фройляйн Леонору Сюттерляйн?

— Это я…

— Неудачная шутка! Два дня назад я познакомился с Леонорой на мессе в венском соборе Святого Стефана… Я близорук, но не настолько, чтобы… В общем, она пригласила меня в гости по этому адресу… Ну-ка, держите!

Царственным жестом Пришелец вручил букет Леоноре, достал из кармана роскошного кашемирового пальто бумажник крокодиловой кожи, вынул визитную карточку и показал Леоноре.

— Да, это моя визитка… Но…

То ли от смущения, то ли от пьянящего аромата роз, то ли от явления сказочного Принца, а может, и от всего сразу у женщины закружилась голова, она потеряла дар речи и… окунула лицо в букет.

Первым нашелся Пришелец. Хлопнув себя по лбу, ОН раскатисто рассмеялся.

— Я всё понял… Шутите не вы, а та проказница, что вручила мне вашу визитную карточку… Ну что ж, не пора ли нам вместе пошутить над ней, за то что она присвоила ваше имя? Наверняка, она из вашего близкого окружения. То-то она умоется, узнав от вас, с кем и как вы встретили Новый год…

С этими словами Пришелец оголил запястье и, взглянув на циферблат дорогущих швейцарских часов «Omega» в золотом корпусе, тихо произнес:

— Он уже на подходе — осталось меньше часа…

Леонора не успела ответить — вмешался попугай:

«Ну же, принц, приходи, я жду!» и «Принц, сколько ещё тебя ждать, негодник?»

Пришелец отреагировал мгновенно:

— А вот и приглашение! Только я — не принц, а Фриц, — и, увлекая женщину в квартиру, добавил: — Это ваш мажордом? Он очень строгий — негодником меня обозвал с порога… Уверяю вас, фройляйн, я исправлюсь, вот увидите!

Ну а дальше… Дальше Леонора целый месяц не могла выбраться из сказочного сна, в котором сошлись сладостная боль и исступленная страсть дни и ночи напролёт…

Опомнилась она, когда Фриц Кранц сделал ей предложение выйти за него замуж.

Будучи педантичной исполнительницей воли начальства и рьяно следуя инструкции министерства, Леонора бросилась к офицеру безопасности, чтобы сообщить установочные данные жениха.

Как выяснилось, возлюбленный — рыцарь без страха и упрёка — олицетворял собой эталон нордической расы: ни порочащих связей, ни скандальных или уголовных дел ни в прошлом, ни в настоящем; абсолютное отрицание наркотиков, табакокурения и алкоголя; преуспевающий бизнесмен, в Бонне держит фотоателье; вдовец, детей не имеет; увлекается спортивными играми и путешествиями. И контрразведчики дали благословение на брак.

По настоянию Кранца, венчание состоялось в венском соборе Святого Стефана.

«Дорогая, ты же помнишь, что именно здесь мы познакомились в сочельник, — лукаво подмигнув невесте, пошутил Фриц. — Неужели ты забыла первую нашу встречу?»

Леонора оценила юмор возлюбленного. Да разве только юмор? Она могла часами рассказывать совершенно незнакомым людям о достоинствах своего суженого: и какой он щедрый, и какой он умный, и какой он заботливый, и какой он темпераментный, и, вообще, какой ОН… Тысячи эпитетов, и все в превосходной степени. Словом, муж, отец и любовник в одном лице!

В Вене Кранц предстал перед ней во всём блеске галантного обожателя, одинаково комфортно чувствовавшего себя и в Музее истории искусств, и на гуляниях в честь праздника святого Валентина, где его широте и щедрости могли бы позавидовать арабские шейхи…

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Через некоторое время «Астор» — рабочий псевдоним Кранца, капитана Главного управления разведки, — предложил шефу завербовать Леонору, выдав себя за офицера советской разведки. Свою идею обосновал тем, что в глазах Леоноры великая держава была чем-то более значительным и надежным, нежели ГДР, в отношении статуса и суверенитета которой она отпускала оскорбительные замечания.

Несмотря на этот, казавшийся убедительным довод, генерал Вольф отверг, предложив свой вариант: Кранц откроется Леоноре как офицер австрийской военной разведки (НДА), действующий в ФРГ под прикрытием фотографа-предпринимателя.

Как оказалось позже, интуиция не подвела многоопытного «играющего тренера» — генерала Вольфа.

Благодаря его предложению в результате операции «ДОН ЖУАН» удалось не только дезориентировать ищеек из западногерманской контрразведки, направив их поиск в тупиковом (в австрийском) направлении, но и надолго рассорить две родственные спецслужбы: западногерманское Бюро и австрийское Агентство по охране конституции и борьбы с терроризмом (БВТ — австрийская контрразведка).

* * *

Формально вербовка не была проведена — подписку о сотрудничестве у Леоноры не отбирали, её использовали «втёмную», — но в секретных файлах ГУР и КГБ она значилась как источник под псевдонимом «Хельга».

«Астор» объяснил ей, что они вместе будут работать для благой цели — улучшения отношений Австрии с северным соседом, после чего Леонора стала приносить ему секретные документы из Министерства иностранных дел.

Полгода всё шло хорошо. «Хельга», будучи женщиной неробкого десятка, хладнокровно набивала свою объёмистую сумку километровыми телеграфными лентами и беспрепятственно покидала здание МИД, не подвергаясь досмотру.

«Астор» обрабатывал доставленный материал в своём боннском фотоателье для вывоза его в Вену, а дальше добытая информация попадала к генералу Вольфу и председателю Андропову. Когда же «Хельгу» на три месяца послали в

западногерманское посольство в Вашингтоне, ГУР и КГБ получили беспрецедентную возможность быть в курсе германо-американских отношений на высшем уровне.

Но однажды ночью Леонора призналась мужу, что испытывает сильнейшие угрызения совести от одной только мысли, что ей приходится злоупотреблять доверием коллег. А для неё, добропорядочной католички, любое насилие над нравственностью, как и ложь, — это большой грех.

«Хорошо, что она назвала это злоупотреблением, а ведь могла выразиться и жёстче, употребив слово предательство!» — подумал «Астор» и немедленно связался с Центром, испрашивая совета.

Ответ не заставил себя ждать, и вскоре «Астор» и «Хельга», согласно разработанному в ГУР плану, выехали в Вену и уже по традиции посетили собор Святого Стефана. Там в обусловленное время они «случайно» встретили священника, который «невзначай» предложил им исповедаться.

Первой к исповеди, как и планировали в ГУР, священник призвал Леонору. Из исповедальни она вышла с просветленным лицом. Увидев мужа, она бросилась в его объятия и радостно воскликнула:

«Как хорошо, Фриц, что ты у меня есть!»

Когда «Астор» оказался глаза в глаза со священником, тот успокоил его, заверив, что «Хельга» проблем ни Центру, ни ему не создаст. Но лишь при одном условии: исповедоваться ей необходимо регулярно и, разумеется, только у него.

С тех пор и до самого своего исчезновения КГБ и ГУР имели в своём распоряжении агентов-священников, которые при необходимости могли оказать психологическую помощь верующим агентам, стоящим на распутье. Но это уже совсем другая история…

АРЕСТ

Когда глубокой ночью у входной двери раздался звонок, Леонора не сразу поняла, в чём дело, — у Фрица свои ключи, а гостей они дома никогда не принимали.

Вторгшиеся в квартиру двое сотрудников Федерального бюро по охране конституции — две дюжины других окружили дом и перекрыли черный ход, — предъявив свои удостоверения, поинтересовались, дома ли её муж.

Застигнутая врасплох Леонора, пытаясь взять себя в руки, срывающимся от волнения голосом выдавила из себя:

— Нет, он в деловой поездке, в Вене…

Сотрудники переглянулись и понимающе заулыбались: где же ещё может находиться шпион? Конечно, в Вене — в шпионской столице Западной Европы!

— Как часто ваш муж ездит в Вену?

— По мере необходимости.

— Вы часто составляете ему компанию?

— Никогда!

— Хорошо, фрау Кранц, собирайтесь, вам придется проехать с нами.

Леонора, ещё не понимая, что обречена, нахмурив брови, строго сказала:

— Не забывайте, что мне завтра с утра нужно быть на работе…

— Не беспокойтесь, фрау Кранц, вопрос с вашим руководством уже улажен, оно в курсе, что на работе вас не будет…

Женщина недоуменно вскинула брови и невпопад сказала:

— А как же мой попугай? Он же умрет с голоду. Я возьму его с собой!

Контрразведчики переглянулись. Они явно не ожидали такого оборота.

— Нет-нет, фрау Кранц, возьмите только туалетные принадлежности… Все просьбы потом… к следователю, который будет вести ваше дело. Вам доставят всё необходимое, разумеется, в пределах дозволенного, но… после обыска.

Сотрудник подчеркнуто любезно предъявил ордер на арест и обыск…

ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Раздался стук в дверь, и на пороге кабинета возник межведомственный курьер.

— Герр Крейцель, это для вас! — на стол перед следователем лёг листок, вырванный из школьной тетради, с двух сторон исписанный бисерными буковками.

— Что это?

— Шеф сказал, что вы разберетесь сами… Распишитесь в получении!

— Спасибо… — следователь поставил закорючку в журнале.

Из первой фразы — обращения к получателю стало ясно: писала Леонора Кранц.

«Судя по тому, что текст исполнен разными почерками, — Крейцель с профессиональной дотошностью стал изучать записку, — можно сделать вывод, что послание составлено не в один присест, а в разное время. Следовательно, и самоубийство совершено не под влиянием импульса и мимолетного душевного смятения, а после долгих размышлений… Стоп! А как у женщины оказалась шариковая ручка? Это же категорически запрещено!»

…В 1975 году по указанию министра внутренних дел заключенным запретили иметь перьевые и шариковые ручки. Тому причиной был инцидент с арестантом-наркоманом, которого подозревали в подготовке покушения на канцлера Гельмута Шмидта и потому поместили в отсек для государственных преступников.

Перед заключением в камеру у него изъяли, как того требовала инструкция, колюще-режущие предметы. Через какое-то время следователь заметил, что его подопечный на допросах ведет себя, мягко говоря, неадекватно, а попросту находится в состоянии наркотического опьянения. Как такое могло случиться, если у него отсутствуют и наркотики, и орудия для их применения?!

Подследственному сменили одежду и постельное бельё, а в камере провели тщательный обыск, даже стены простукивали — ничего! А злодей по-прежнему на допросах появлялся под кайфом…

Видеоаппаратура, которую срочно установили в камере злоумышленника, прояснила картину. Всё было предельно просто: шприцем служила шариковая ручка, вернее, её капроновый резервуар для пасты. С ручкой — понятно. Когда покусителя на жизнь канцлера заключали в камеру, ручку как предмет, не представлявший опасности, оставили. Но наркотик,

откуда взялся он?!

А вот откуда.

Каждый вечер, перед отходом ко сну, подследственный начинал кашлять, чем, конечно, привлекал внимание надзирателей. После двух минут надрывного кашля поступала просьба: выдать 3–4 таблетки аспирина. Кто ж откажет? Вслед за этим следовал технологически уникальный процесс изготовления и введения в организм наркотика!

Сначала подследственный жевал таблетки. Через 2–3 минуты, обильно сдобренные слюной, они превращались в некое подобие суспензии, но на самом деле — в жижу белого цвета. Её он сцеживал в стакан, а затем малыми порциями ртом вдувал в капроновый резервуар шариковой ручки, заранее освободив его от пасты и от шарика. Всё — наркотик в виде суспензии и орудие — самодельный шприц — готовы к применению! Да, вот ещё! Поршнем шприца служила спичка с намотанной на неё ниткой.

Дальше — картина не для слабонервных. Зубами арестант прокусывал вену на тыльной стороне ладони, вонзал в кровоточащую рану металлический конец капронового резервуара и вводил в вену ту самую жижу из стакана. И так до тех пор, пока на дне стакана не останется ни капли…

…Крейцель долго, может, даже дольше, чем того требовало содержание записки, вчитывался в буковки-бусинки. Наконец шумно вздохнул, всем телом откинулся на спинку кресла, раскурил очередную сигарету и глубоко задумался. И было отчего!

* * *

«Фриц, мой сказочный Принц! Удивительное дело: впервые в жизни я встретила человека с такой разноречивой духовной палитрой…

Ты — усталый циник, и вместе с тем ты — поэт, романтик, иначе как можно расценить преподнесенный тобой в день нашего знакомства, накануне Нового года, сноп белых роз!

В течение всего времени, что мы женаты, ты дарил мне незабываемый праздник, ничего подобного у меня в жизни не было. Я хотела бы вечно быть рабыней твоих желаний!

Я благословляю ту женщину, что вручила тебе мою визитную карточку — во всяком случае, ты так объяснил её происхождение и своё появление. Увидев тебя, я сразу поняла, нет! — почувствовала, что это — знак Судьбы. Но сегодня, мой милый Принц, я хочу тебе сообщить менее приятные для глаз и слуха

вещи. И не только потому, что мне очень-очень плохо…

Знаешь, я ненавижу фильмы, которые кончаются плохо. Я ненавижу фильмы, которые кончаются хорошо. Но я обожаю фильмы, в которых есть надежда. А её-то у меня и нет. Моя жизнь — это фильм, в котором я пропустила первые 5, нет, не минут — лет, ровно столько, на сколько ты, Фриц, старше меня. Мы попали с тобой в кино, которое началось давным-давно, и нам придётся выйти до конца фильма. Но мне кажется, что я выйду первой. Не знаю, как скоро я это сделаю, но первой буду я. Впрочем, меня вполне удовлетворяет тот фрагмент, что Бог и Ты позволили мне посмотреть…

А теперь, сказочный Пришелец из моих грёз, о совсем грустных делах. О том, что со мной происходит. Где я, ты уже знаешь из моего первого послания. Надеюсь, что душка Отто переслал его по указанному адресу, и ты его получил.

Меня допрашивают через день. Обо мне они ничего не спрашивают — всё о тебе. Но что я могу им сказать?! Я ведь ничего не знаю и поэтому по большей части молчу. Следователь называет это моим способом защиты…

На одном из допросов я попросила его дать мне твою фотографию, но оказалось, что ты так хорошо позаботился о сохранении инкогнито, что ищейки из Бюро по охране конституции не смогли найти в квартире ни одной твоей фотографии! Даже той, что была сделана в Вене, на годовщину нашей супружеской жизни. Но ты наказал не ищеек — меня. А мне бы сейчас очень помогло твоё фото здесь, в камере, но, увы…

Тогда я попросила следователя дать мне какую-нибудь вещь, которая напоминала бы о тебе. Нет-нет, мне не нужны золотые побрякушки, что ты мне дарил, отнюдь! Я попросила, что бы ты думал? Тот букет, что ты мне преподнес в день нашего знакомства на Новый год! Это так символично — начать новую жизнь в Новый год, и у меня она действительно началась с букета и с тобой, пришедшим за час до Нового года!

Засушенный букет простоял год, но, кажется, и до сих пор не потерял своего божественного аромата и очарования. Ты, конечно, этого никогда не замечал. Да куда уж тебе — ты постоянно по своим делам в Вене, со мной, твоей женой, ты виделся урывками. Но мне хватало и того внимания, что ты мне дарил.

Не смейся, прочитав, что я общаюсь с букетом, как если бы это был ТЫ. Просыпаясь, я говорю ему “доброе утро” и даже обнимаю его, будто он — это ТЫ. Вообще-то, букет, по распоряжению следователя, мне доставили с одним условием: я должна рассказать всё и чистосердечно. Но что такое это всё и

что следователь имеет в виду, я не понимаю…

Для того, чтобы разговорить меня, он сегодня применил ужасный приём: выложил передо мной ворох фотографий, где ТЫ голый кувыркаешься с какой-то крашеной девкой! Но я не поверила, что это ТЫ. Это — фотомонтаж, я знаю! Да и откуда у следователя могут быть твои фото, если даже у меня их нет?! Врёт он всё! А ещё он на меня кричал. ТЫ бы слышал, как он кричал и ругался! А потом вынул зеркало, кстати, то самое, что отобрал у меня перед помещением в камеру. Направил зеркало на меня и заорал:

“Ты только посмотри, паршивая овца, на кого ты похожа! Ты — фантомас, ты — страшилище, в тебя не может влюбиться ни один нормальный мужик. Твой Фриц женился на тебе исключительно для того, чтобы ты таскала ему каштаны из огня — похищала секреты. Ты предала своих коллег, ты предала Фатерлянд, ты такая-растакая! Ты занималась шпионажем вместе с подставленным тебе мужем! Ты похищала секретные документы!»

Но это ведь не так! Ты ведь не подставленный муж? Мы же полюбили друг друга, разве не так? И потом такая страсть с твоей стороны… Ночи любви и твою страсть я никогда не забуду, МОЙ Принц!

Нет, я ему не верю, знай это, мой Принц! Я не занималась шпионажем, я никого не предавала, и мне об этом сказал священник, которого мы встретили в соборе Святого Стефана. Он помог мне освободиться от сомнений и тяжести на душе. Я поверила тебе, я пошла за тобой, я подчинилась твоему желанию и наставлению священника поработать на благо двух стран — Остеррейха и Фатерлянда, ведь это так? Скажи, мой дорогой, что это так?! Я верю только тебе, мой Принц!.. Знаешь, следователь не сумел меня переубедить…

И вот, когда он перестал кричать, я попросила вернуть мне моё зеркальце. Должен же он понять, что женщине без зеркала невозможно. Но он мне его не отдал. Знаешь, что он мне сказал?

«Не отдам, — сказал он, — с его помощью ты лишишь себя жизни. Зеркало всегда изымается у заключенного, потому что, разбив его, осколком можно перерезать себе артерию. Поняла?”

При этом он почему-то очень пристально смотрел на меня. Он всегда смотрит на меня пристально — такая у него работа, но в этот раз в его взгляде был какой-то скрытый смысл. Но, может, мне это показалось, не знаю… А потом он сказал:

“Девочка, для тебя игра окончена, ты никогда больше не увидишь своего Фрица, даже не надейся. А всё потому, что ты исполнила свою партию, и он тебя выбросил, как отработанный

мундштук флейты. Он найдёт себе другую и будет с нею радоваться жизни, а тебе до конца дней твоих гнить здесь! Иди и хорошенько подумай о том, что я тебе сказал. Не хочешь говорить — уходи. Уходи навсегда. Поняла?”

Когда я вернулась в камеру и обняла твой, нет! — мой засохший букет, я в первый раз исцарапала шипами руки до крови. Ужас, сколько было крови! Я не могла её остановить. И тогда я поняла, что имел в виду следователь. Шипы — это осколки разбитого зеркала! И я должна ими воспользоваться, чтобы уйти навсегда, ведь мне никогда более не увидеть тебя, мой Принц! И ещё я поняла, что никому не нужна на этом свете. Не нужна была до твоего пришествия, не нужна и сейчас! Ты вдохнул в меня настоящую жизнь и ушёл навсегда, так что же мне остаётся? Я знаю — попрощаться с тобой и уйти насовсем!

Милый Фриц, мы обязательно встретимся на том свете, жаль только, что люди там друг друга не узнают! — так говорила мне бабушка перед смертью. Ты, кстати, сейчас, читая эти строчки, находишься на моем месте. Нет-нет, не подумай ничего дурного, я всё объясню! Дело в том, что после смерти бабушки — умерла она от рака поджелудочной железы — я прочитала её дневниковые записи. Так вот, накануне смерти она, находясь в полном сознании, давала письменные указания, в какой одежде её похоронить…

Если душка Отто не подведёт, ты получишь моё послание и окажешься на моём месте… Прощай, Фриц, мой непрочитанный роман! Жаль, что мне так и не довелось до конца насладиться общением с тобой… Я запуталась во всём этом: в аргументах следователя, в вере в себя! Я не знаю, что мне делать, я дошла до крайности, и поэтому сейчас, как я тебе и говорила, я буду уходить.

Первой!

Твоя Леонора».

— Н-да, — вслух произнёс Крейцель, раскуривая очередную сигарету, — все мы искренни, когда смотрим в пустые глазницы старухи с косой… Да и «душка Отто» не подвёл: теперь Бюро знает, на кого ты работала, Леонора, — на Австрию!

«МЕДОВЫЙ КАПКАН» ДЛЯ «ДЖОКОНДЫ»

ОРУДИЕ ГЛАВНОГО КАЛИБРА — К БОЮ!

Был уже двенадцатый час дня, когда полковник Гасан Ахмед-паша, военный атташе посольства Турции в Москве и по совместительству резидент военной турецкой разведки, проснулся от тревожного сердцебиения.

Ценнейший дар жизни — оптимизм — полковник начал утрачивать на пятидесятом году жизни после того, как во время прохождения плановой диспансеризации в американском военном госпитале узнал, что умирает из-за «тлеющего гепатита», которого специалисты по болезням печени называют «тихим убийцей».

Врачи пояснили, что вскоре его печень больше не сможет фильтровать токсины из организма, и он начнет впадать в ступор: не сможет прочесть газету, закончить фразу, иметь дело с деньгами. При бездействии печени другие органы начнут разрушаться. Появятся эпизоды спутанности сознания, похожие на симптомы болезни Альцгеймера. Регрессия половой функции даст о себе знать в первую очередь, а это скажется на интимных отношениях с женой, двадцатипятилетней красавицей Ширин.

Одобрение своему отказу от хирургического вмешательства военный атташе нашел в беседах по телефону со старшим братом, врачом стамбульской клиники.

* * *

Скаредность Ахмед-паши — в целях экономии он вёл международные телефонные переговоры с братом из своего служебного кабинета — была с восторгом воспринята «слухачами» из Отдельной службы генерала Козлова, и они незамедлительно доложили содержание разговоров шефу.

Как известно, у каждого смертного свой удел. У кого-то больна печень и ему требуются деньги на лечение, а кто-то жаждет обладать чужими секретами, и для этого ему нужны вербовки кадровых сотрудников противоборствующих спецслужб, и чем выше будет их уровень, тем лучше…

После трёх месяцев вербовочной разработки «Янычара» и «Джоконды — под этими кличками военный атташе и его жена значились в файлах КГБ — генерал Козлов всё более склонялся к мысли, что пора вводить особо ценного агента «Константинов», который состоял у него на личной связи.

Форсировать оперативную разработку надо было из-за

прогрессирующей болезни «Янычара», так как ежедневно увеличивалось количество пустых упаковок от лекарств — об этом сообщала агент «Виолетта», служившая у объектов горничной. Когда же «наружка» зафиксировала сближение «Джоконды» с Эббой Йонсен, женой шведского посла, скандально известной в дипкорпусе своими лесбийскими пристрастиями, Козлову стало ясно, что половая жизнь супругов достигла точки невозврата. Он понял, что промедление провалу разработки подобно, и отдал приказ:

«Орудие главного калибра — агента “Константинов”,— к бою!»

ИЗ ЛИЧНОГО ДЕЛА СЕКРЕТНОГО АГЕНТА КГБ «КОНСТАНТИНОВ»

«…Глубокое проникновение в суть дела, трезвая расчетливость, дальновидность, основательность. Адаптация к новой обстановке высокая. Ответственность за свои обещания, обязательства выполняет аккуратно и в срок. Постоянно нацелен на успех. Имеет высокий уровень навыков и умений в изучении людей, установлении и закреплении контактов, добывании информации, интересующей органы госбезопасности. Обладает развитой наблюдательностью, быстро ориентируется в незнакомой среде и трудной ситуации. В достаточной мере владеет психологическим механизмом выведывания. Вполне надежен.

Легко сходится с людьми, независимо от их социального положения, пола и возраста. Держится просто, непринужденно, с достоинством. Имеет разнообразные утилитарные, познавательные, культурные, престижные потребности.

Внешне весьма привлекателен. Пользуется безусловным успехом у женщин, независимо от их возраста. Гипнотическое обаяние, элегантная дерзость создали агенту имидж беспроигрышного сердцееда. Среди профессорско-преподавательского состава Кубанского университета получил прозвище “Казанова”. В этой связи видится целесообразным использовать “Константинова” в добывании информации об объектах нашей заинтересованности через их связи женского пола».

* * *

Обычно «Константинов», участвуя в оперативных мероприятиях по разработке объектов заинтересованности Службы Козлова, выступал в роли начальника отдела Главного штаба Военно-морского флота СССР.

Действительно, трудно придумать лучшую визитную карточку для агента, чем военная форма. С ее помощью можно и познакомиться с объектом, и через несколько минут завоевать его доверие, создав предпосылки для последующего развития контакта с целью получения необходимой информации.

Военно-морская форма на плечах агента имела еще одно преимущество. Если он привлекался к разработке установленных

разведчиков — сотрудников военных атташатов недружественных стран, — то через него, как офицера, имеющего доступ к сведениям, составляющим военную тайну, можно было «гнать дезу» — поставлять ложную информацию о нашей обороноспособности и военных приготовлениях.

Яркой внешности от природы, «Константинов» в мундире морского офицера был неотразим. Разве можно устоять под взглядом этих оливковых глаз, разве можно отказать обезоруживающей улыбке этого морского дьявола? А его широта и щедрость? Они не знали границ. Что ж, досрочно списанный на берег бывший командир атомной подводной лодки, а ныне начальник отдела Главного штаба Военно-морского флота СССР, получал хо-о-рошие деньги! К тому же он не женат и детей не имеет.

Генерал Козлов был осведомлен, на чем была замешана трагедия Кирова — на балеринах Ленинградского оперного театра. Любовницы-танцовщицы приревновали лидера ленинградских коммунистов к его последней пассии — официантке Мильде Драуле — и сделали всё возможное, чтобы ее ревнивый до безумия муж узнал о приключениях ненаглядной женушки с трибуном партии большевиков. Было известно генералу и роковое увлечение маршала Тухачевского прима-балериной из Большого. Поэтому-то его усилия были направлены на то, чтобы в фокусе внимания «Константинова» постоянно находились лица, вращающиеся в околотворческой среде.

Проплаченные Комитетом репетиторы из Большого театра натаскали «Константинова» по части светских манер, поставили ему литературное произношение, дали уроки хороших манер и обхождения с дамами из советского высшего света. Он свободно ориентировался в мире московской богемы, ее тайн и интриг, капризов и интересов.

Его видели с артистками в «Пекине» и «Национале», он собирал компании на подмосковных дачах, талантливо раскручивал флирты и интриги, за оргиями не забывая своего основного предназначения — добывания интересующей КГБ информации.

Галантный, остроумный капитан первого ранга производил впечатление надежного мужчины, готового быть деловым партнером и другом, способного провернуть дельце и вывернуться из любой непредвиденной ситуации, и в то же время устроить для очередной любовницы из Большого незабываемую ночь-праздник, сексуальный фестиваль, после которого она уже отвергала предложения других поклонников.

С началом оперативной разработки «Янычара» Козлов принял

решение сначала подставить «Константинова» «Джоконде», а уже через неё выйти на её мужа…

УТРО СЕКРЕТНОГО АГЕНТА

«Константинов» брился, стоя перед зеркальным шкафом. Что может быть лучше ощущения горячего прилива жизни! Черт возьми, какая легкость во всем теле! Кровь так всего и омывает, пена для бритья так и кипит на щеках — вены готовы взорваться от адреналина. Так славно вчера всё получилось! Аристотель повел плечом, и ноги сами притопнули по ковру. Это же счастье — жизнь, полная приключений! А кто их создает? Правильно — иностранные разведки и КГБ!

И, вдруг испугавшись, — не прыщик ли? — он придвинулся к зеркалу. Прыщика не было.

«Нет, он есть. Прыщик — это я! — вслух сказал себе “Константинов”, — а иностранные разведчики и генерал Козлов — это мои целители…»

От этой мысли стал чуть-чуть грустно.

«Ничего, — успокоил себя агент, — у каждого свой кон и своё предназначение — кому-то кашу заваривать, а кому и пробу с нее снимать. Вы, товарищ генерал, придумывайте, анализируйте, противоборствуйте, а пенки наслаждений снимать буду Я! И как можно чаще вводите меня в разработку таких девочек, как вчерашняя турчанка. Такую красавицу надо еще поискать! А найди ее кто-то, на вас не работающий, так вы же сами его к ней и не подпустите, потому что она — объект вашей оперативной заинтересованности! И чтоб я делал без вас, дорогой мой генерал?! Воистину, “плыть по течению особенно легко при попутном ветре”. Вы — тот самый ветер, который надувает мои паруса…»

Повеселев от оценки собственной роли в контрразведывательных мероприятиях и воспоминаний о вчерашнем событии, Аристотель бросил бритву на стеклянную доску, выбежал из ванной комнаты и схватил лежащую на письменном столе визитную карточку.

«Надо же придумать такую должность — помощник советника по этническим вопросам! Наверняка на дипломатическую службу она попала по блату. Интересно, кто её спонсор? Да, облагодетельствовать такую кошечку — одно удовольствие. А коль скоро филантропия сегодня не в моде, то какой же страстной была ее благодарность? Стоп! Генерал что-то там говорил о её муже, “шишкаре” в посольской резидентуре, дескать, он — основная цель разработки. Ничего, доберемся и до него! Будем продвигаться к мужу не торопясь, короткими перебежками, а лучше — ползком. Сначала раскрутим роман с

турчанкой, а вам, товарищ генерал, придётся подождать! Дольше едешь — больше командировочных. Это — аксиома!

Вообще, черт возьми, как удивительно устроен этот мир! Ах, Ширин, Ширин! Стоило нам встретиться с тобой глаза в глаза, как мы сразу поняли, что наш роман состоится! Не будь я связан заданием, не будь "наружки" вокруг, а то, что она была, сомнений быть не может, зря, что ли, я четверть века отпахал на КГБ, мы бы с тобой, моя красавица, уже через десять минут мчались ко мне домой!

Да, определенно что-то есть в тебе такое, дорогая моя, чего не заметил до меня в тебе ни один мужик! Ты не просто красива, ты обворожительная фея! Твои глаза — два манящих капкана, из которых не выбраться! А какая глубина! Это же пучина, пропасть. Смотришь в них, и дух захватывает, голова кружится, будто в бездну сорвался!»

…Аристотель повернул никелированные краны, горячая вода зашумела в белую ванну, поднимая облачка пара. Закрыл воду, сбросил пижаму и, вздрагивая от звериного наслаждения, с шумом окунулся по самый подбородок. Продлевая наслаждение, поворачивался с боку на бок, оживляя в памяти подробности вчерашнего знакомства с прекрасной турчанкой.

* * *

Стоило молодой красавице наклониться, чтобы запереть дверцу темно-синего «мерседеса», как тут же порыв ветра, выпорхнув из-за угла Тверской на Страстной бульвар, насмешливо забросил юбку ей на плечи, обнажил её соблазнительные чресла. Проходившие рядом мужчины на мгновение застыли в изумлении, наслаждаясь импровизированным стриптизом.

Небрежным жестом женщина одернула платье и царственной поступью направилась к подъезду. На грохочущем лифте поднялась на пятый этаж и потянула на себя ручку обшарпанной двери.

— По вам, дорогая Ширин, можно сверять кремлевские куранты! — раздалось в глубине квартиры, и навстречу жене турецкого военного атташе выплыла известная в кругах московской артистической богемы портниха-белошвейка, великая искусница Эсфирь Моисеевна.

Женщины манерно обнялись. Хозяйка тараторила, не умолкая, изливала на иностранку ушаты восторженных похвал. Не были забыты ни умопомрачительной красоты фигура гостьи,

ни её глаза, волосы, кожа и прочая, прочая, прочая…

Под конец Эсфирь Моисеевна, сделав провокационный комплимент Ширин и отметив её изысканный вкус, предложила выпить по чашечке кофе. Хотя Ширин была в восторге от работы белошвейки, но эта уловка, превратившаяся в подобие ритуала, изрядно надоела турчанке. Она дипломатично парировала грубую лесть, ограничившись нейтральным замечанием:

— Извините, Эсфирь Моисеевна, я сегодня очень занята, поэтому кофе мы выпьем в следующий раз. Не возражаете?

— Ну что вы, что вы… Я вообще удивляюсь, как вам удаётся выкроить время, чтобы посетить меня. Я готова примчаться к вам по первому же сигналу, вы только позвоните!

…Лишь только дверь за очаровательной клиенткой закрылась, как лицо угодливой хозяйки приобрело бульдожьи черты. Вынув из передника переговорное устройство, закамуфлированное под портняжный мелок, она прорычала:

— «Первый», «первый»! Я — «второй». Манекен вышел! Как поняли? Приём!

«Первый» прохрипел в ответ, что сигнал принят, и тут же приказал «Константинову»:

— На приступ!

* * *

Турчанка вышла из подъезда, и ее взгляд уперся в спущенное колесо. Вынула из сумочки мобильный телефон. Секунду постояла в раздумье, но вдруг решительно открыла багажник и вытащила насос. Вспомнила, что для предстоящих манипуляций необходим еще и домкрат, но куда он запропастился, да и вообще, черт подери, как с ним обращаться?!

Ширин растерянно рассматривала свои перепачканные маслом белые перчатки, как вдруг к тротуару лихо свернула черная «Волга» и из нее выпрыгнул писаный красавец в форме морского офицера.

…Все жены профессиональных разведчиков, сопровождающие мужей во время длительных загранкомандировок, как наши, так и «ихние», в обязательном порядке проходят ускоренные Курсы повышения квалификации оперсостава (хотя о каком «повышении» и о каком «оперсоставе» может идти речь применительно к домохозяйкам?!). Поэтому Ширин не только определила звание офицера, выпрыгнувшего из «Волги», как черт из катапульты, но и, заметив, как ладно на нем сидел мундир, сделала вывод, что он — штабной служака. Однако количество

орденских планок говорило о том, что на берег каперанг списан недавно, — таская дым в штанах по штабным коридорам, и за двадцать лет не заработать шестнадцать наград!

«Ему, похоже, еще нет и пятидесяти… О, Аллах, да у него орден Красного Знамени и орден Красной Звезды! Значит, он воевал? А что? Говорит же Ахмед-паша, что русские ни на один день не прекращали тайных войн с момента прихода к власти большевиков — вот передо мной живое тому подтверждение. Ничего себе сюрприз! Вот за такими русскими флибустьерами Ахмед-паша и приехал сюда поохотиться. Но этот чертовски хорош собой! Прямо-таки языческий бог, правда, изрядно поседевший. А глаза! Цвета морской волны, они просто завораживают…

Да, ордена просто так не даются… Вот бы Ахмед-пашу сюда! И почему ему не везет с русскими морскими офицерами? Поймай он в свои капканы парочку таких вот орденоносцев — давно стал бы генералом. Стоп! У этого корсара восточный профиль. Кто он? Армянин? Азербайджанец? Ахмед-паша говорит, что в бывшем Советском Союзе кровосмешение достигало таких масштабов, что чистокровными остались лишь ахалтекинские скакуны и восточноевропейские овчарки…»

— Мадам, у вас проблемы? — «Константинов» взглядом указал на насос в руках Ширин. — Если вас это не огорчит, мой водитель в вашем распоряжении. Старшина! — оборот головы к «Волге», — ко мне бегом, марш! Надо же, оказывается, сказки бывают не только в книгах, но и на московских улицах — встретить красавицу из восточных сказок — это даже не сказка — это фантастика! — Вперив пронзительный взгляд в зрачки турчанки, с искренним восторгом произнес агент.

— Спасибо за комплимент…

— Вы — женщина, не нуждающаяся в комплиментах!

Турчанка, не ожидавшая такого натиска, вмиг зарделась, опустила насос себе под ноги и тихо сказала:

— Спасибо и за этот комплимент… Не стоит беспокоиться. Я позвоню в посольство. Они приедут и всё сделают…

— Посольство? Так вы не россиянка? А откуда вы?

— Я из Турции…

Услышав это, агент взял Ширин под локоть и увлек ее подальше от кромки тротуара.

— Бог мой, вот так сюрприз, — лицо «Константинова» озарила улыбка, от которой тают льды на Северном полюсе. — Через месяц мне предстоит командировка в Стамбул. Вы в Москве по коммерческим делам?

— Нет, я сотрудник посольства…

— Ну да, конечно… Как это я сразу не обратил внимания на номер вашей машины. Хотя сейчас многие иностранные бизнесмены разъезжают по Москве на машинах дипломатических корпусов своих стран.

«Константинов» испытующе смотрел в глаза собеседницы.

— Нет-нет, я не коммерсант…

Ширин, еще больше смутившись под этим гипнотическим взглядом, безотчетно сняла испачканные перчатки и бросила их в урну. Вдруг она решительным жестом распахнула сумочку и вынула визитную карточку.

— Вот, пожалуйста, возьмите!

«Константинов» внимательно прочитал текст.

— Откровенно говоря, я бы проехал мимо, если бы знал, что вы сотрудница посольства. Я приказал водителю остановиться, увидев красивую женщину с насосом в руках. В таких руках привычнее видеть цветы, бокал вина, но никак не… Что ж, видно, не судьба!

«Константинов» умолк, театрально потупив взгляд.

— Что вас смущает? Насос в моих руках или моя национальность? Турция — не самая плохая страна, не так ли? — с вызовом спросила Ширин.

— Меня? Ничто! Но мое начальство… — агент коснулся рукой погона. — Турция — в составе НАТО, нынешнее продвижение Северо-Восточного альянса к границам России и так далее… Я лишь могу сказать, как плохо, что большая политика мешает маленьким людям общаться, влюбляться, устраивать личную жизнь!

— Вы такой влюбчивый?

— Я бы не сказал… Я — вдовец.

— Простите, я не хотела вас обидеть…

— Ну что вы, не стоит извиняться, уже семь лет, как я потерял жену…

— У вас есть дети?

— Нет… А что это мы все обо мне да обо мне? Давайте о вас поговорим! — агент многозначительно посмотрел на часы. — До совещания в Генеральном штабе у меня есть еще двадцать две минуты. Вы здесь по делу или просто проезжали мимо?

— По делу. Здесь живет моя портниха…

— Так, может, это она иголкой проколола колесо? Вы, наверно, ей плохо платите? Если что, можете рассчитывать на мою помощь!

«Константинов» комично округлил глаза и подмигнул турчанке.

Рассмеялись. Ширин смеялась особенно громко —

сказывалось нервное напряжение. Взгляд каперанга будоражил глубины души и вместе с тем притягивал, манил какой-то неземной силой.

— Благодарю вас, мой муж — военный атташе и неплохо зарабатывает. Кстати, в пятницу в нашем посольстве состоится приём, я приглашаю вас…

— По какому случаю приём?

— Колесо готово, Аристотель Константинович! — раздалось за спиной.

Агент, продолжая смотреть турчанке прямо в глаза, сжал её руку.

— Как тебя зовут?

— Ширин… На визитке есть моё имя…

— Я хотел услышать, как произносишь его ты, чтобы называть тебя так, как тебе нравится. Это ведь древнее турецкое имя, я не ошибаюсь? — «Константинов» перешел на шепот.

— Да! Такое же древнее, как твоё… Ты — грек? — спросила турчанка, не заметив, что они вдруг перешли на «ты».

— Греция — не самая плохая страна, не так ли? Что же вас смущает? Погоны на моих плечах или моя национальность?

«Константинов» в точности воспроизвел слова и интонацию иностранки. Снова рассмеялись.

— Вы — остроумный человек, с вами надо держать уши острыми…

— Держать ухо востро…

— Извините… Я еще плохо знаю русский язык…

— Поверь мне, ты знаешь его в достаточной мере, чтобы понять слова любви… Вопрос в том, будет ли у меня возможность тебе их произнести? — комок застрял в горле агента, а глаза вмиг увлажнились. Срывающимся голосом агент спросил: — Когда в следующий раз ты должна быть здесь? Скажи, и я приеду! Я брошу к черту все дела и примчусь немедленно!

Дыхание турчанки участилось, взгляд лихорадочно метался по лицу собеседника, она вдруг увидела стоявшие в его глазах слёзы. С трудом переведя дыхание, женщина прошептала:

— Аристотель, не надо…

«Константинов» уже двумя руками сжимал локти Ширин.

— Надо! Хотя бы одно свидание. Оно ведь ни к чему тебя не обязывает, поверь… Я позвоню, дай мне свой домашний телефон!

— Нет-нет! Завтра. Здесь. В это же время…

Турчанке показалось, что грек не расслышал её слов, так как в это время он, склонив голову, покрывал поцелуями ее руки.

— Аристотель… Завтра… В это же время! — полузакрыв глаза, повторила Ширин. «Константинов» резко поднял голову,

крепко поцеловал женщину в губы и, развернувшись по-военному на каблуках, нырнул в «Волгу»…

* * *

«Значит, сегодня у нас с тобой, дорогая Ширин, примерка. Похоже, она должна была состояться не сегодня, а позже, но для того, чтобы встретиться со мной, ты ответила так решительно: “Завтра!” Девочка, ты и не подозреваешь, что за примерка предстоит нам обоим! Постараемся тебя не разочаровать! По-русски ты говоришь превосходно. Интересно, это тоже входит в обязанности помощника советника по этническим вопросам?

Чёрт! Забыл сказать Козлову, что нужен букет роз. Прийти на первую встречу без цветов? Да никогда! Это всё равно, что заявиться к женщине на первое свидание в несвежих носках или нажравшись чеснока. Первое — тут же станет последним! Значит, придется заехать на Центральный рынок. Розы! И только белые! Как символ чистоты и невинности моих помыслов, наших будущих встреч и наслаждений… Приготовьтесь, товарищ генерал, выделить деньги ещё и на розы. Ведь вы же сами не устаёте повторять: “Средства, потраченные на ухаживания за объектом, — гроши по сравнению с тем капиталом — информацией, — которой он располагает!”»

ПРИКАЗАНО СОВРАТИТЬ

В назначенный час «Константинов» на черной «Волге» со служебными номерами Министерства обороны подкатил к знакомому подъезду на Страстном бульваре.

— Ширин, добрый день! Первый раз в жизни встречаю такую пунктуальную женщину! — сказал Аристотель, усевшись в «мерседесе» турчанки. — Признаться, я думал, что мне придется или долго ждать, или уехать ни с чем…

— Почему? — вместо приветствия спросила турчанка.

— Видишь ли, хотя я уж и не вспомню, когда последний раз назначал свидание женщине, но мне известно, что все женщины лишены чувства времени, поэтому всегда и всюду опаздывают. А во-вторых…

Агент умолк, выжидающе глядя на собеседницу.

— А во-вторых? — лукаво улыбнулась Ширин.

— А во-вторых, первым на свидание прибывает тот, кто от него ожидает большего, чем…

— Ты — опасный человек, Аристотель! — ударив ладонью по рулю, с грустью в голосе заметила Ширин.

— Самый безобидный и беззащитный человек на свете — это мужчина, сбежавший со службы, чтобы встретиться с возлюбленной! Почему же я опасен? — кротко произнес «Константинов», а про себя подумал:

«Привыкай, девочка! Я — тиран, деспот, и буду всё время, играя на грани фола, подавлять твою психику… Но в конце концов, поверь, тебе это понравится!»

— Потому что ты — психолог… Действительно, первым приходит тот, кто от свидания ожидает большего, чем другой…

«Константинов» прижался щекой к женскому плечу и примирительно сказал:

— Ширин, дорогая! О чем это мы с тобой заговорили? Кто из нас ждет от свидания больше, а кто меньше? Ну что нам с тобой делить? Уже одно то, что мы с тобой в служебное время вырвались на свидание — это разве не доказательство, что от него мы ждем одинаково много?! Жаль, что я только в душе поэт, а то бы я сложил поэму, как сутки напролёт, не смыкая глаз, поминутно смотрел на часы, ожидая наступления этой сказки — возможности вновь увидеть тебя! Пойдем, я тебе что-то покажу…

Агент нежно взял турчанку за руку и открыл дверцу. Ширин, безотчетно повинуясь, выбралась из машины не через свою дверь, а вслед за Аристотелем.

Увидев целый стог белых роз, заполнивших заднюю половину

салона «Волги», турчанка, головой окунувшись в него, еле слышно выдохнула:

— Ты — поэт, Аристотель… Не на словах — в жизни!

* * *

Так и ехали: «Константинов» — за рулем, Ширин — в дурманящем цветочном стоге сзади.

Когда выбрались на Можайское шоссе, Ширин вдруг спросила:

— Аристотель, а куда ты меня везешь?

«Отлично сказано, девочка! Мысленно я тебе, нет, не тебе — себе аплодирую! — оценил вопрос турчанки агент. — Ты правильно поставила вопрос: не куда Мы едем, а куда Я тебя везу! Значит, подсознательно ты уже готова к тому, что ведущий — я, а ты — ведомая».

Бесстрастным тоном, как если бы вопрос о маршруте был уже согласован, «Константинов», не отрывая глаз от дороги, коротко заметил:

— На дачу моего приятеля…

В ответ Ширин согласно кивнула головой. Затем, спохватившись, обеспокоенно спросила:

— А кто кроме нас там будет? Приятель?

«Это очень хорошо, что у тебя, девочка, всех-то и проблем — будет ли на даче приятель, а не когда мы вернемся и чем мы будем там заниматься! Или последнее — это уже для тебя вопрос решенный? Ну-ну, посмотрим, как ты поведёшь себя дальше!» — «Константинов» весело рассмеялся.

— Нет, приятеля там не будет! Он — не поэт… Он — мой сослуживец, и в рабочее время подсчитывает и оценивает секреты, украденные нашей разведкой у военно-морских сил стран НАТО. На даче будет только сторож. Он приготовит шашлыки, пока мы будем кататься на катере. Ты ведь никогда не каталась на катере по Москва-реке, не так ли?

Надо было срочно перевести стрелки мыслительных процессов иностранки на любой свободный путь, переключив её внимание, пока она не передумала, ехать или нет.

«Всё как будто идет по плану, но черт его знает, как ты поведешь себя в следующую секунду! Мало ли что может заставить тебя, девочка, круто изменить намеченный генералом Козловым и мною маршрут?!»

— Нет, не каталась… А долго нам ехать?

Оценив вопрос, агент с облегчением вздохнул —

возвращаться с полпути не придется.

— Уже почти приехали…

Как только с Можайского выехали на Успенское шоссе, «Константинов», чтобы окончательно отвлечь турчанку от возможных размышлений о её безрассудном поступке, начал нести всякую чепуху о мелькавших за окном строениях, их мнимых хозяевах, не забывая забрасывать попутчицу вопросами.

— А вот здесь Молотов принимал свою любовницу, балерину из Большого… Помнишь такого заместителя Сталина?

— Конечно… Я училась в Сорбонне и прослушала специальный курс о вашей советской истории. Там я начала учить русский язык…

Агент, будто никогда не слышал от генерала Козлова, что турчанка получила европейское образование, разыграл искреннее изумление.

— Как?! Ты училась во Франции? Вот оно, оказывается, в чём дело! А я-то, влюбленный глупец, думаю, почему моя дорогая Ширин по Москве разъезжает не в парандже?! Н-да, как пел Володя Высоцкий: «Она жила в Париже, куда мне до нее!» Ты слышала, Ширин, песни Высоцкого?

— Конечно…

— А вот здесь, смотри-смотри, Микоян жарил шашлыки из осетрины и чуть не погиб, подавившись костью! А правда, что шашлык из осетрины — это ваше национальное блюдо?

— Ну, не совсем наше… Скорее это иранское национальное блюдо…

— А вот здесь, знаешь, что происходило в сталинские времена?

Импровизировал агент искренне и самозабвенно, а в памяти всплывали эпизоды из жизни Ширин, рассказанные генералом Козловым в ходе последней явки…

* * *

Аромат жареного мяса заполнил салон «Волги», как только сторож учтиво распахнул ворота и машина въехала на ухоженную лужайку перед роскошной дачей.

— Какая красота! — воскликнула Ширин. — Твой приятель, наверно, военно-морской министр? Это не дача — это вилла, достойная какого-нибудь миллиардера, на Багамах, в Майями, а не в Подмосковье!

— Нет, это всего лишь дача зятя командующего ВМФ России, — криво улыбнулся «Константинов». — Дай нам Бог

когда-нибудь побывать на дачах, где живут слуги народа — Горбачёв, Ельцин, Лужков… Вот у них — виллы, а не дачи!

— Аристотель, я еще плохо знаю русский язык, а что такое «слуги народа»?

— Деточка, это все те, кто дни и ночи напролёт только и делают, что пекутся о благе народа, другими словами, — это наш президент, наше правительство и высшая чиновничья рать, которых, как мне думается, 80 % жителей России попросту задушили бы в своих объятиях. Вот такая у нас любовь к нашим слугам народа… Ясно?

— Да, конечно… А скажи, Аристотель, твой друг — это тот, который ворует секреты НАТО? — Ширин лукаво взглянула на «Константинова».

— Нет, ворую секреты я, а он пишет об этом отчеты. Я — разведчик, а не бюрократ. Мое дело — добыть информацию, а бумаги пусть пишут другие… Позволь, я сниму китель — очень уж жарко!

— Так ты — шпион, Аристотель?

— Ширин, давай договоримся, что во внеслужебной обстановке я просто Ари. Тем более для тебя!

Агент, следуя линии поведения, отработанной ему генералом Козловым, уклонился от прямого ответа. Сделал, как тот и советовал: «да» и «нет» не говорить, «чёрное» и «белое» не называть!

Вспомнились слова, произнесенные генералом во время последнего инструктажа: «Вообще, Аристотель Константинович, жизнь, которую мы ведем, заставляет нас многое скрывать. Поэтому надо стараться говорить как можно больше правды или, еще лучше, не говорить ничего. Присмотрись, и ты заметишь, что твои собеседники не очень-то интересуются твоим мнением или тем, что ты им хочешь рассказать, а предпочитают рассуждать сами. Им нравится, когда их внимательно слушают, а ты лишь ограничиваешься поощрительными замечаниями или уточняющими вопросами. Они уйдут с убеждением, что ты — прекрасный собеседник, разделяющий их взгляды, хотя на самом деле ты вообще не высказывался, а лишь внимательно слушал. Это приносит успех.

Совсем по-другому надо вести себя с человеком, о котором тебе известно, что он намерен “прокачать” тебя. Полагаю, что в лице Ширин ты столкнешься именно с таким человеком… Мне кажется, что оптимальным вариантом было бы заинтриговать ее, напустить туману вокруг того, чем ты занимаешься в Главном штабе ВМФ России. Выжидая, фиксируй интерес иностранки к специфике твоей профессии. При этом постарайся не выражать

своей обеспокоенности по поводу ее целенаправленного любопытства, и попыток что-либо разузнать не пресекай. Чаще ссылайся на своих коллег, которые якобы лучше осведомлены в тех вопросах, на которые иностранка потребует ответов. Время от времени прояви простодушие, предложи познакомить ее с этими осведомленными коллегами-друзьями, но при этом чуть-чуть приревнуй… Или отшутись, но каждый раз оставляй ей шанс. Пусть она винит себяв том, что не смогла в правильной редакции поставить вопрос. Словом, тебе надо сыграть в игру “да” и “нет” не говорить, “чёрное” и “белое” не называть. Мне кажется, было бы правильно перенести на более поздний период обсуждение любых тем, относящихся к твоей служебной деятельности. О них можно поговорить, ну, скажем, во время приёма в посольстве, на который ты приглашен.

Думаю, не следует задавать собеседнице встречных вопросов, касающихся ее работы в посольстве. Ты — влюблен, она тебя интересует как женщина, а не как должностное лицо».

— Ари, ты не ответил на мой вопрос! — настаивала турчанка.

— Почему же, ведь я сказал, что ворую секреты, значит, я — шпион…

— А твой приятель? Он тоже шпион?

— Скорее нет. Он — аналитик, пишущий отчеты о том, как твой Ари ловко крадет секреты. Мой приятель преуспел в этом деле и даже возвысился. У него бойкое перо, а у меня — всего лишь оперативный дар. Но работать с ним в тандеме — одно удовольствие!

— Разве ты, Ари, не понимаешь, что он эксплуатирует тебя? Ты таскаешь ему каштаны из огня, а он только и делает, что составляет отчеты. Пишет о том, что сделано тобою, а не вами! Разве это справедливо?

— Но награды всё-таки получаю я…

— Да, я заметила, у тебя даже есть боевые ордена… Интересно, за какие бои?

— За те сражения, что я вел на даче моего приятеля с очаровательными иностранками, воруя у них посольские секреты! Дорогая, тебе не кажется, что мы заболтались? Пора тебе узнать, каким искусством жарить шашлыки владеет наш сторож.

«Константинова» взял турчанку за талию и увлек к мангалу, где жарилось мясо.

Про себя же подумал:

«Черт подери, не слишком ли прямолинейно, девочка, ты начала “прокачивать” офицера Генерального штаба, коим я для тебя являюсь?!»

На лужайке, рядом с мангалом, был врыт в землю длинный

дубовый стол, на котором громоздились закуски и целая батарея бутылок со спиртным.

— Ари, — вдруг закричала Ширин так громко, что агент от неожиданности вздрогнул, — мы забыли цветы! Здесь не хватает роз!

«Константинов» махнул рукой и сторож, сгибаясь под тяжестью ноши, приволок охапку белых роз к столу.

— Клади прямо на стол! — приказал агент сторожу, хотя догадывался, что этот рослый детина, судя по возрасту, как минимум в звании майора.

Начали с шампанского. Ширин бросила в бокал с вином лепестки роз.

— Уезжая из Парижа, я бросила горсть монет в Сену с одного ритуального моста, чтобы вновь туда вернуться. Лепестки — это тоже монеты. Может быть, когда-нибудь мне доведется вернуться в море роз…

«Жаль, если не со мной», — с грустью подумал «Константинов».

…Прогулочный катер, уже с другим рослым майором у штурвала, летел по Москва-реке, играя фейерверком брызг на хвосте. Мимо проносились идиллические берега с сосновыми лесами, уютными полянами, густо заросшими цветущими ромашками. Красота — ни одной живой души вокруг!

«Константинов» и Ширин, обнявшись, стояли на палубе. Он исступленно целовал ее лицо, губы, шею, открытую впадину груди. Волосы турчанки вились по ветру, окутывали его лицо. В какой-то момент, не выдержав испытания искушением обладать этим огнедышащим телом, агент приподнял Ширин от пола и, держа на весу, сбежал по ступеням в каюту.

Никогда не знаешь, что в голове у женщины, хотя порой бывает и видно, чего она хочет, и чего нет, чего боится, и до каких пор подпустит к себе. Но никогда нельзя заставлять женщину делать что-либо вопреки ее желанию.

Аристотель рискнул и положил свою руку турчанке на грудь. Удивительное дело! Ширин не отстранила руку, наоборот — всем телом легла на ладонь. Волшебное ощущение! Но сомнения у агента оставались. Женщина, тем более такой редкой красоты, должна же посопротивляться, хоть для порядка. Ведь они едва-едва знакомы…

— Давай разденемся, — продолжил атаку «Константинов».

Она молча сдернула блузку на ковер, до подмышек подняла подол широкой юбки, с остервенением рванула ажурные трусики, явив на свет божий две молочно-белые ляжки, скрепленные наверху черным треугольником, и с едва заметной улыбкой

застыла посреди комнаты.

— О Господи, какая же ты красивая! Как пахнет от тебя чистотой весеннего дождя, горьким мёдом и… розами!

Аристотель шагнул к Ширин, прижал к себе и ощутил под пальцами упругую бархатную грудь, которая казалась ему огромным персиком.

— Чему ты смеешься? — прошептала она.

— Я счастлив, — еле шевельнулись его губы.

Подняв женщину на руки, он тут же опрокинул её на ковер. Крепко держась за его шею, она прошептала:

— Не здесь, не здесь… Не сейчас!..

Аристотель, вмиг захмелевший от предвкушения близости, упрямо мотал головой — только здесь, только здесь, немедленно!

Как в бреду говорили они — быстро, яростно, смятенно, — и весь их горячечный разговор был просто криком, — его оголтелым и торжествующим «ДА!» и её отчаянным и бессильным «НЕТ!»

С истерической слезой в горле она бормотала, уговаривала подождать, только не сейчас, потом, лучше потом, но сейчас не надо, это ужасно — ведь знакомы они всего лишь второй день, это ужасно, ей стыдно, у неё ни с кем такого не было, она ему верит, но они же не скоты, не животные…

«Константинов» в каком-то сомнамбулическом приступе продолжал раскладывать ее между обжигающе холодными ведерцами с шампанским, трясущимися руками скользил по упругому шёлку её бедер, пока его ладонь не вобрала в себя горячий бутон ее лона. Наконец похоть и приключенческий задор победили последние крупицы разума в ней, и она уступила. До хруста прижав женщину к себе, Аристотель присел немного, а её вздернул на себя.

Она коротко вскрикнула и обмякла, отдавшись во власть его безумного порыва. Белые лучи вздыбившихся ног турчанки, чёрный мохнатый тюльпан её естества сводили Аристотеля с ума, рвали на куски его воспаленное воображение…

Её губы были закушены, а в уголках глаз метались бесовские искорки. И когда он вошел в неё, она зажмурилась, сладко и глухо замычала.

«Врёт, ведь всё врёт! Не надо сейчас, мне стыдно, у меня ни с кем такого ещё не было… А в Париже? Тоже ни с кем и ничего не было?!» — мелькнула у Аристотеля мысль и тут же погасла кометой, потому что он почувствовал, как мука наслаждения перетекает из её чресел в него, и водоворот нечеловеческой страсти отключил сознание.

Фантастический загул начался. Время остановилось за

порогом каюты, там, на палубе, а может быть, на Страстном бульваре?

Сексуальным атакам, казалось, не будет конца. Наконец обоюдная страсть достигла апогея, и «Константинов» почувствовал, как женское тело забилось в последних счастливых конвульсиях обладания. Тела их замерли. Ширин, больно вцепившись Аристотелю в грудь, испытующе наблюдала за ним, вперив взгляд в его зрачки. Он приподнялся над ней и совершенно неожиданно для самого себя громко рассмеялся.

— Ари, что происходит? — забеспокоилась женщина.

— Ширин, тебе сколько лет?

— Двадцать семь… А что?

— Нет-нет, ничего… Ты сумела мне вернуть мои двадцать семь. Безумие какое-то… Подумать только, десятки женщин пролетают в твоей жизни, как снежинки во время метели, как вдруг — стоп машина! Ты нашел то, что искал всю жизнь…

Аристотель испытывал счастье и боль одновременно, глядя на это щедрое молодое тело, преисполненное неги, готовое к пылкой отдаче, эти влекущие глаза, одинаково хитрющие и доверчивые. Он думал о том, что между ним и турчанкой дистанция в два десятилетия и… генерал Козлов. А так хочется продлить эти мгновения яростного первобытного блаженства, когда это тело, разгоняемое тобою, мычит и сладко воет, а ты нутром чуешь, что забавы с ним никогда не прискучат и не внушат усталости, потому как, не успев закончить первый заезд, ты уже вновь готов продолжить эту лютую скачку!

«Вот и попробуй изложить это генералу в отчёте о совращении турчанки! Да разве я сумею это описать? Да разве он сумеет это понять?! Странно, — вдруг пришло в голову “Константинову”, — а девочка что? Уже никуда не торопится?»

Будто подслушав его мысли, Ширин обеспокоенно спросила:

— Ари, который час? Боюсь, что меня уже ищут в посольстве!

— Я сейчас вызову из Генерального штаба вертолет, и он тебя доставит прямо в кабинет посла. Только, чур, не одеваться!

* * *

В заключение остается добавить, что хоть и преуспела объект оперативной разработки «Джоконда» на поприще обольщения мужчин, но побеждает тот, кто старается сильнее. Не знавшая поражений в любовных играх турчанка сама угодила в «медовый капкан» — через месяц свиданий «Константинов» сумел влюбить её в себя. Пробным камнем любви турчанки к агенту явилось

похищение ею чистого бланка турецкого паспорта.

Вслед за внезапной смертью Ахмед-паши «Константинов», используя этот паспорт, по заданию генерала Козлова выехал с турчанкой во Францию, где заключил с нею брак. Свободно владея турецким языком, агент блестяще сыграл роль младшего брата покойного военного атташе, произвел впечатление на посла Турции в Париже и был принят на должность коменданта посольства. Через год «заграничной командировки» он добыл кодовые таблицы и шифры, используемые турецкими посольствами в странах Западной Европы. Но об этом в другой раз…

СКАЗКИ ВЕНСКОГО ЛЕСА

ИНОРОДЕЦ В РЕЗИДЕНТУРЕ

Подполковник Попов попал в разведку благодаря высокой протекции генерала армии Ивана Александровича Серова, у которого во время войны состоял порученцем и по совместительству собутыльником.

Он не обладал ни чутьём, ни воображением, необходимым оперативному сотруднику. Неравенство Попова с коллегами в венской резидентуры ГРУ усиливалось его слабой профессиональной подготовкой, поверхностным знанием немецкого языка, особенностей национальной культуры и психологии граждан страны пребывания. Всё перечисленное усугублялось отсутствием у него гибкости ума, чувства юмора, завышенной оценкой собственной личности, упрямством, граничащим с твердолобостью.

В каждой критической реплике в свой адрес Петр Семёнович видел намёк на крестьянское происхождение, маленький рост, невзрачную внешность и недостаток светского лоска, привычного в кругу его сослуживцев-разведчиков. Прибыв на стажировку в венскую резидентуру, подполковник с самого начала решил вести себя как герой-фронтовик, свысока взирающий на не нюхавших пороха сослуживцев, но вскоре понял, что соответствовать ставкам не в силах, и тогда дремлющий в нём комплекс ущербности оголился и стал кровоточащей раной…

«ОХОТНИК ЗА СКАЛЬПАМИ»

Джордж Уильямс Кайзвальтер родился в Санкт-Петербурге в 1910 году. Его отец, интендант царской армии, в 1904 году был направлен в Вену для наблюдения за производством снарядов для российской армией в войне с Японией. Там он встретил учительницу из Франции, которая, вернувшись с ним в Россию, вышла за него замуж. После революции 1917 года Кайзвальтер вывез жену и сына Джорджа в Нью-Йорк, где семья получила американское гражданство. В 1930 году Джордж окончил Дартмутский университет со степенью бакалавра, а год спустя защитил степень магистра по прикладной психологии. Вскоре он поступил на службу в армию.

В 1944–1945 годах Джордж Кайзвальтер служил в отделе армейской разведки Соединённых Штатов. Два года совместной работы с пленённым генералом Рейнхардом Геленом, во время войны возглавлявшим подразделение под названием «Иностранные армии Востока» — отдел Генерального штаба вермахта, осуществлявший сбор разведывательной информации по Советскому Союзу, — предопределили дальнейшую судьбу Джорджа.

В 1951 году он стал кадровым офицером ЦРУ, а ещё через два года был назначен помощником сразу двух начальников резидентур этого ведомства: в Западном Берлине и в Вене в качестве «охотника за скальпами» — сотрудника, задачей которого являлся поиск потенциальных предателей в среде офицеров Группы Советских Войск в ГДР и Австрии с целью их последующей вербовки в качестве агентов ЦРУ.

* * *

В начале октября 1952 года агент-австриец, работавший садовником в оранжерее советского посольства, сообщил своему оператору Кайзвальтеру, что в дипмиссию прибыл новичок.

Сигнал заслуживал внимания: убывший дипломат был идентифицирован как военный разведчик, действовавший под прикрытием атташе по культуре. А так как русские строго придерживались отработанной схемы: вакантное место неизменно занимал разведчик, то его обязательно надо было «пощупать за вымя» — выявить уязвимые места в его характере, поведении и оперативной подготовке для нанесения главного удара — вербовочного подхода. И Кайзвальтер, не медля, завёл

досье под кодовым наименованием «Новобранец».

Мельчайшие подробности его поведения на улице, в общественном транспорте, в кафе и в ресторанах стали скрупулёзно фиксироваться скрытыми объективами фото- и кинокамер. Без внимания не оставался ни один шаг, ни один жест изучаемого…

* * *

Ознакомившись с отчётами «наружки» и технарей, Кайзвальтер обратил внимание, что «Новобранец», «отработав» очередной квартал Вены, всегда устремлялся на площадь Оперного театра, где находился бивуак проституток. Там русский разведчик, неторопливо прохаживаясь между шпалерами смело одетых девиц с многообещающим призывным взглядом, время от времени замедлял шаг и заговаривал с какой-нибудь девицей. Затем, неодобрительно цокая языком, — не сошлись в цене — покидал площадь.

Так сидящего на диете тянет заглянуть в меню: если уж нельзя съесть, — хоть ознакомлюсь визуально. А диета — полугодовое половое воздержание из-за отсутствия жены, оставшейся в Союзе, — давала о себе знать!

Кайзвальтер воспользовался регулярными набегами «Новобранца» на площадь Оперного театра и там подставил ему агентессу-обольстительницу, которая поднаторела в секс-вербовках русских офицеров.

Избранницей американца стала Гретхен Рицлер, женщина элегантного возраста — уже не тридцать, но ещё не пятьдесят, которая сумела сохранить неутолённым аппетит к плотским удовольствиям.

Уж кому-кому, а Кайзвальтеру, вербовщику экстра-класса, был хорошо известен этот простейший способ вербовки: загон намеченной жертвы в «медовую ловушку»…

* * *

Гретхен Рицлер была известна в великосветских салонах европейских столиц под разными именами: Марлен Шральмхаммер, Кристина фон Бюлов, Ева Вернер и, наконец, как Грета Ламсдорф.

Для Рицлер, как и для любой суперагентессы, принимать чужую личину, менять псевдонимы, мужей, вероисповедание и

гражданство было так же естественно, как для женщины мирной профессии ежедневно менять носовые платки в сумочке. Нет ничего удивительного, что и хоронят таких людей, не раскрывая подлинного имени, ибо жизнь их — сплошная ложь, и смерть не бывает исключением…

КОГДА КРАСАВИЦА НА ГРУДЬ БРОСАЕТСЯ…

В конце января 1953 года, «зачистив» очередной квартал Вены — плановое мероприятие для возможного проведения встреч с агентами, закладок тайников, ухода от «хвоста» и т. п., — Пётр привычным маршрутом направился к стойбищу всепогодных нимф, как вдруг сзади раздался рокот мотора, и мимо промчалось такси. Он заметил, как сидевшая на заднем сидении женщина стучит в окно и приветственно машет ему рукой.

«Что за чёрт!» — только и подумал Попов, как из остановившейся в десяти метрах машины выпрыгнула эффектная темноволосая женщина.

Призывно помахивая рукой и улыбаясь, она двинулась навстречу. Сделав пару шагов, женщина остановилась, пожала плечами и разочарованно покачала головой: обозналась!

Едва Попов успел оценить красоту незнакомки, как она развернулась на каблуках и зашагала прочь.

«Вот тебе, Петя, и сказки Венского Леса!» — Попов не мог прийти в себя от резкой смены поведения незнакомки.

Неожиданно женщина споткнулась и рухнула на колени. Повинуясь импульсу, Пётр бросился вперед и, подхватив её под руки, резко поставил на ноги. Гримаса боли исказила красивое лицо иностранки.

Её волосы касались лица Петра, глаза призывно горели, пунцовый рот влёк к себе, а высокая упругая грудь упиралась в его плечо. В следующий миг Пётр впился в эти манящие губы. Незнакомка всем телом прижалась к нему, закрыла глаза, вверив всю себя во власть звериного порыва…

Задыхаясь, Пётр прервал поцелуй.

— Данкешон, — как-то неопределённо прошептала женщина, имея в виду то ли руку помощи, то ли участие в поцелуе.

— Битешон, — автоматически ответил он и зарделся, проклиная своё произношение.

— Вы — иностранец? — не обращая внимания на смущение Петра, спросила фея.

— Яа-яа, — только и выдавил из себя подполковник.

— Русский? — настаивала незнакомка

— Да, я — русский!

— Как йето чудьесно! Моя мама есть русская! Какой тьесный мир! Как тьебя зовут? — перешла на русский фея.

— Пётр… А вас… Как зовут вас?

— Грета… Грета Ламсдорф…

— А что если нам зайти куда-нибудь в кафе? Если вы не торопитесь…

— Да-да, коньешно… я сьегодня свободна, — с готовностью ответила немка.

Так начался первый и последний в жизни любовный роман русского разведчика Петра Попова.

В «МЕДОВОЙ ЛОВУШКЕ»

По настоянию Ламсдорф Попов снял для свиданий роскошную квартиру в старой Вене, и цэрэушники превратили её в «студию звукозаписи и фотоателье».

Анализируя материалы, собранные в течение двух месяцев общения Попова с Ламсдорф, Кайзвальтер пришёл к выводу, что «новобранец» психологически готов принять его предложение работать в пользу США.

Своё умозаключение Джордж делал на высказываниях Попова, которому во время свиданий Грета подмешивала в спиртные напитки «сыворотку истины» — препарат, отключающий центры самоконтроля мозга человека.

Приняв очередную дозу «сыворотки истины», Попов начинал слезливо жаловаться, как он одинок в этой жизни, в этой стае волков — своих коллег, — которых он люто ненавидит. Винился перед любимой, что вначале скрыл от неё свою принадлежность к разведке. Признался, что на родине его ждут жена и двое малолетних детей. Жаловался на безденежье, которое толкает его похищать мелкие суммы из оперативной кассы, предназначенной для оплаты осведомителей…

И тогда Кайзвальтер понял, что «плод» созрел, и достаточно небольшой встряски, чтобы он упал в корзину. Знаток и большой ценитель русского фольклора, он, потирая руки, вслух произнес по-русски:

«Ну вот, коготок увяз. Теперь надо дать всей птичке пропасть!»

* * *

В один прекрасный день Грета сообщила «возлюбленному», что врачи обнаружили у неё внематочную беременность. Требуется срочная хирургическая операция. Промедление ставит под угрозу её жизнь. При этом она мимоходом назвала сумму, в которую обойдётся операция и пребывание в клинике.

Попов поинтересовался, где она возьмёт такие деньги? На что Ламсдорф с улыбкой ответила:

— Майн либе Питер, ты спросить, где брать деньги Я? Почему Я, а не МЫ? МЫ делать детей вместе, а платить должна Грета?!

Скряга по натуре, Попов не мог смириться с потерей названной суммы, равной его месячному окладу. Он долго и вяло

сопротивлялся, приводя различные доводы. Под конец, запутавшись в доказательствах собственной непричастности к беременности Греты, неожиданно брякнул, что не уверен, от него ли ребёнок.

Глаза Греты наполнились слезами, а к концу монолога «возлюбленного» водопад хлынул сквозь ресницы. Наконец, взяв себя в руки, она с немецкой методичностью произнесла:

— Ти есть нехороший русский мужичишка! Ти есть тряпка! Ми идти доктор, делать анализ…

При этих словах до Попова наконец дошло, что если он не найдёт выхода из создавшейся ситуации, ему придётся отвечать перед резидентом по всем пунктам обвинения. И за посещения площади Оперного театра, и за несанкционированную связь с немкой. А теперь ещё и за ребёнка… Чёрт подери! Единственный раз в жизни поймал фортуну за подол — встретил красавицу, которая сама бросилась ему в объятия, и надо же, как всё скверно обернулось! Нет-нет, надо немедленно придумать, где найти нужную для операции сумму!

— Прости, любимая, я погорячился… Но я действительно не знаю, где взять столько денег… Сразу… Может, в клинике сделают аборт в рассрочку?

На это Грета бесстрастным тоном пояснила ему, что так же, как аборт не делают по частям — так и платить надо сразу. Менторским тоном прочитала возлюбленному лекцию, суть которой сводилась к тому, что уж если ты собираешься жить не по средствам, то их, как минимум, надо иметь…

— Я всё понял! Но где взять деньги?

— Русский разведка — богатый разведка…

— Да ты спятила, девочка! Я что же, попрошу взаймы у резидента?!

— Майн либе Питер, — Грета обняла Попова, — мы будем спросить мой старший брат… Он делать бизнес… Хороший бизнес… Он иметь деньги… Большой деньги… Он помогать тебе…

* * *

Рицлер выполнила свою миссию в вербовочной разработке сотрудника Главного разведывательного управления ГШ подполковника Попова, и передала его в руки «играющего тренера» Джорджа Уильямса Кайзвальтера.

В 1953–1954 гг. «Грэлспайс» (псевдоним Попова) «сдал» ЦРУ имена и коды более 80 советских офицеров-разведчиков,

4 нелегалов и 17 агентов-иностранцев, действовавших в пользу СССР на территории Австрии и Западной Германии. Кроме того, он передал секретную информацию особой важности о личном составе ГРУ и приоритетных направлениях его работы.

В ЦРУ для обработки информации, поступавшей от Попова, был создан специальный отдел — SR-9 (Soviet Russia).

ЭПИЛОГ

7 января 1960 года в Клубе чекистов им. Ф.Э. Дзержинского под председательством генерал-майора юстиции Виктора Борисоглебского состоялось заседание Военного трибунала, в ходе которого был оглашен приговор:

«Попова Петра Семёновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. I Закона об уголовной ответственности предать смертной казни с конфискацией имущества».

Изменник был расстрелян, однако, по версии ещё одного предателя из ГРУ, бежавшего на Запад (в России известен как Виктор Суворов, автор книги «Аквариум»), Попов был заживо сожжён в спецкрематории КГБ. В качестве доказательства Суворов ссылается на короткую публикацию в «Правде», в которой вместо привычных в таких случаях слов «приговор приведён в исполнение», было напечатано: «уничтожен, как бешеный пёс».

ОПЕРАЦИЯ «ЦАРСКИЙ ОРДЕН»

Внимание сотрудников Отдельной службы генерал-майора Козлова привлёк человек азиатской внешности, активный игрок «бриллиантовой биржи» в Столешниковом переулке, который установил спекулятивно-деловые отношения с Галиной Брежневой и её близкой подругой Светланой Щёлоковой, женой министра внутренних дел.

Азиат продавал валюту, японскую видео- аудиоаппаратуру, импортные часы и ювелирные изделия из драгметаллов, а на вырученные деньги скупал золотые монеты царской чеканки и ордена времен российских императоров. Особо интересовал его орден Андрея Первозванного и орден Победы, за каждый он готов был выложить по 50 тысяч долларов.

Завсегдатаям биржи азиат представлялся жителем Ташкента, приехавшим в Москву продавать валюту и скупать драгоценности. Когда же в Столешников переулок для выяснения маршрутов передвижения «Урюка» (кличка ташкентца на «бирже») были стянуты значительные силы «наружки», выяснилось, что он не в Ташкент — в японское посольство в Калашном переулке входит как к себе домой! Вскоре установили, что спекулянт, ни много ни мало, — советник по экономическим вопросам посольства Японии в Москве Иосихису Курусу.

Учитывая намерение японца приобрести редчайшие ордена, ему прямо на «бирже» подставили агентессу экстра-класса «Эдиту», выступавшую в роли эксперта Гохрана. Она сумела заинтересовать объекта не только своим местом работы и возможностью приобрести у нее большую партию царских золотых монет, но и своими выдающимися женскими прелестями…

Агентурную разработку японца под кодовым названием «Царский орден» генерал Козлов проводил под личным контролем председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. Учитывая статус Курусу и особенности национальной психологии, председатель дал указание провести его вербовку на компрометирующей основе.

* * *

«Эдита» сумела расположить к себе азиата, и он открылся ей: сообщил, что он — японский дипломат. Рассказал также о своих регулярных поездках в Токио, Сингапур и Гонконг для доставки

в Союз аудио-видео аппаратуры, часов и ювелирных украшений. Проблем при перевозке больших партий товара у него не возникает, так как он обладает дипломатическим иммунитетом. Контрабандой он занимается ввиду крайней необходимости: нужны деньги для оплаты врачей, лечащих его жену и ребенка.

Японец посетовал, что безуспешно пытается приобрести орден Андрея Первозванного и орден Победы, за которые отдал бы немалые деньги. На «Эдиту», как на работницу Гохрана, он возлагает особые надежды и готов выполнить все ее условия.

В порыве откровенности японец с явным сожалением признался, что в Москве находится без жены, да и, вообще, истосковался по женскому обществу. Заявил, что не поскупился бы на подарок, если бы агентесса пригласила его к себе домой.

Следуя линии поведения, отработанной генералом Козловым, «Эдита» с готовностью принялась обсуждать эту тему, сказав, что пригласит Курусу в гости, как только муж уедет в командировку. Иностранец поинтересовался, чем занимается ее супруг. Агентесса, великая актриса по жизни, простодушно ответила, что муж работает геологоразведчиком, ищет алмазы и золото в Якутии, и поэтому часто бывает в командировках.

Японец пояснил, почему он намерен поддерживать отношения только с «Эдитой»: удобнее и безопаснее продавать контрабандный товар одному надежному посреднику, чем многим случайным покупателям. К тому же «Эдита», по его мнению, принадлежит к элитной группе государственных служащих, а это — гарантия безопасности их бизнеса, ибо она рискует не менее, чем он, и, значит, будет предельно осмотрительна и конспиративна в делах…

Когда о состоявшемся разговоре агентесса сообщила генералу Козлову, тот, следуя в фарватере намерений председателя КГБ, предложил ей загнать азиата в «медовую ловушку», установив с ним интимные отношения у себя на квартире. Договорились, что процесс надо растянуть, подержав японца на сексуальном карантине, — пусть дозреет!

* * *

По возвращении из Сингапура с очередной партией товара Курусу сразу позвонил «Эдите». Та ответила, что встретиться не может, так как сломала ногу, да и вообще, лежит в постели голодная, а муж в командировке, и некому ей даже чаю заварить. После чего навзрыд расплакалась в телефонную трубку.

Курусу и растерялся, и обрадовался одновременно — от

упоминания о постели перехватило дыхание, к тому же женщина прозрачно приглашала посетить её на дому! Но сначала — дело, поэтому японец спросил, что же делать с привезенным товаром.

Будто не расслышав вопроса, «Эдита», перейдя на шепот, добавила, что если Курусу-сан желает взглянуть на орден Андрея Первозванного, то у него есть шанс — регалия временно находится у нее дома.

Все сомнения мгновенно развеялись, японец прокричал в трубку, что уже едет. Бросив трубку, выскочил из телефонной будки. Вернулся, чтобы узнать адрес, а заодно спросил, не захватить ли ему пару бутылок шампанского…

Агентессе спешно забинтовали ногу, вооружили костылями. Макияж она наложила сама.

В сопровождении двух бригад «наружки» Курусу через двадцать минут подъехал на такси к дому. «Эдита» встретила японца, прыгая на костылях и морщась от боли. Извинилась за беспорядок в квартире — некому убрать. Минуя гостиную, проследовала в спальню и уселась на прикроватный пуфик…

…Свою роль агентесса-обольстительница играла с упоением. Халатик постоянно распахивался, то обнажая до самого основания стройные ноги, то вдруг из него одновременно выкатывались молочные луны грудей…

От такого натиска Курусу вмиг забыл и о привезенном товаре, и об ордене Андрея Первозванного.

Осушив залпом пару бокалов шампанского, он попросил разрешения снять пиджак. На пиджаке не остановился, стащил и надетый поверх рубашки полотняный пояс с кармашками-ячейками, заполненными часами и золотыми браслетами. С облегчением вздохнул: «кольчуга» весила около десяти килограммов!

«Эдита» попросила разрешения прилечь на кровать — болит нога. Вновь предательски распахнулся халатик. Зачарованный Курусу вперил взгляд в манящий лобок. Ленивым движением женщина одернула подол. Отрешенно глядя в потолок, стала поправлять прическу. При этом лукавые глаза, источавшие похоть, призывно смеялись.

Нет, она просто издевалась над молодым изголодавшимся самцом!

Завуалированный стриптиз стал последней каплей, что переполнила чашу плотских вожделений японца. Не в силах противостоять разбушевавшейся физиологии, он сорвал с «Эдиты» халат, покрыл ее тело неистовыми поцелуями, с остервенением рванул брючный пояс и вмиг оказался меж ее ног…

Женщина вскрикнула и начала робко сопротивляться.

Притворная борьба, а, по сути, — освобождение от халата, еще больше раззадорили японца. Дрыгая ногами, он пытался выбраться из брюк. Затрещала рвущаяся материя — это лопнули по шву брюки, из которых азиату наконец удалось выпрыгнуть…

…Тела сплелись в пароксизме страсти, комната наполнилась вздохами и сладострастными стонами. Дьявольская пляска уже достигала апогея, когда хлопнула входная дверь и в прихожей раздались хмельные мужские голоса…

— Боже мой! Муж! — закричала агентесса, пытаясь столкнуть с себя вошедшего в раж азиата. — Вернулся раньше времени! Что делать? Что делать?!

Забыв, что у нее по сценарию перелом, «Эдита», извиваясь всем телом, начала обеими ногами колотить навалившегося на нее японца.

— Иосихису! Да остановись ты наконец!

— Сейчас-сейчас! — обезумев от азарта, заорал японец.

— Как ты тут без меня, золотце мое? Что ты там делаешь, почему не встречаешь своего зайчика? — раздался из прихожей голос «мужа».

Только тогда японец осознал всю трагичность момента. Действительно, что делать? Прыгать в окно? Под кровать? В шкаф? Поздно! Взгляд Курусу беспокойно метался в поисках брюк. А черт! Распоротые на две половинки, они валялись на полу. Что толку их надевать?!

На пороге комнаты с букетом красных гвоздик и в сопровождении амбала зловещего вида появился «зайчик» — сотрудник Службы Козлова. Амбал — сыщик по профессии, драчун по призванию по прозвищу «Витя-выключатель», который ударом сбивал с ног годовалого бычка, был привлечен к мероприятию для оказания на японца психологического, а если потребуется, то и физического воздействия.

…Мизансцена развивалась по канонам байки о вернувшемся из командировки муже и неверной жене.

Женщина, делая вид, что пытается перехватить инициативу, спрыгнула с постели и, застегивая на ходу халат, со стаканом вина ринулась к мужу.

— Коля, дорогой!

В следующую секунду стакан полетел на пол, жена — на постель.

— Ах ты стерва, ах ты б…! — Заорал «муж», увидев голого незнакомца, и добавил несколько этажей непечатных выражений. Развернувшись, бросился к незадачливому любовнику и влепил ему пару оплеух. Для пущей драматизации обстановки схватил подвернувшийся под руку костыль, копьем метнул его в

выбегающую из комнаты жену и снова бросился к японцу.

Накал страстей был так высок, актеры настолько вжились в роли, что никто из них не вспомнил, что по сценарию у «Эдиты» сломана нога, и уж бежать она никак не может…

Витя-выключатель перехватил обезумевшего от ревности «мужа» и глыбой навис над иностранцем…

Приоткрыв дверь в комнату, «Эдита» не своим голосом прокричала:

— Коля не трогай его, он — иностранец, дипломат. Он пришел к нам в гости!

— Дипломаты в гости без штанов не ходют! Ты еще скажи, что он папа римский! Ишь, стоило уехать в командировку, как она здесь международным бля…вом занялась!

Разбушевавшийся Коля схватил початую бутылку шампанского и грохнул ею о пол.

Курусу продолжал стоять посреди комнаты, судорожно соображая, что предпринять. Если бы не штаны, он уже давно попытался бы пробиться к двери, но…

В прихожей раздалась трель звонка.

«Эдита» вдруг вспомнила, что у нее сломана нога, громко застонала и, прихрамывая, направилась к двери.

На пороге стоял ее оператор генерал Козлов в форме майора милиции с двумя людьми в штатском.

— Вам чего? — как можно грубее спросила агентесса.

— Что здесь происходит? — грозно ответил на вопрос вопросом Козлов. — Соседи позвонили в милицию, говорят, убийство…

«Майор» придирчиво оглядел присутствующих и остановил взгляд на Курусу.

— Так-так, значит, не убийство, а разбой! Вовремя мы прибыли. «Гоп-стоп» только начался — с гражданина только портки успели снять! А если б мы задержались?

Козлов шагнул к стулу, на котором лежал полотняный пояс, приподнял его. Посыпались часы, броши, браслеты…

Витя-выключатель нагнулся, чтобы поднять один. В ту же секунду «майор» проворно выхватил пистолет, двое в штатском также обнажили стволы.

— Не двигаться! Всем лечь на пол! Быстро! Лицом вниз! Стреляю без предупреждения! Кузькин, вызови подмогу!

Опер в штатском с готовностью вынул из кармана переговорное устройство.

— «Седьмой»! Я — «Пятый»! Здесь ограбление! Группу захвата в четвёртую квартиру… Второй этаж! Живо!

— Вот оно в чём дело! — произнес Козлов, носком башмака

сгребая в кучку раскатившиеся по полу часы и браслеты. — Неплохо поживились бы ребята, опоздай мы на пять минут… Кто хозяин этих вещей?

Японец оторвал голову от пола, но тут в квартиру ввалились дюжие автоматчики в камуфляже.

— Забрать всех в отделение, оставить пострадавшего и ответственного квартиросъемщика… для допроса!

— Я не могу ехать, у меня сломана нога, ко мне врач сейчас должен прийти! — скороговоркой выпалила «Эдита».

— Вы останьтесь! — приказал Козлов.

* * *

— Вы кто такой? — нарочито грубо спросил Козлов японца, когда «мужа» и Витю-выключателя автоматчики выволокли из квартиры.

Курусу пробормотал что-то невнятное.

— Предъявите документы!

В это время один из оперов уже расстегивал кармашки пояса и с ловкостью фокусника раскладывал часы и браслеты на столе. Другой деловито щелкал фотокамерой.

Агентесса, сославшись на боль в ноге, прилегла на кровать.

— Я — дипломат… — промямлил Курусу и трясущимися руками предъявил свою аккредитационную карточку дипломата.

— В таком случае я обязан сообщить о вашем задержании в МИД!

Козлов поднял трубку телефона и стал наугад вращать диск.

— Не надо! — покрывшись испариной, взмолился японец. — Пожалуйста, не надо никуда звонить, — и, указывая на «патронташ» с часами и золотыми изделиями, — забирайте всё… Здесь целое состояние!

Один из оперов навел на него фотоаппарат и несколько раз щелкнул затвором. Курусу окончательно сник.

— Часики и золотишко нам не нужны, — примирительно сказал Козлов, — но договориться сможем…

* * *

Вербовка состоялась.

Японец в подтверждение своей готовности сотрудничать с компетентными органами СССР (какими конкретно, Курусу еще не знал) собственноручно описал подробности контрабандной

доставки в Союз часов и ювелирных изделий, перечислил лиц, которым сбывал «товар». Указал дочь генерального секретаря ЦК КПСС Галину Брежневу и жену министра внутренних дел Светлану Щёлокову как своих постоянных покупательниц иностранной валюты и ювелирных изделий из золота.

Покончив с сочинением на заданную тему, иностранец поинтересовался, как подписывать его.

— Да чего там… подпишите его одним словом: «Самурай»! — бодро ответил Козлов. — Чтоб никто не догадался… Ни сейчас, ни впредь! Не возражаете?

Нет, Курусу не возражал. Оставшись без порток, поневоле станешь покладистым. Он лишь на секунду задержал взгляд на лице генерала, улыбнулся своей догадке и сделал решительный росчерк.

Перед тем как выпроводить японца за порог, «Эдита», сидя на недавнем ристалище любовной игры — кровати, — зашивала его распоротые брюки, а Козлов в гостиной инструктировал новоиспеченного агента о способах связи, месте и дате будущей встречи.

Как только за «новобранцем» закрылась дверь, генерал отправил «Эдиту» на кухню разбинтовываться и готовить кофе, а сам нетерпеливо сгреб со стола ворох исписанных бумаг и стал вчитываться в каракули японца, более похожие на иероглифы, чем на кириллицу.

События последнего получаса настолько вывели Козлова из равновесия, что он безотчетно схватил трубку и набрал номер прямого телефона Андропова. Лишь вспомнив, что перед ним не защищенный от прослушивания аппарат городской АТС, в сердцах чертыхнулся, бросил телефонную трубку и, попрощавшись с агентессой, опрометью выбежал из квартиры.

Вечером генерал доложил председателю о завершении операции «Царский орден» по вербовочной разработке советника японского посольства Иосихису Курусу, а также содержание представленного им агентурного донесения.

* * *

На следующее утро Андропов уведомил Леонида Ильича о «грозящей ему опасности» и заручился его поддержкой в реализации своих планов. Под предлогом проведения оперативных мероприятий по защите чести Семьи и, как следствие, — престижа державы, председатель получил карт-бланш на разработку связей Галины Леонидовны, первой в числе

которых значилась Светлана Щёлокова…

Таким образом, генсек фактически жаловал Андропова охранной грамотой, позволяющей бесконтрольно держать «под колпаком» всесильного министра внутренних дел!

Брежнев так и не понял, какую злую шутку сыграл с ним Андропов, получив из его рук исключительное право разрабатывать окружение Галины Леонидовны. Впрочем, Леонид Ильич в то время уже мало что понимал…

КОМПРОМЕТАЦИЯ НА ПОРАЖЕНИЕ

Из исторических хроник известно, что последним аргументом королей для восставшей толпы были пушки, значит — убийство. Последним аргументом Джеймса Бонда был выстрел из пистолета немыслимого калибра, то есть опять убийство. У генерал-майора Козлова другие приоритеты, он в своих действиях руководствовался иной логикой, отсюда и отличный от всех его последний аргумент. Но сначала была подстава…

НА КРАЮ ПРОВАЛА

Многоэтажный дом по Ленинградскому проспекту, где находилась конспиративная квартира генерала Козлова, имел форму буквы «П» и занимал целый квартал. Каждая из трех составных частей фасадом выходила на разные улицы и имела свой порядковый номер. Арки в разных крыльях дома позволяли войти во двор с одной улицы, а выйти на диаметрально противоположную. Что и рекомендовалось делать посетителям явочной квартиры.

Попрощавшись с «Самураем», Козлов подошёл к окну, из которого хорошо просматривался двор.

Едва агент достиг центральной арки, где запарковал машину, как рядом с ним, будто из-под земли, вырос мужчина. Генерал узнал его. Это был капитан 3-го ранга Тосио Миядзаки, начальник собственной безопасности (СБ) японского посольства. Профессионал многоопытный и коварный, он доставлял немало хлопот Службе Козлова.

* * *

Через полгода после того, как Тосио Миядзаки прибыл в Москву, Козлов предпринял попытку «потрогать его за вымя» — выяснить уровень профессиональной подготовки, сильные и слабые стороны, привязанности, чтобы определить возможность его использования в наших интересах, а если повезёт, то с ходу установить с ним оперативный контакт.

Начали по традиции с того, что подставили Миядзаки «ласточку», которой была поставлена одна задача: совратить!

Японец сделал вид, что готов обеими ногами ступить в ловушку, а затем в неё же и загнал обольстительницу, да так, что вытаскивала её оттуда вся Служба.

Вслед за «ласточкой» на горизонте объекта появился «голубь сизокрылый» — смазливый мальчонка нетрадиционной сексуальной ориентации. Опять промашка!

Впервые безотказное оружие Отдельной службы генерала Козлова дало осечку. А ведь на «ласточках» и на «голубых» ломались и неподкупные аристократы англичане, и бесшабашные американцы, а тут всё наоборот. То ли культура другая, то ли выучка не та. Зашли с другой стороны. Однако и на операциях с валютой и с антиквариатом подловить Миядзаки не удалось, как ни пытались. На них «горели» и арабы, и турки, а тут вдруг никак.

Использовались все традиционные чекистские наработки, которые заставили бы любого другого иностранца искать покровительство у Комитета, толкнули бы его в наши объятия, но, увы! Для японца они были недейственны. Он доказал, что у него иной уровень мышления, иная ценностная шкала и, вообще, иное отношение к пребыванию на государственной службе. И тогда оперативной разработке японца присвоили кодовое название «Ортодокс».

…Первое время после «наездов» Службы Козлова «Ортодокс» затаился. Выжидал, а затем сам перешел к активным действиям, продемонстрировав, что прибыл в Союз отнюдь не для того, чтобы стать добычей вербовочных устремлений КГБ. Он — охотник и сам не прочь побродить с ружьишком по московским угодьям в надежде подстрелить дичь — завербовать кого-нибудь.

И «наружка» фиксирует конспиративный контакт японца с заместителем министра легкой промышленности РСФСР Платоновым, активно посещавшим дипломатические приёмы в иностранных посольствах в Москве, в том числе и японское.

Дальше — больше: среди тщательно скрываемых связей Миядзаки из числа советских граждан выявлен некий научный сотрудник из «почтового ящика» в Мытищах, с которым японец также поддерживал подозрительные отношения.

Советским гражданам было сделано соответствующее внушение на Лубянке, чтобы отсечь их от не в меру активного «охотника за головами», но что делать с ним самим? Его-то на Лубянку не пригласишь!

«Это уже перебор, господин капитан 3 ранга! — решил Козлов. — Вы уже преступили все допустимые для гостя границы!»

Добыть порочащие иностранца материалы в тиши какого-нибудь ведомственного алькова под недреманным оком оперативных видеокамер уже не представлялось возможным. И тогда Козлов принял решение разделаться с неудобным японцем, скомпрометировав его каким-то другим, пока неведомым, способом.

Требовалось нечто неординарное, что-то из ряда вон выходящее. Одно было ясно генералу — надо было организовать публичный скандал, после чего вопрос о пребывании Миядзаки в Москве решался бы не в лубянских кабинетах, а на уровне двух министерств иностранных дел — СССР и Японии.

Быстро сказка сказывается…

Казалось, Миядзаки неуязвим. Но… У каждого в шкафу «свой скелет». Найти его — вот в чём вопрос! И генерал Козлов нашёл.

Обложив японца, как волка флажками, круглосуточным

наружным наблюдением, генерал отыскал брешь, даже не брешь — щелочку. Шеф посольской службы безопасности имел патологическую тягу к… русскому мёду. Возможно, у него были неполадки в эндокринной системе или что-то на генетическом уровне. Всё это — гипотезы, в которых Козлову недосуг было разбираться. Фактом являлись регулярные набеги японца в магазин «Дары природы», что на Комсомольском проспекте, где он закупал сразу целый бочоночек янтарного лакомства.

Эту свою страсть «ОРТОДОКС» тщательно скрывал от сослуживцев. Подтверждением служило то обстоятельство, что кинжальный марш-бросок к магазину за очередной колодой мёда он всегда совершал в одиночку. Было доподлинно известно, что, опасаясь провокаций, он никогда не появляется в общественных местах без сопровождения, а тут… Что ж, всё правильно: свои слабости надо скрывать от окружающих. От сослуживцев и от «наружки» — тем более. Всякий раз, двигаясь к магазину, японец предпринимал отчаянные попытки оторваться от «хвоста». Напрасно. Генерал Козлов был осведомлен о невинном пристрастии своего подопечного и ломал голову, как использовать это в своих планах.

* * *

Встреча, которую Козлов наблюдал из окна явочной квартиры, озадачила его. Сам факт появления начальника СБ вблизи места конспиративных встреч с «Самураем» ничего хорошего не предвещал. Более того, это событие утвердило генерала в своем решении избавиться от неудобного разведчика во что бы то ни стало.

«Леонид! — прикрикнул на себя Козлов, — давай рассуждать конструктивно. Оказаться просто так в этом дворе японский контрразведчик не мог — таких мест иностранные дипломаты, следуя жестким инструкциям, попросту избегают. Конечно, инструкции для таких, как Миядзаки, не указ, потому что ими самими и пишутся, и всё же… Настораживает то, какначальник ОСБ возник рядом с агентом. Самый отъявленный оптимист не рискнёт назвать их встречу случайной. Конечно же, он ждал “Самурая”! Ждал, чтобы, застигнув врасплох и используя фактор неожиданности, мгновенно получить объяснение, а то и искреннее признание!

Тогда возникает другой вопрос: впервые ли агент явился сюда с “хвостом”? Похоже, да, — впервые. Более того, тот факт, что Миядзаки сразу решил выяснить обстоятельства появления здесь

“Самурая”, свидетельствует о том, что СБ в лице Миядзаки доверяет ему. В противном случае шеф посольской службы безопасности никогда бы не подошёл к Курусу во дворе, а взял бы его в разработку. Стоп! А не мог ли японский контрразведчик попросту допустить ошибку, поспешив раскрыть свои карты? Ну не компьютер же он — человек!

Всё это выглядит логично, но на вопрос, как и почему здесь оказался Миядзаки, ответа не даёт. Что же всё-таки кроется за его появлением?

А если допустить, что “Самурай”, следуя на явку, допустил беспечность: не заметил за собой слежку и приволок сюда шефа СБ? Хорошо, если это так! А почему бы и нет? Ведь практикуют же контрразведчики выборочные проверки всех посольских секретоносителей, а “Самурай” — один из них. Миядзаки незаметно сел ему на “хвост” и оказался здесь. А чтобы не откладывать дело в долгий ящик, ограничился получением объяснения на месте.

В том, что агент сумел убедительно объяснить причину своего появления в этом дворе, сомнений у меня нет. Легенда посещения явочной квартиры надежна, проверена и “Самураем” усвоена, как “Отче наш”. Вопрос в том, поверил ли его объяснениям Миядзаки?! Да, с этим капитаном 3-го ранга пора кончать, и как можно скорее! Ну что ж, для начала подождём звонка от виновника переполоха».

* * *

«Самурай» позвонил поздно вечером.

Разобрать, что он говорит, было невозможно: рядом с ним звучали мужские и женские голоса, играла музыка.

И неурочный час, и место, откуда звонил агент, говорили сами за себя: ему крайне необходимо срочно предупредить о чем-то своего оператора, а опасаясь «прослушки», он звонит от друзей.

Без лишних слов генерал стал называть номера. За каждым — заранее оговоренная ситуация или способ экстренной встречи. Под номером пять значилась встреча в библиотеке Иностранной литературы в определённый час.

Когда Козлов назвал «пятёрку», агент обрадовался и прокричал в трубку:

— Да-да! Именно это мне и нужно!

Во время короткой встречи в библиотеке «Самурай» рассказал Козлову то, что генералу было уже известно, — о неожиданной

встрече во дворе.

— Вы мне лучше, Курусу-сан, скажите, как ОН вам объяснил своё там появление? — прервал агента генерал.

— А никак… Он сказал, что ехал по городу и вдруг заметил впереди мою машину… Ну и поехал следом, а потом дождался моего выхода… Всё!

— Как он отнесся к вашим объяснениям по поводу посещения этого дома?

Вопрос был задан Козловым не из праздного любопытства — необходимо было проверить, сработала ли легенда посещения явочной квартиры.

— Вы знаете, Леонид-сан, я в момент встречи с командором Миядзаки думал о женщинах… Поэтому сказал ему, что посещал свою подругу… Тысячу извинений, Леонид-сан…

«Чёрт бы подрал этих "новобранцев"! — мысленно выругался генерал. — Заботишься о них, разрабатываешь им легенды прикрытия, посещения, явки, деньги тратишь, а они… А чего, собственно, я хочу? "Самурай" в Союзе без жены, у него крайняя степень спермоинтоксикации… Поэтому он в своё оправдание и брякнул Миядзаки первое, что пришло ему в голову, напрочь забыв о легенде! Действительно, правы эндокринологи и сексологи: "Что у мужика в голове — то и в штанах. Что в штанах — то и в голове". Нет, с этим надо как-то бороться… Но не убеждениями же!»

Заставив себя улыбнуться, генерал спросил:

— И как отнёсся к этому офицер безопасности?

— С пониманием, Леонид-сан… Он даже сказал, что я могу пригласить свою подружку на приём в посольство… Это большая честь, ведь приём по случаю дня рождения наследника императора…

«Как же ты доверчив, Курусу! Вот уж чего-чего, а наивности я от тебя не ожидал! Он же тебя проверяет, а ты за честь считаешь пригласить подружку на приём! И как это ты ухитрился не попасть в поле зрения Миядзаки, столько времени занимаясь контрабандой? Вот уж воистину, ты был контрабандистом поневоле, но чертовски удачливым!»

Козлов натянуто улыбнулся.

— И кто же будет вашей избранницей, Курусу-сан?

— Я не знаю, Леонид-сан… Я хотел с вами посоветоваться… Как говорят французы: «Ищите женщину!»

Генерал вмиг посерьёзнел. Задача не из лёгких. И не потому, что в конюшнях Комитета не хватало резвых лошадок, способных и бедро показать, и аллюр продемонстрировать даже на приёме у самого императора. Отнюдь! Но ведь надо подобрать такую

агентессу, которая соответствовала бы представлениям Миядзаки о наивной славянке. Он же её специально пригласил. Смотрины станут для неё, и для «Самурая» сеансом рентгеноскопии с Миядзаки в роли рентгенолога. Значит, нужна такая агентесса, которая не была ещё «засвечена», то есть не попадала в поле зрения сотрудников СБ посольств стран главного противника — США, Западной Европы и Японии. Они регулярно обмениваются сведениями о советских гражданах, подозреваемых в сотрудничестве с КГБ!

«А вообще, — подумал Козлов, — чего это я забеспокоился? Сама судьба ведёт меня за руку! У меня появился шанс посадить “Самурая” “под колпак”. Сейчас есть возможность подставить ему такую красавицу, которая сможет влюбить его в себя, привязать накрепко и, привязав, постоянно контролировать. И ведь что удивительно! Не надо ломать голову и изобретать какую-то комбинацию, чтобы подставить японцу “Распутину” — он сам напросился в её объятия! Значит, вы хотите взглянуть на подружку “Самурая”, господин Миядзаки? Есть такая партия — агентесса экстра-класса!»

Чтобы скрыть от агента свой восторг оттого, что в памяти сразу возникла подходящая кандидатура для смотрин, генерал нарочито недовольно спросил:

— И когда приём, Курусу-сан?

— Завтра! Начало в семнадцать часов…

— Ну что ж, завтра, так завтра… Вы в 16.30 заедете на явочную квартиру и заберёте свою подружку…

— А как…

Козлов не дал японцу договорить.

— А вот так! Если вы приедете на явку с «хвостом», то он останется с носом… Ведь господин Миядзаки знает, где живёт ваша подружка, так ведь? То-то же! «Ищите женщину»… Считайте, что на этот раз вы её нашли!

Вдруг Козлова осенило.

«Стоп! А почему бы на приёме не произвести выстрел дуплетом: “Самураю” подставить “Распутину”, а этому скользкому угрю Миядзаки — “Эдиту”? Она познакомится с командором на приёме. В посольстве он шарахаться от неё не станет, так как чувствует себя в безопасности… Вот там-то его с нею и надо запечатлеть на память… А потом? Потом будет харакири! Неплохое название для операции по устранению японца… Вот так всегда — оригинальные мысли приходят в голову при экстремальных обстоятельствах… Председателю так и доложу: занимаюсь подготовкой операции “ХАРАКИРИ” с целью компрометации японского разведчика… А почему бы и нет, ведь

достал уже этот Мидзаки!»

— Вы знаете, Курусу-сан, не лишними окажутся ещё два пригласительных билета… Можно ли добыть их без ведома господина Миядзаки?

— Без проблем!

— Хорошо… И если во время приёма увидите рядом с ним знакомое вам женское лицо, не удивляйтесь и не подавайте виду. Так надо!

* * *

В тот же вечер Козлов провёл ещё две экстренные явки со своими блистательными «ласточками» — «Распутиной» и «Эдитой», чтобы отработать им линии поведения, которых они должны придерживаться на приёме.

«Распутина» и «Эдита» не были знакомы, и действовать должны были в автономном режиме.

Первая будет играть роль наивной и простодушной девушки из провинции. Своим поведением агентесса обязана убедить Миядзаки, что «Самурая» к ней влечёт лишь её красота и жажда женской ласки.

«Эдита» же во время приёма подойдёт к неуязвимому командору с бокалом шампанского и, пожелав наследнику престола многая лета, выпьет вместе с Миядзаки.

Остальное скрытой камерой сделает технарь из Службы генерала Козлова.

СКОМПРОМЕТИРУЙ МЕНЯ… ЕСЛИ СМОЖЕШЬ!

В 13.30 Миядзаки запарковал «тойоту» у магазина «Дары природы» и двинулся за очередным бочоночком своего лакомства

Узнав женщину, которая на приёме буквально не давала ему прохода, Миядзаки сначала опешил от неожиданности, но уже в следующее мгновение во весь опор мчался к оставленной на боковой дорожке машине.

Не тут-то было!

— Тосио-сан, дорогой, остановись, куда же ты! — закричала «Эдита» и ринулась вдогонку.

Любопытство замедливших шаг прохожих было вознаграждено сполна: пышнотелая красавица, будто сошедшая с полотен Кустодиева, гналась за воровато оглядывающимся мужичком с ноготок.

Едва только он юркнул в машину и включил зажигание, как был буквально вдавлен в сидение прыгнувшей к нему на колени женщиной. Свет в окошке заслонили пудовые гири её грудей.

— Тосио, я полюбила тебя с первого взгляда, а ты убегаешь от меня… Может, ты девственник?! — донеслось из распахнутой двери автомобиля.

Полку любопытствующих зевак прибыло. Невесть откуда появился репортёр «МК» и направил объектив фотокамеры на автомобиль.

Попытки японца вытолкнуть бесстыдницу из автомобиля натолкнулись на яростное сопротивление. Он почти справился с рехнувшейся от страсти нимфоманкой и сбросил её с колен, как вдруг она случайно нажала педаль газа. Взревев, «тойота» помчалась вперед и, преодолев бордюр, выскочила на тротуар. В последний момент японцу удалось дотянуться до руля, и он судорожно вращал им, пытаясь свернуть на проезжую часть улицы. Пока Миядзаки остервенело крутил баранку, чтобы избежать столкновения с пешеходами, «Эдита» стащила с себя платье, а спутнику разорвала ширинку на брюках.

Кульминация всей операции: агентесса зубами впилась в крайнюю плоть инородца! Брызнула кровь, раздался нечеловеческий вопль, и «тойота» врезалась в стоящий на обочине грузовик.

Подбежавшим сыщикам «наружки» — загримированные под алкашей, они сначала стояли у входа в магазин, а затем гнались за потерявшей управление иномаркой — едва удалось отодрать

женщину от обезумевшего от боли иностранца. При этом они не могли отказать себе в удовольствии и отвесили этому влиятельному лицу пару увесистых оплеух по его, ставшей отнюдь не влиятельной, физиономии. Отлились объекту слёзы «наружки», сдерживаемые в течение полутора лет!

В милицейском протоколе, однако, было зафиксировано совсем другое:

«Японский дипломат, пытаясь изнасиловать гражданку Иванову, вошел в раж и в припадке садистского наслаждения детородным членом разорвал губы жертве своей патологической страсти».

Вот до чего доводит импортный секс!

Когда Миядзаки и женщину выволокли наружу, затвор фотокамеры репортёра из «МК» продолжал методично щёлкать, а прохожим предстояло стать зрителями бесплатного экстравагантного шоу…

* * *

Неславянской внешности господин стоял посреди улицы с приспущенными окровавленными штанами, слезно умоляя оградить его от посягательств сумасшедшей и оказать ему медицинскую помощь. Он уже не обращал внимания на «Эдиту». Откровенно голая, она одной рукой вытирала перепачканные кровью губы, а второй обнимала корчившегося от боли «партнёра» и ласково приговаривала:

— Ну, с кем не бывает, Тосио-сан… Сегодня не смог — не беда, завтра всё у тебя получится!

Лихих наездников доставили на 2-ю Фрунзенскую улицу в 107-е отделение милиции.

Миядзаки предъявил свою аккредитационную карточку дипломата и потребовал вызвать консула. Заявил, что на него совершено разбойное нападение.

— Как то есть нападение? — возмутился дежурный лейтенант. — Вы что, господин Мудакзаки, хотите сказать, что наши женщины вот так вот, среди бела дня, в центре Москвы бросаются на дипломатов? Может, они ещё и сами раздеваются?!

С этими словами милиционер указал на «Эдиту», которая, подбоченившись, стояла посредине дежурной комнаты… в одних туфлях.

— Да-да, именно так! Я не знать этот женщина, я первый раз видеть…

— Нет, вы только полюбуйтесь на этого негодяя! — закричала

агентесса. — Позавчера он обещал жениться на мне, назначил свидание, а теперь, когда ему не удалось меня прилюдно изнасиловать, он уже меня не знает! Это что ж такое творится в Москве, товарищ лейтенант?!

Женщина щёлкнула замком случайно оказавшейся при ней сумочки и швырнула на стол две фотографии. Это были фотографии, сделанные во время приёма в посольстве скрытой камерой. Прижавшись друг к другу, улыбающиеся Миядзаки и «Эдита» свели бокалы, наполненные пенящимся шампанским. Снимки были маленького формата, окружающих не было видно, создавалось впечатление, что двое влюбленных увлеченно воркуют, даже не замечая присутствия фотографа…

— И вы, господин дипломат, утверждаете, что впервые видите эту гражданку?! Не ожидал, не ожидал от вас такого… Будем составлять протокол!

Миядзаки всё понял: плутни русской контрразведки.

С мольбой в глазах поверженного гладиатора он забился в угол и до приезда консула не проронил ни звука.

Через день Миядзаки улетел из Москвы, но не только из-за решительного протеста нашего МИДа, заявленного японскому послу по поводу инцидента, — а ещё и потому, что бедняге предстояла серьезная операция по оживлению бесчувственного органа.

Неизвестно, какие аргументы контрразведчик представил в своё оправдание начальству, но в Союз он больше не вернулся.

Не последнюю роль в компрометации псевдодипломата сыграли и фотографии, сделанные репортёром из «МК». Вместе с мидовским протестом они были вручены послу Японии в Москве.

Генерал Козлов, использовав свой последний аргумент — компрометацию объекта, — торжествовал: «Карфаген пал — с ненавистным разведчиком покончено раз и навсегда: за “аморалку” он выдворен из СССР!»

«МЕДОВАЯ ЗАПАДНЯ» ДЛЯ ПОСЛА

ИГРЫ ПАТРИОТОВ

Известно, что громкие скандалы о провале какой-либо разведки свидетельствуют, прежде всего, о глубине её проникновения в секреты противоборствующей державы. Как говаривал «Моцарт разведки» Аллен Даллес: «Об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя».

Скандалы в Англии сначала вокруг имени Кима Филби, а затем и остальных членов «кембриджской пятёрки», или в ФРГ вокруг имени Гюнтера Гийома, советника канцлера Вилли Брандта, свидетельствуют, что советская разведка умела забраться в иноземные ларцы за семью печатями.

Тот факт, что наша внешняя разведка не имела грандиозных скандальных провалов во Франции, — вовсе не доказательство неуязвимости её секретов или отсутствия к ним интереса со стороны советских спецслужб. Франция никогда не была ни для КГБ, ни для ГРУ объектом второстепенных разведывательных устремлений. Франция, пятая держава мира, и вдруг — на втором плане геополитических и разведывательных интересов СССР? Такого быть не могло, потому что быть не могло никогда!

Ни кто иной, как советская контрразведка — именно контрразведка, а не разведка — в конце 50-х прошлого века с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его «второго пришествия во власть» к независимости от держав Западной Европы, прежде всего, от Англии.

Соответствующие службы СССР использовали эту потребность президента к независимости настолько эффективно, что возвели между ним и НАТО стену отчуждения и в конце концов на целое десятилетие, пока находился у власти генерал де Голль, ослабили Атлантический военный альянс.

Под непосредственным руководством и при личном участии начальника Второго главного управления КГБ генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова был завербован посол Франции в Москве мсье Морис Дежан.

Разумеется, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали и в торжественной обстановке оперативного псевдонима не присваивали. Явок, в классическом понятии этого слова, то есть на конспиративных квартирах, с ним не проводили. Обучения технике пересъёмки секретных документов на курсах без отрыва от производства он не проходил. Денег в конвертах за свои услуги не получал, и тем не менее советским агентом посол являлся. Морис Дежан, как сейчас принято в среде

профессионалов называть негласных помощников такого калибра, был агентом влияния.

В современной практике всех спецслужб мира агент влияния не вербуется, он приобретается, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, даже услужливо. Всё это делается строго конспиративно, чтобы он — объект вожделений спецслужбы — ничего не заподозрил.

Ещё более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций. Как правило, агентов влияния приглашают на различные международные конференции, заседания Обществ дружбы с различными странами, где их выступления-лекции оплачиваются по наивысшим расценкам, им предоставляется возможность опубликовать свои статьи и даже книги в зарубежных издательствах и т. д., но грубый прямой подкуп не допускается ни в коем случае.

* * *

Работа по Морису Дежану, история которой в наши дни насчитывает 55-летний юбилей, конечно, велась не так изощрённо, как если бы её проводили сегодня. Но она была-таки проведена, а посол влиял, да ещё как! Например, на принятие де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего, по вопросам участия Франции в НАТО. Не без рекомендаций Дежана де Голль вывел свою страну из Атлантического военного альянса, определив в нём присутствие Франции лишь в роли наблюдателя.

Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к её партнёрам по НАТО была огромной победой СССР, весомый вклад в которую внёс Морис Дежан.

Планируя вербовку Дежана в качестве агента влияния, генерал Грибанов учитывал не только деловые качества французского дипломата, но и его долгую дружбу с де Голлем, которая началась ещё со Второй мировой войны, когда они были участниками движения Сопротивления. Президент Франции со вниманием относился к точке зрения своего соратника и очень дорожил его мнением по самым различным вопросам международной политики.

Справедливости ради надо сказать, что были и другие фигуры из числа высокопоставленных французских дипломатов, сотрудников посольства в Москве, которые рассматривались КГБ в качестве потенциальных кандидатов на вербовку, но их предложения и советы по поводу политики Франции в отношении

СССР и НАТО не имели такого влияния на формирование мнения французского президента, как это было в случае с Морисом Дежаном.

ОТ ПОДСТАВЫ — В «МЕДОВУЮ ЛОВУШКУ»

Чтобы вовлечь посла в орбиту КГБ, был использован такой простейший способ вербовки, с успехом используемый всеми спецслужбами мира, как подстава ему «ласточки» — агентессы, выступающей в роли обольстительницы.

Действительно, зачем мудрствовать лукаво, если было известно, что Морис Дежан, пятидесятилетний элегантный мужчина, не прочь завоевать расположение красивых славянских женщин, чему свидетельствовали его многочисленные попытки посягнуть на их очарование, вплоть до откровенных предложений о вступлении с ним в любовную связь. С учётом этих обстоятельств, посол просто не мог не стать мишенью Комитета госбезопасности СССР.

Кто-то ведь всегда старается сильнее! КГБ старался сильнее, хотя в общей сложности вербовочная разработка французского дипломата, под кодовым названием «ГАЛАНТ», длилась около трех лет, и в ней были задействованы десятки гласных и негласных сотрудников. Хотя в массе это был народец, игравший роль листьев, окаймлявших изысканный букет. Держались они тихо, так как в званиях были невысоких и поэтому говорили, словно шуршали, и смеялись в кулачок над шутками режиссёра-постановщика — генерала Грибанова и основных актёров действа — Сергея Михалкова, его жены Натальи Кончаловской и некой Ларисы (Лоры) Кронберг-Соболевской, которой было назначено Грибановым сыграть ключевую роль в вербовочной разработке посла…

* * *

В один прекрасный день Грибанов решил, что сентиментальный роман, развивавшийся уже несколько месяцев между Морисом Дежаном и Кронберг-Соболевской, пора дополнить чисто плотскими отношениями.

Время, выбранное для этого, было вполне подходящим: жена посла, госпожа Дежан, убыла из Союза на отдых в Швейцарские Альпы. Объект остался в одиночестве.

В Москву был срочно вызван некто Муса. Персонаж без роду и племени, он в тридцатые годы работал по тюрьмам НКВД палачом, расстреливая «врагов народа». Кроме Мусы в столицу был доставлен бывший уголовник, который в своё время использовался подручными Лаврентия Берия в качестве

профессионального убийцы-ликвидатора. Ему предстояло сыграть роль мужа Лоры, который якобы неожиданно вернулся домой из командировки.

Соболевская, следуя линии поведения, отработанной ей генералом, в общении с «душкой Дежанчиком» постоянно жаловалась ему на жестокость и патологическую ревность своего «мужа».

Всем троим — Мусе, ликвидатору, ну и, конечно, Лоре предстояло сыграть главные роли в мизансцене по сломлению воли французского посла.

В день проведения акции Грибанов собрал всю «штурмовую группу» в одном из номеров «люкс» гостиницы «Метрополь».

Расположившись за богато уставленным разносолами столом, ликвидатор, Муса, Соболевская и ещё пара оперов из группы поддержки, неотрывно глядя на Грибанова, внимали каждому произнесённому им междометию.

«Я хочу, чтобы вы его сломили, — обращаясь к Мусе и ликвидатору, с пафосом произнёс генерал. — Сделайте так, чтобы Дежан по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас сгною в лагерях!»

* * *

Всё происходило на третьем этаже жилого дома № 2 на Ананьевской улице.

Квартира, где предстояло разыграться спектаклю, была «под завязку» напичкана спецтехникой — аудио- и кино-фотоаппаратурой. Вокруг дома — специальные посты наблюдения из сотрудников КГБ в штатском и переодетых в милицейскую форму.

Псевдомуж и Муса, выступавший в роли его приятеля, извлекли голых Дежана и Лору из постели и начали с остервенением лупить француза. Строго следуя указаниям генерала, били не по лицу, а в область сердца, печени и почек.

В пылу потасовки досталось и Лоре, которая без устали кричала:

— Прекратите! Вы убьёте его! Это же посол Франции! Что вы делаете?!

Со своей стороны, псевдомуж кричал, что подаст на совратителя своей жены, то есть на посла, в суд.

Дежану в конце концов удалось выскользнуть из квартиры — это было предусмотрено сценарием Грибанова — и

в сопровождении своего шофера добраться до посольства.

ПЛАТА ПО КРЕДИТУ

В тот же вечер Морис Дежан должен был встретиться с Грибановым, который находился с послом в прямом контакте, выступая в роли советника председателя Совмина СССР по фамилии Горбунов, чтобы обсудить с ним ряд межгосударственных проблем.

До них дело так и не дошло, потому что весь вечер Грибанов и Дежан обсуждали личные проблемы последнего, который, ничего не скрывая, сказал:

— У меня серьёзные неприятности. Мне нужна ваша помощь.

После чего поведал о своих злоключениях и попросил вмешаться, чтобы «муж» Лоры забрал из милиции свое заявление.

Вот тут-то генерал Грибанов и посадил посла «на крючок». Но виду не подал, а с показной заинтересованностью вникал во все перипетии им же и подготовленной драмы…

«Тайна», в которую Дежан посвятил Грибанова, привела к установлению между ними особых отношений.

Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным своему новому другу из Совета Министров СССР: ведь «муж» Лоры в конце концов согласился забрать своё заявление, а Грибанов впредь ни единым намеком не пытался напомнить Дежану о той кошмарной ситуации, в которую бедняге «случайно» довелось угодить.

Теперь глава французской дипломатической миссии в Москве стал по всем вопросам консультироваться с Грибановым, ведь тот, как-никак, был советником председателя Совмина Никиты Хрущёва!

Поэтому француз считал чем-то само собой разумеющимся обсуждение со своим русским другом различных аспектов международной политики Франции, особенно её отношения с СССР и членами НАТО.

По всем затрагиваемым в беседах проблемам посол давал исчерпывающий расклад, дополняя его собственным мнением и прогнозами. Иногда он даже предостерегал советскую сторону от каких-то неверных, на его взгляд, шагов. Кроме того, в непринужденных беседах с Грибановым Дежан делился своими суждениями о поступках, деловых и личных качествах других западных дипломатов, с которыми он поддерживал отношения в Москве, пересказывал свои с ними беседы, сообщал об их планах в отношении Советского Союза.

В свою очередь, Грибанов через Дежана доводил до де Голля то, что было выгодно СССР, что отвечало позиции советского

правительства на международной арене. А в качестве вознаграждения послу неоднократно предоставляли возможность изложить своё видение международной ситуации на полосах советских периодических изданий. За что, разумеется, ему выплачивались огромные гонорары в твёрдой валюте. В дни национальных праздников Французской Республики генерал Грибанов от имени советского правительства преподносил агенту дорогие подарки: пасхальные яйца работы учеников Фаберже, ювелирные украшения для мадам Дежан…

Это продолжалось в течение шести лет до сентября 1963 года.

То, что президенту де Голлю стало известно о роли Мориса Дежана в деле откола Франции от НАТО, объясняется заурядным предательством.

Посла как сверхценного источника КГБ «сдал» англичанам некто Кротков Юрий Васильевич — агент экстра класса НКВД — КГБ, один из основных действующих лиц в вербовочной разработке Дежана.

В то самое время, когда Кротков передавал сотрудникам Сикрет Интеллидженс Сервис известные ему подробности вербовочных подходов к Дежану, КГБ через свою агентуру в окружении де Голля стремился убедить его, что англичане плетут интриги за его спиной, пытаясь вернуть Францию в лоно НАТО и что речь идёт о заговоре лично против него, потому что англосаксы хотят связать его имя с не стоящим выеденного яйца случаем, представляя его как международный скандал…

В конце концов Комитету госбезопасности это удалось. Франция при де Голле так и не вернулась в Атлантический военный альянс.

Последнее свидание проштрафившегося посла с президентом отличалось беспрецедентной краткостью, ибо заключалось в одной лишь фразе де Голля:

«Итак, Дежан, женщины приносят наслаждение?»

Впрочем, о том, что отношение де Голля к провинившемуся дипломату до конца его жизни оставалось лояльным, может свидетельствовать тот факт, что Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став одним из руководителей ассоциации «Франция — СССР», где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами.

Параллельно, будучи назначен генеральным директором небольшого завода по производству советских часов «Слава» в г. Безансон, он выступал за развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом.

* * *

Умер Морис Дежан в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет.

В некрологе, опубликованном в газете «Монд», коллега Дежана посол Эрве Альфан отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась следующими словами:

«…затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, “достойно и с честью представлял интересы Франции”».

Таким образом, есть основание утверждать, что Морис Дежан был полностью реабилитирован в глазах общественного мнения Франции.

НЕУЯЗВИМАЯ ФАИНА РАНЕВСКАЯ

Из ныне живущих коллег и соратников бывшего начальника Второго главного управления КГБ при СМ СССР генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова мало кто помнит, почему в любовной мизансцене спектакля, разыгранного для посла Франции, на роль роковой обольстительницы Грибанов утвердил безвестную актрису Лору Кронберг-Соболевскую, а не прославленную Раневскую, ведь сначала он прочил именно её.

Что же помешало привлечь к вербовочной разработке посла Фаину Георгиевну? Неужели она не приняла предложение Олега Михайловича оказать помощь органам госбезопасности? Верится с трудом…

Начнём с того, что не Грибанов делал ей это предложение.

Олег Михайлович при всём своём маленьком росте обладал недюжинной гипнотической силой и великолепным даром убеждения — неспроста подчинённые называли его «маленьким Бонапартом».

Кроме того, в те времена Грибанов был широко известен в интеллигентской среде как «укротитель» Будапештского восстания 1956 года, поэтому одно упоминание его фамилии априори подавляло волю собеседника.

Так что, сделай он лично предложение Фаине Георгиевне вступить в тайный Орден секретных осведомителей, вряд ли бы она нашла в себе силы отказать ему, а так… Не только отказала, но и выгоду от игры с сотрудником органов гэбэ поимела!

В силу своей занятости и других обстоятельств Грибанов на встречу с Раневской послал молодого опера по фамилии Коршунов, у которого за душой было всего лишь начальное образование и двухлетнее производственное обучение на токаря на заводе «Красный Октябрь».

Предполагалось, что это будет моментальная вербовка в лоб.

Предполагал, как выяснилось, Грибанов, а располагала Раневская!

Потому что она проявила себя не только гениальной сценической артисткой, но и величайшей актрисой по жизни, обведя Коршунова вокруг пальца, как мальчишку. В общем, бестия, а не женщина!

…Коршунов начал вербовочную беседу, как тогда было принято, издалека.

И о классовой борьбе на международной арене, и о происках иноразведок на территории СССР поведал Раневской.

Процитировал пару абзацев из новой, хрущёвской Программы

КПСС, особо давил на то, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Но! Беда в том, что проклятые наймиты империализма в образе иностранных секретных служб пытаются подставить подножку нашему народу, семимильными шагами движущемуся к светлому будущему всего человечества — коммунизму.

Невзначай напомнил также и о долге каждого советского гражданина, независимо от его профессиональной принадлежности, оказывать посильную помощь органам государственной безопасности в их ратном труде по защите завоеваний социализма…

Словом, подал Коршунов себя в наихудшем свете — выступил в роли лектора сельского клуба, а не вербовщика. И великая актриса его сразу раскусила, догадалась, к чему клонит её визави, но виду не подала.

Стукачество в артистической среде всегда, даже при царях, было заурядно-распространённым явлением. Весь бомонд, не таясь, обсуждал его. Оно было притчей во языцех. А уж вокруг Фаины Георгиевны… Там, вообще, агент на агенте сидел и агентом погонял! Ей ли было не знать, что все её коллеги-артисты уже давно завербованы-перевербованы, так что это Коршунов считал, что он ведёт игру с закрытыми картами, имея старшие козыри на руках… Для неё все его потуги были секретом Полишинеля.

…Вслушиваясь в страстный монолог Коршунова, Раневская прикидывала, как ей элегантней уйти от предложения, которое, конечно же, должно последовать в заключение пламенной речи этого трибуна из гэбэ…

Сначала она провела кинжальную разведку боем. Спросила:

— Молодой человек, а где вы были раньше, когда я ещё не успела разменять седьмой десяток?

— Что вы, Фаина Георгиевна! — вскричал, переполошившись, Коршунов, которому показалось, что пароход уходит от причала прямо на его глазах. — Вам больше тридцати никто не даёт, поверьте… Вы — просто девочка по сравнению с другими артистками вашего театра!

Коршунов, предвкушая оглушительный триумф после исполненной увертюры, даже не заметил, что допустил оплошность, назвав Раневскую девочкой. Назвать девочкой знаменитую актрису, которая ему по возрасту годилась в матери, это верх бестактности!

А Фаина — ничего. Девочка я для вас, ну что ж, значит, девочка. Так тому и быть! Женщине, в конце концов, столько лет, на сколько она выглядит…

Закуривает она очередную «беломорину», хитро прищуривается и при этом так спокойно говорит:

— Мне с вами, молодой человек, всё понятно… Как, впрочем, и со мной тоже… Без лишних слов заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать! Я лично давно к этому готова. Н-да… Разоблачать происки ненавистных мне империалистических выползней… Можно сказать, что это — моя мечта детства. Но… Есть одно маленькое «но»!

Во-первых, я живу в коммунальной квартире, а во-вторых, что важнее, я громко разговариваю во сне. Вот и давайте, коллега, а по-другому я вас, молодой человек, и не мыслю с тех пор, как мы встретились. Да, вы — мой коллега! Так вот, давайте вместе, по-чекистски, поразмыслим.

Представьте, вы даёте мне секретное задание, и я, будучи человеком обязательным и ответственным, денно и нощно обдумываю, как лучше его выполнить, а мыслительные процессы, как вы, конечно, знаете из психологии, в голове интеллектуалов происходят беспрерывно — и днём и ночью… И вдруг! И вдруг ночью, во сне, я начинаю сама с собой обсуждать способы выполнения вашего задания. Называть фамилии, имена, клички объектов, явки, пароли, время встреч и прочее… А вокруг меня соседи, которые неотступно за мной следят вот уже который год подряд. Они же у меня под дверью круглосуточно, как сторожевые псы, лежат, чтобы услышать, о чём и с кем это Раневская там по телефону говорит! И что? Я, вместо того, чтобы принести свою помощь на алтарь органов госбезопасности, предаю вас! Я пробалтываюсь, потому что громко говорю во сне… Нет-нет, я просто кричу обо всём, что у меня в голове…

Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно… Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете? Вы поймите меня правильно. Я хочу, чтобы наше с вами будущее сотрудничество развивалось на принципах взаимного доверия и искренности, или я ошибаюсь? Если я ошибаюсь — поправьте меня, уберегите меня от совершения в будущем роковой ошибки! Я бы даже сказала — от непредумышленного предательства… Но что делать, если мои родители передали мне такой порок — громко разговаривать во сне? Я уже обращалась к врачам, к светилам медицины — всё пустое, ничего поделать не могут… Никакие снотворные и транквилизаторы не помогают… Может быть, у вас, товарищ Коршман, извините, товарищ Коршунов… имеются какие-то спецпрепараты, чтобы не выбалтывать секреты… во сне?

* * *

Страстный монолог Раневской потряс Коршунова. С явки он ушёл подавленный и напрочь разбитый железными аргументами кандидатки на вербовку.

Доложив о состоявшейся вербовочной беседе Грибанову, он в заключение доклада сказал:

— Баба согласна работать на нас, я это нутром чувствую, Олег Михайлович! Но… Есть объективные сложности, выражающиеся в особенностях её ночной физиологии.

— Что ещё за особенности? — спросил Грибанов. — Мочится в постель, что ли?

— Нет-нет! Громко разговаривает во сне… Да и потом, Олег Михайлович, как-то несолидно получается… Негоже всё-таки нашей прославленной народной артистке занимать комнату в коммунальной квартире… Полагаю, что ради того, чтобы привлечь Раневскую к секретному сотрудничеству и эффективно её использовать в наших интересах, надо бы ей выделить отдельную квартиру… У меня — всё!

— Что ж, подумаем… — ответил неопределённо Грибанов, но через месяц Раневская праздновала новоселье в высотке на Котельнической набережной.

И тогда Коршунов вновь пошёл на приступ, стал названивать в театр Моссовета, где работала Раневская, чтобы, значит, встретиться с нею и формально узаконить состоявшуюся вербовку отбором подписки о добровольном сотрудничестве, неразглашении и т. д. Ну, в общем, соблюсти все формальности.

Однако каждый раз выяснялось, что Фаина Георгиевна пока не может с ним встретиться либо по причине своей занятости, либо состояния здоровья — то она готовится к премьере, то у неё сплин, то насморк.

Когда же наконец в телефонной трубке он услышал её воркующий голос, очень доверительно сообщивший ему, как коллеге и товарищу по борьбе, что у неё начались какие-то «критические дни», и поэтому она просит вновь перенести свидание, он рассвирепел и в сердцах бросил ей, что послезавтра приедет к ней домой, в новую отдельную квартиру, для окончательного расчёта.

Не знал молодой лейтенант с начальным школьным образованием, с кем столкнула его судьба, и какой прожжённой бестией оказалась обхаживаемая им «кандидат на вербовку»…

…На следующий после разговора Коршунова с Раневской день, рано утром, в приёмной КГБ при Совете Министров СССР появился какой-то мужчина с испитой рожей и неопределённого

возраста — от пятнадцати до восьмидесяти пяти — и попросил принять от него заявление. Настаивал, чтобы оно было обязательно зарегистрировано, потому как дело чрезвычайной государственной важности…

Коллективное заявление жильцов высотки на Котельнической набережной, где уже месяц проживала Раневская, через час лежало на столе у Грибанова, потому что ему и было адресовано.

В своём обращении квартиросъёмщики (всего десять подписей), проживавшие над квартирой Раневской, просили органы госбезопасности разобраться с некой артисткой (фамилия Раневской в заявлении не указывалась), которая ночи напролёт вопит о происках империалистических разведок. Рассуждает, как разделается с ненавистными супостатами, и какую кузькину мать она им покажет, едва только её примут в органы госбезопасности внештатным сотрудником.

Через час Коршунов стоял по стойке «смирно» в генеральском кабинете. Грибанов отдал ему заявление со словами:

— На Фаине поставь крест, ищи кого-нибудь другого… Молчащего во сне. Всё! Свободен!

По прошествии некоторого времени Коршунову от агентуры, окружавшей Раневскую в театре им. Моссовета, стали известны подробности создания пресловутого «коллективного заявления».

Артистка за две бутылки водки соблазнила на эту акцию сантехника из ЖЭК того самого заявителя с испитым лицом.

Но… поезд уже ушёл, и квартира осталась за Раневской!

* * *

Впоследствии Фаина Георгиевна, приглашая коллег (среди них было немало агентов КГБ, которые по ней и работали, что для неё секретом не являлось) на чашку чая в свою новую квартиру на Котельнической набережной, ещё долго вспоминала своё общение с Коршуновым и, как бы оправдывая свой дьявольски изощрённый трюк с «коллективным заявлением», неизменно повторяла:

— Девочки, вы должны меня понять. Я отказала гэбэ лишь по одной причине. Дать много органам я не могу, а мало мне не позволяет совесть — проклятое воспитание!

ДЕРЖАВНЫЕ НЕТРАДИЦИОНАЛЫ

МИД ЦАРСКОЙ РОССИИ — ОБИТЕЛЬ САНОВНЫХ ГОМОСЕКСУАЛОВ

В начале XX века одним из самых авторитетных и значимых русских дипломатов, приверженцев гомосексуальных отношений, был граф Владимир Николаевич Ламздорф. Он происходил из известного в России рода обрусевших немецких дворян. Дед его был при монаршем дворе личным воспитателем будущего царя Николая I, поэтому внук такого именитого деда получил привилегированное воспитание: окончил Пажеский корпус, стал придворным камер-пажем, затем поступил на службу в департамент внешних сношений российского МИДа.

За сорок лет службы Ламздорф прошёл все ступени служебной иерархической лестницы: начал переводчиком, а закончил министром иностранных дел. Причем монархам, при которых Ламздорфу довелось служить, была известна его противоестественная тяга к молодым мужчинам, за глаза они называли его Мадам.

Но если гомосексуализм Ламздорфа был, что называется, его личным делом, то находились другие российские дипломаты, сумевшие поставить на службу державе свою нетрадиционную сексуальную ориентацию. Одним из таких людей был секретарь российского посольства в Лондоне и по совместительству секретный агент Петербургского охранного отделения С.А. Козелл-Поклевский.

Именно благодаря его усилиям и интимной дружбе с английским королем Эдуардом VII состоялось заключение англо-российского соглашения от 31 августа 1907 года, нормализовавшее связи между двумя державами. До подписания договора отношения России с Англией были довольно натянутыми, если не сказать враждебными…

Сексуальная сторона предыстории вопроса такова.

Эдуарду VII приглянулся князь Феликс Юсупов, приехавший в Англию по заданию главы Охранного отделения для встречи с резидентом английской разведслужбы СИС в Москве Сэмюелем Хором (тем самым, кто впоследствии организовал убийство Григория Распутина). Кроме прочего, князь был известен при дворе как неуёмный бисексуал — несовершеннолетние мальчики и красивые женщины для него — суть одно и то же.

При встрече с Юсуповым король Эдуард, активный нетрадиционал, почувствовав в нем потенциального партнёра — у них это происходит на интуитивном уровне, — воспылал к князю

страстной любовью и пригласил его на гомосексуальный турнир. Юсупов чувств венценосца не разделил, убоявшись пасть жертвой монаршего «молота», размер которого, со слов очевидцев, превосходил всякие мыслимые пределы. Князь, вместо своей, подставил монарху-вожделенцу «наковальню» пассивного гомосексуала Козелл-Поклевского…

С одобрения шефа российской охранки, утверждавшего: «Агенты судьбу не выбирают!» — Козелл-Поклевский стал героем по разнарядке — между ним и королём завязалась мужская нетрадиционная дружба, которая и способствовала сближению двух стран.

«ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА» ЦАРСКОЙ ОХРАНКИ

Для некоторых историков и писателей известный авантюрист XX века Манасевич-Мануйлов — это сосуд пороков. Мало кому известно, что он, выдавая себя за журналиста, на самом деле работал на царскую охранку, подвизался на поприще шпионажа, круто замешанном на распутстве. Трудно сказать, какая из этих составных была ему более по душе, но то, что он преуспел на ниве шпионажа — вне всякого сомнения…

Одной из самых крупных «голубых звёзд» агентурного аппарата Третьего отделения Канцелярии Его Императорского Величества был Иван Фёдорович Манасевич-Мануйлов, в платёжных документах значившийся под псевдонимом «Сапфир».

В секретном архиве Министерства внутренних дел самодержавной России сохранилось объёмистое дело коллежского асессора (чин, приравненный к воинскому званию майор) Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова. На обложке надпись: «Совершенно секретно. Выдаче в другие производства не подлежит. Хранить вечно».

Приключения и авантюры, главным фигурантом, а часто и инициатором которых был сам Манасевич-Мануйлов, начались ещё в юности. Его отец — раввин Тодрес Манасевич — был организатором подпольной фирмы по изготовлению и распространению фальшивых знаков почтовой оплаты. Нажив на этой афере миллионы, он в конце концов угодил на каторгу в Сибирь, где вскоре скончался, оставив круглым сиротой своего единственного сына Изю.

Трудно представить, как бы сложилась судьба юного и неискушённого отрока, не свались на него Божья благодать в образе богатого сибирского купца Фёдора Мануйлова, который усыновил и воспитал малолетку. После внезапной смерти Мануйлова Изя Манасевич наследовал 200-тысячное состояние — стартовый капитал, который он умело использовал, чтобы совершить путь наверх.

Окончив омское реальное училище, он переезжает в Санкт-Петербург, где незамедлительно принимает лютеранство, превращается в Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова и избирает для себя вольную профессию журналиста. Горькая ирония судьбы! Вчерашний иудей становится сотрудником славящегося своим антисемитизмом журнала «Новое время».

Красивый пухлый юноша обратил на себя внимание известных светских гомосексуалистов. Его осыпали подарками и деньгами, возили по шантанам и вертепам, у него рано развилась

страсть к роскоши, кутежам и мотовству.

Вскоре юный выхрест вступает в «Голубой клуб» Северной столицы и с помощью гомосексуалистов, приближённых ко двору Его Императорского Величества, поступает на Государеву службу в «Императорское человеколюбивое общество», получив чин коллежского асессора.

В личном деле агента «Сапфир» находится меморандум, в котором отражены черты его характера и деловые качества:

«Манасевич-Мануйлов — экстравертированная личность сангвинического темперамента. Обладает незаурядными умственными способностями с развитым логическим мышлением. Быстро схватывает и понимает новое. Образованный, эрудированный, начитанный. Свободно владеет немецким и французским языками.

Исключительно доминантный и властный человек с ярко выраженными лидерскими наклонностями. Весёлый, жизнерадостный. Самоуверенный и самонадеянный. Эгоцентричный и капризный до эгоизма. Легко нарушает правила общественной морали и бравирует этим. Из принципа никогда не говорит правды.

Склонен к лицедейству и перевоплощению. Умеет использовать актёрское мастерство во вред окружающим. В аргументации убедителен, красноречив, способен навязать оппоненту свою точку зрения.

В поведении присутствует безусловная ориентация на успех, в выборе средств его достижения неразборчив и вероломен.

Вывод по меморандуму:

В секретной работе надёжен и аккуратен, весьма предприимчив. Может быть использован в качестве агента-вербовщика».

«САПФИР» СОВМЕЩАЕТ ДВЕ ДРЕВНЕЙШИЕ ПРОФЕССИИ

По указанию руководства Охранного отделения «Сапфир» покинул «Императорское человеколюбивое общество», поступил на службу в Министерство внутренних дел и был откомандирован на учёбу в департамент духовных дел иностранных вероисповеданий. На что агент ответил, как и подобает примерному адепту: «Приемлю. Благодарю. И ни мало вопреки глаголю».

И вновь каприз судьбы! Манасевич-Мануйлов, будучи по крови и по убеждениям сформировавшимся приверженцем иудаизма, вопреки логике в январе 1901 году направлен в Ватикан, где становится защитником православных интересов при главе католической церкви. Вот уж где ему удалось ухватить Бога за бороду! Там, в центре католицизма, участвуя в решении конфессиональных проблем, он попутно развил бурную шпионскую деятельность. Внедрился в редакцию газеты «Avanti!» — орган социалистической партии Италии, — завербовав массу журналистов в качестве секретных агентов. Одним из агентов влияния, состоявшим у него на связи, был не кто иной, как главный редактор «Avanti!» — Бенито Муссолини, будущий диктатор Италии! Кстати, Муссолини уже тогда подписывал свои донесения псевдонимом «Дуче» (вождь, предводитель).

«Товарищи по оружию» считали, что у Мануйлова преобладает один ген — ген удачливости.

«Везунчик, — говорили они, — Богом помазанный, удачей помеченный. Там, где другие втрое сил вкладывают, а служебного продвижения чуть, ему валом валит…»

Однако руководство Охранного отделения не разделяло этих взглядов, считая «Сапфира» исключительно работоспособным, а потому плодовитым агентом-вербовщиком. Завистники вешали на Ивана Федоровича собак, а начальство — ордена. И он благосклонно, как вердикт судьбы, принимал и то и другое. Деятельность Манасевича-Мануйлова в Ватикане была высоко оценена, о чём свидетельствуют полученные им награды: орден Льва и Солнца и орден Св. Изабеллы.

ПРОЩАЙ, ВАТИКАН!

Оскар Уайльд прозорливо заметил: «Чтобы удержаться в великосветском обществе, надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать людей».

Манасевичу-Мануйлову с его безграничным тщеславием и высокомерием более по душе пришлась последняя установка: «возмущать». Целый шлейф скандалов следует за «Сапфиром» в Ватикане. И как результат — 4 сентября 1901 года в Санкт-Петербург поступает агентурное сообщение о том, что «…на собрании русских и польских социал-демократов решено сделать российскому дипломатическому представителю при Римской курии Манасевичу-Мануйлову, гомосексуалисту, шпиону и начальнику заграничной политической агентуры, публичный скандал в пределах всей Западной Европы, выпустив для этого особую книгу о его похождениях…»

И такая книга под громким названием «Русский Рокамболь» вскоре вышла. В ней весьма красочно были расписаны «подвиги» Манасевича-Мануйлова на ниве шпионажа и бытового беспутства. Особо была подчёркнута его страсть к стяжательству и мздоимству: он часто задерживал платежи агентам, состоявшим у него на связи, пуская в оборот предназначавшиеся им деньги, а порой просто обсчитывал их. Обманутые секретные помощники устраивали скандалы, обивали пороги российского посольства и консульства и даже поколачивали своего оператора на явочных квартирах, но… Иван Фёдорович был неисправим. На злобу момента он откликнулся, озвучив своё жизненное кредо двумя афористичными фразами: «Каждый отрабатывает задание в меру персональных способностей и личной подлости». И ещё: «Мне решительно наплевать, стану ли я миллионером. Главное — жить как миллионер!»

Руководство Охранного отделения, которое весьма высоко ценило сноровку «Сапфира» в качестве секретного сотрудника, считая, что он — один из немногих, кто умеет из «пронырливого браконьера сделать отличного егеря», вынуждено было перевести его из Ватикана во Францию. Там он принял от генерала Петра Рачковского парижскую резидентуру царской охранки.

В Париже Манасевич-Мануйлов превратился в настоящего «охотника за головами», но, как и полагается по должности шпиону, был человеком с десятком лиц: распутник, повеса, игрок, скандалист, бонвиван, интриган и чревоугодник. Успешно играя на «чужом поле», он возглавил созданную на деньги охранки газету «Lazevue Russe» и занялся тотальной вербовкой

французских журналистов из различных изданий, фактически став главой закордонной агентуры Охранного отделения. Да с таким блеском, что в личном деле агента «Сапфир» вскоре появилась запись:

«Государь Император Всемилостивейше соизволил причислить коллежского асессора Ивана Мануйлова к дворянскому сословию и пожаловать оному орден Св. Князя Владимира».

«Сапфир» был человеком вулканического темперамента и, несмотря на то, что таинственный мир шпионажа требовал от него всецелой отдачи, он находил время и для сексуальных забав, и для занятия журналистикой. Так, много лет спустя стало известно, что Манасевич-Мануйлов выступил соавтором наделавшего много шума скандального антисемитского опуса «Протоколы сионских мудрецов»2.

2«Протоколы сионских мудрецов» — книга, в которой группа анонимных авторов-антисемитов враждебно выступает против евреев, ратуя за пренебрежительное отношение к евреям в быту, правовой дискриминации, за геноцид, вплоть до еврейских погромов. Авторы сознательно и открыто направляют социальное недовольство всех классов общества против евреев, обвиняя последних во всех бедах мира.

В современной России «Протоколы» переиздавались не только отдельными «патриотическими» издательствами, но и выходили в толстых литературных журналах, во главе которых стояли такие светила русской словесности, как Валентин Распутин.

И ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ, И ПРЕДТЕЧА…

Необходимо отметить, что в использовании издания «Lazevue Russe» в качестве «крыши» — учреждения прикрытия — и в деле проведения разведкой царской России «активных мероприятий» — дезинформации — в полную силу проявились новаторские способности «Сапфира» и его интригабельный ум. Ведь до него никто ничего подобного не пытался сделать. Таким образом, Манасевича-Мануйлова обоснованно можно считать первооткрывателем в отдельных методах деятельности современных спецслужб.

За доказательствами далеко ходить не надо. Начиная с середины 1960-х и КГБ, и ЦРУ умело использовали некоторые наработки Ивана Фёдоровича, как то: проталкивание в общественное сознание выгодной им информации через купленные на корню редакции зарубежных газет и журналов в целях оказания давления на правительства и деловые круги иностранных государств. А по части создания «крыш» для разведчиков Комитету госбезопасности среди спецслужб не было равных. К примеру, использовались такие структуры, как Агентство печати «Новости», ТАСС, Советский комитет защиты мира…

Прожив бурную жизнь неуёмного скандалиста, удачливого шпиона и авантюриста транснационального калибра, свой земной путь Манасевич-Мануйлов закончил как заурядный контрабандист. В 1918 году в районе Выборга он был застрелен российскими пограничниками при попытке нелегально перейти финскую границу с партией золотых украшений работы Фаберже…

ВЕРБОВОЧНЫЕ НАРАБОТКИ «САПФИРА» ИСПОЛЬЗУЕТ… НКВД

В 1914 году Муссолини был исключен из социалистической партии, в 1919-м основал фашистскую партию, а в 1922-м при содействии монополий, монархии и Ватикана захватил власть и установил в Италии фашистскую диктатуру.

25 октября 1935 года, вслед за официальным оформлением агрессивного военно-политического союза фашистской Германии и Италии, так называемой «Оси Берлин — Рим», Сталину стало ясно, что эти государства стали на путь подготовки и развязывания Второй мировой войны. Поэтому он лично приказал начальнику 4-го управления НКВД генералу Судоплатову провести «активные мероприятия» в отношении Муссолини, а именно: запустить такую дезинформацию, которая скомпрометировала бы последнего в глазах Гитлера.

— Нет ничего проще, товарищ Сталин!

— То есть?

— В течение двенадцати лет, с 1902-го по 1914-й, наш фигурант работал на царскую охранку, предоставляя письменные донесения. Сейчас они в архиве НКВД…

— Сделайте так, чтобы фотокопии его донесений оказались на столе Гитлера!

Как только сведения о работе Муссолини на царскую Россию были доведены до Гитлера, последнего охватила безудержная ярость. В бешенстве он избил ногами своих любимых доберманов, разбил пару китайских ваз, наконец, брызжа пеной изо рта, приказал адъютанту немедленно доставить Муссолини в Берлин, где бы тот ни находился.

Встреча фашистских подельников была бурной и продолжалась более двух часов.

В итоге Муссолини, чтобы загладить свою вину перед братом-душегубом, вынужден был уступить часть территорий своих колоний в Африке и гарантировать участие не менее десяти полностью укомплектованных и вооружённых итальянских дивизий в военных акциях вермахта.

Однако холодок отчуждения и недоверие к Муссолини у Гитлера притупились только с началом войны против Советского Союза…

ГОМОСЕКСУАЛ СГУБИЛ ДИНАСТИЮ ГАБСБУРГОВ

Эксперты истории спецслужб мира считают Альфреда Рёдля самым эффективным российским агентом-гомосексуалистом, действовавшим в Европе до Первой мировой войны.

В своей книге «Шпионы начала XX века» американский историк Ричард Роуан дал Рёдлю следующую характеристику:

«Альфред Рёдль был шпионом экстра-класса, мотом, развратником и вероломным предателем, производившим, однако, на своё начальство такое благоприятное впечатление, что оно прочило его на пост начальника австро-венгерского Генерального штаба.

Рёдль происходил из бедной и некультурной семьи, но получил назначение в штаб одного из самых кастовых и недоступных военных учреждений Европы. Чтобы подняться на такую высоту без протекции, надо было обладать незаурядными способностями, бесконечным трудолюбием и непоколебимыми амбициями.

До 1905 года Рёдль был директором австро-венгерской разведки, и успешная работа на этом посту снискала ему полное доверие и признание командования Австро-Венгерской императорской армии. О Рёдле ходили легенды, что в Европе нет секретов, недоступных руководимой им разведслужбе. В действительности же этими секретами владела русская разведка, ибо Рёдль служил России, находясь всё то время между плахой и топором…»

Полковник Рёдль был крупнейшим в истории мировой разведки «кротом» — офицером спецслужбы, действующим в интересах противника. По занимаемому положению, продуктивности и длительности работы его можно сопоставить с цэрэушником Олдричем Эймсом и фэбээровцем Робертом Хансеном, работавшими в пользу СССР и Российской Федерации в 1980–2000 годы.

Завербовал австрийца полковник Батюшин, резидент царской военной разведки в Варшаве. Среди своих коллег-разведчиков он прославился бесшабашной отвагой и авантюризмом, доходящим до безрассудства.

Однажды на манёврах немецкой армии, где Батюшин присутствовал в качестве наблюдателя, он ухитрился вытащить записную книжку из кармана германского императора Вильгельма II. Перефотографировал её и быстро вернул на место,

да так ловко, что кайзер даже не успел хватиться пропажи.

Хотя Рёдль тщательно скрывал от начальства и сослуживцев свои многочисленные связи среди гомосексуалистов, Батюшину, опытному «ловцу душ», была известна эта порочная страсть своего коллеги и оппонента. Именно на порочной склонности объекта и сыграл бравый русский разведчик. Используя шантаж и подкуп, Батюшин сделал из Рёдля первого в истории русской разведки «голубого крота».

Помимо огромной ценности поставляемых Рёдлем разведданных в его деятельности присутствовала ещё одна отличительная черта — для России он был самым дорогостоящим шпионом.

Австрийская военная контрразведка, проводившая исследование документов и имущества Рёдля после его самоубийства, только ахнула. И было от чего! В последние два года жизни он приобрёл огромное поместье под Веной, шикарный особняк в Праге, дюжину арабских скакунов и шесть автомобилей самых престижных марок. Один из них Рёдль подарил своему любовнику — молодому офицеру уланского полка лейтенанту Говора. Ему же за любовные утехи он ежемесячно платил по 600 крон.

Кроме ежегодного жалования в 100 000 крон, которое в 15 раз превышало его годовой должностной оклад, Рёдль получал деньги от русской разведки и за разовые успешные операции.

Так, выдав своему оператору Батюшину планы Генерального штаба Австро-Венгрии наступления на Германию и Россию, Рёдль был поощрён астрономической по тем временам суммой в 100 000 крон.

Ещё 300 000 крон он получил от своего русского оператора-работодателя за передачу мобилизационных планов австрийского командования для ведения операций против России и Сербии.

План военных действий против Сербии под кодовым названием «PLAN-3» являл собой вершину стратегической мысли Генерального штаба австро-венгерской армии. В таблицах, схемах, чертежах и картах были указаны все подробности возможной войны. Но самое главное состояло в том, что его невозможно было изменить кардинальным образом. При всех попытках его переделать основные черты «PLAN-3» оставались прежними.

Детальная осведомлённость сербского командования о «PLAN-3» позволила крошечной Сербии в течение целых д в у х лет войны противостоять гигантской австро-венгерской военной машине.

Британский эксперт военной разведки Эдвин Вудхол по этому поводу писал:

«К изумлению всего мира, “карманная” сербская армия предупредила не одно, а три нашествия австро-венгерской армии.

Три раза войска императора Габсбурга применяли различные варианты “PLAN-3”, и три раза Сербия не только отражала натиск, но и наносила тяжёлые удары захватчикам».

Гомосексуальные страсти Рёдля стоили жизни не ему одному. Потери Австро-Венгрии в четырёх сербских кампаниях исчислялись 200 тысячами убитых и 300 тысячами раненых. Сербия потеряла лишь 331 тысячу убитыми и ранеными.

Только на русском фронте австро-венгерская армия потеряла около шести миллионов солдат и офицеров — российская армия такие потери понесла на всех фронтах Первой мировой войны.

Военное поражение привело к развалу австро-венгерской империи и падению династии Габсбургов.

В своей предсмертной записке полковник Рёдль написал:

«Легкомыслие и страсти погубили меня. За свои грехи я расплачиваюсь жизнью

Альфред».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Опыт Охранного отделения, вообще, и бравого разведчика Батюшина, в частности, был взят на вооружение и успешно использовался офицерами-вербовщиками НКВД — КГБ. Члены «кембриджской пятёрки» Гай Бёрджесс и Энтони Блант — самые яркие «голубые» звёзды так называемого Гоминтерна, братства гомосексуалов-леваков Англии 1930-х, безвозмездно работали в пользу СССР во время Великой Отечественной войны, за что по указанию Сталина были награждены орденами Красного Знамени.

Действительно, люди, вынужденные вести двойную жизнь, умеют хранить тайну, их не нужно обучать конспирации. Кроме того, они легко находят интересующие разведку объекты внутри гомосексуального сообщества. А в постели выведываются любые секреты…

ГИМАЛАЙСКИЙ РОМАН

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КУРС НА СБЛИЖЕНИЕ

Столица королевства Непал Катманду лежит в живописной, утопающей в цветах, высокогорной долине в Гималаях. Жизнь коренных обитателей Поднебесья Мира течет, вернее, парит, над земной суетой спокойно, размеренно и величаво.

Сегодня верится с трудом, что совсем недавно этот райский уголок представлял собой театр боевых действий, где проходила передняя линия невидимого фронта «холодной войны».

Рыцари плаща и кинжала из противоборствующих спецслужб превратили этот край обетованный в ристалище для своих тайных дуэлей, плели здесь паутину интриг. Вербовки и похищение секретов, подкуп и измены были повседневной нормой жизни бледнолицых пришельцев с Равнины…

В 1974 году в советскую дипломатическую миссию в Непале на должность атташе по культуре прибыл Леонид Георгиевич Полещук.

Разведчик но профессии, авантюрист и ловелас по жизни, не пропускавший ни одной женской юбки, он очень быстро понял, что в Катманду ему не развернуться.

Его страсть — развлечения, которых в городе, увы, было явно недостаточно, а работавшие в нашем посольстве женщины все, как назло, замужем — не подступиться даже такому искушенному дамскому угоднику и сердцееду, каким был Полещук.

Последнее обстоятельство удручало более всего, потому что год пребывания в Непале разведчик должен был провести без жены, оставшейся в Москве.

Эпизодические набеги в местные дома терпимости удовлетворения не приносили, и свой похотливый взор молодой капитан фокусирует на женщинах, посещающих культурный Центр для сотрудников дипломатических миссий, представленных в Непале.

Этот гигантский комплекс, построенный на американские деньги и являвшийся их собственностью, поразил воображение Полещука, парня из страны берёзового ситца.

Бассейн, теннисные корты, летний кинотеатр, видеозал (о видео, этом чуде техники, в Союзе ещё ничего не известно), бильярд, спортплощадки, школа и поликлиника, куда приезжали лечиться король Непала и члены его семьи. Окружение монарха тоже считало хорошим тоном хоть раз посетить лечебно-оздоровительный комплекс при культурном Центре.

Аллеи и постройки утопали в зелени, а аромат огромных, в человеческий рост, алых роз, казалось, пропитывал тебя и твою

одежду насквозь.

Территория Центра обнесена двумя бетонными заборами с «колючкой», через которую пропущен электрический ток высокого напряжения.

Вход и выход — под объективами видеокамер. Ворота управляются из будок, похожих на армейские доты, в которых сидят американские морские пехотинцы.

Восторг Полещука от увиденной роскоши сменился озлоблением в адрес руководителей КПСС и родного правительства, как только ему стало известно, что месячное жалованье американского сержанта из охраны Центра почти в два раза превышает его оклад. Полещук получал 500 долларов, сержант — 800. Столько же получал глава резидентуры КГБ в Непале, полковник Тимофеев.

Регулярно посещая оазис «сладкой жизни» — культурный Центр, Полещук вскоре перезнакомился со всеми американскими дипломатами.

Это входило в круг его служебных обязанностей. Он для того и прибыл, чтобы изучать персонал дипломатической миссии США в Непале и подбирать среди них кандидатов на вербовку.

В этом обществе особенно выделялась яркая чрезвычайно привлекательная блондинка Сэлли Грейвс, и Полещук сразу увлёкся ею. Американка вела себя раскованно и, как показалось Полещуку, даже чересчур беспечно для её возраста. И хотя разведчик не был новичком на ниве покорения женских сердец, тем не менее, наблюдая за американкой со стороны, терялся в догадках, сколько же ей лет.

С одной стороны, «поясок» у подбородка указывал на то, что она уже перешагнула тридцатилетний рубеж. Но с другой…

«Нет-нет, конечно же, ей ещё нет тридцати — столько жизненного задора, столько грации в движениях, — с искренним восхищением следя за лёгкой поступью Сэлли, размышлял капитан-повеса. — А как заразительно она смеётся! Да и потом, разве может умудрённая жизнью женщина так по-детски наивно воспринимать простые вопросы?

Безусловно, она моложе меня! — подвёл итог своим рассуждениям Полещук, которому незадолго до прибытия в Непал исполнилось двадцать восемь лет. — Да и какая, к черту, разница… Любовь ровесников не ищет, поэтому вперёд, Леня, на приступ! Женщины сдаются лихим гусарам, а не скулящим студентам!..

Стоп! А что если попробовать привлечь сё к негласному сотрудничеству? Нет, конечно, не сразу. Сначала определим, чего она стоит как партнёрша в постели. Между забавами выясним,

какими возможностями она располагает на службе, а там уж видно будет, стоит ли овчинка выделки — можно ли сё использовать в наших интересах… Путь не близкий, но зачем же, сломя голову, напролом устремляться к вершине горы? Умный в гору не пойдёт — умный гору обойдёт…

Впрочем, постель сотрудничеству не помеха. Практикуют же французские спецслужбисты интим со своими агентессами, почему бы и мне не взять на вооружение их опыт?

Так, пора переходить от рассуждений к действиям. Сегодня же надо пригласить её в какой-нибудь отдалённый экзотический кабачок… Внимание, она приближается! Лёня, на абордаж!»

Со своей стороны, Грейвс тоже предприняла шаги для сближения с русским атташе по культуре.

Проявив завидную инициативу и предприимчивость, она сделала всё возможное, чтобы полностью овладеть вниманием новоявленного славянского витязя и оттеснить вероятных соперниц из числа незамужних американок, посещавших Центр.

Полещуку и в голову не приходило, что Сэлли, это внешне беззаботное существо, может состоять в штате противоборствующего разведсообщества. А вместе с тем Грейвс уже девять лет являлась кадровой сотрудницей ЦРУ, сумевшей пробиться в высшие слои этого ведомства отнюдь не благодаря своей внешности, но исключительно оперативному чутью и своему трудолюбию.

По заданию своего шефа, руководителя резидентуры ЦРУ в Непале Джона Беллингхэма, Сэлли приняла приглашение Полещука провести вечер в каком-нибудь престижном столичном ресторане.

После этого они стали встречаться регулярно.

* * *

Любовный роман развивался бурно и стремительно. Запросы американки росли с каждым свиданием, и вскоре капитан был вынужден признать себя полным банкротом: денег не хватало даже на прохладительные напитки и сигареты американского производства — ещё один манящий осколок благополучной жизни. С одной оговоркой: благополучной для тех, у кого есть деньги.

И тогда Полещука осенило: он без труда добудет деньги в казино!

В заведении он почувствовал себя своим среди разношерстной, живописной публики, состоявшей из

североамериканцев и европейцев, которые толпились возле зелёных столов, где, как сумасшедший, метался шарик рулетки.

Здесь была та самая атмосфера, для которой, по его мнению, он рождён. Атмосфера жизни на час, погони за счастливым мгновением, которое сделает тебя богатым.

Казино на две недели стало его вторым домом. В надежде ухватить «птицу счастья» за хвост он приходил туда каждый вечер и уходил под утро.

Случайно обломившиеся незначительные суммы жгли ему ладони, и он тут же покупал на них новые фишки — мысль в одночасье разбогатеть превратилась в идею фикс.

Тщетно. Ему чертовски не везло, он проигрался в пух и прах, а между тем новая пассия, Сэлли, становилась всё более привередливой и требовательной — за каждое свидание, начинавшееся в каком-нибудь экзотическом бунгало и заканчивавшееся у неё на вилле, она требовала всё более дорогие подарки.

Чтобы рассчитаться с владельцем казино, а заодно не потерять любовницу, к которой уже успел привязаться, Полещук залез в кассу резидентуры.

Положение стало отчаянным, когда одолженную воровским способом крупную сумму вернуть полностью не удалось даже после продажи дипломату из ФРГ великолепной кинокамеры и фотоаппарата «Зенит».

Обанкротившийся донжуан отдавал себе отчёт, что если он не найдёт выхода из положения, ему придётся ответить по всем пунктам, а не только за растрату денег, предназначавшихся на оперативные расходы…

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОПЕРАЦИЯ «УЗЫ ГИМЕНЕЯ»

Неожиданно на помощь пришла сама любовница. Предложение Сэлли было до гениальности просто: тайно обвенчаться в индуистском храме, а затем, не раскрывая перед окружающими истинного характера отношений, жить с соблюдением строжайшей конспирации под одной крышей и, разумеется, иметь общий семейный бюджет.

Полещуку, авантюристу по натуре, идея пришлась по душе — он надеялся воспользоваться деньгами американки, чтобы погасить задолженность.

Да и вообще, черт возьми, какими изобретательными становятся женщины в своём стремлении заполучить права, хоть и временные, на вожделенного мужчину!

А в том, что Сэлли влюблена в него, Полещук не сомневался ни на минуту. Да и может ли быть по-другому, если американка сама вызвалась стать его женой, даже не поинтересовавшись ни его семейным статусом, ни сроком его дальнейшего пребывания в Непале. Конечно же, она влюблена по уши!

Высокомерный и заносчивый красавец капитан и мысли не допускал, что его, матерого аса разведки, кто-то может загнать в ловушку здесь, в Катманду — в этом Богом забытом уголке мира.

А вместе с тем Сэлли, выступая в роли обольстительной приманки, как раз и выполняла роль «медовой ловушки» для русского разведчика.

Полещук согласился, но с одним условием: венчаться они будут не в Катманду, а в Дели, куда ему предстоит вылететь для встречи с агентом «Шахом», который более двадцати лет работал на КГБ.

«Нет проблем!» — ответила Сэлли и в тот же день приобрела на деньги своего ведомства два авиабилета в Дели…

* * *

Бракосочетание происходило в престижном районе индийской столицы Шанти Никитан. Там, в одном из живописных скверов, для этих церемоний сооружен огромный брезентовый разноцветный шатер, внешне напоминающий цирк шапито.

«Чёрт побери! — завидев храм-шатёр, мысленно воскликнул жених. — Чем-то весь этот спектакль напоминает мне венчания

белогвардейских офицеров в походно-полевых условиях Гражданской войны у нас в России… Ну что ж, придётся и мне называть Сэлли “ППЖ” — походно-полевая жена. Нет, скорее, “ПКЖ” — походно-конспиративная жена!»

В роли священника выступал жрец-индус, который, как пояснила Сэлли, за умеренную взятку согласился узаконить тайный брак инородцев.

Тренированным движением он привязал красивым витым шнуром угол сари, в который была облачена невеста-Грейвс, к белому шарфу, накинутому на плечо жениха-Полещука.

Затем, громко произнося заклинания на санскрите, он семь раз провёл жениха и невесту вокруг жертвенного огня.

В это время какие-то люди, очевидно, подручные жреца, из кромешной темноты шатра бросали в огонь рис и черпаками плескали туда кокосовое масло — жертвоприношения для богов.

В заключение церемонии жрец на чистейшем английском языке объявил конспираторов мужем и женой, вручил каждому из них по конверту и пригласил к столу, на котором были разложены угощения: выпечка, восточные сладости, фрукты, чай и прохладительные напитки.

Полещук взглядом поискал бутылку виски, к которому успел пристраститься в обществе Сэлли, но затем вспомнил, что индусские свадьбы традиционно безалкогольные.

А жаль, новоиспеченному мужу так хотелось опрокинуть стакан-другой настоящего шотландского вискаря в честь венчания — когда-то ещё можно будет почувствовать себя султаном-многоженцем!

В порыве страсти Полещук всем телом прижался к новоиспечённой жене и горячо зашептал ей на ухо:

— Дорогая, а тебе известно, что у индусов существует такое поверье, что смертью мужа боги наказывают жену за её грехи. Поэтому она должна последовать за мужем на погребальный костер. Этот обычай называется сати, что в переводе с санскрита означает «вечная жена»… Неужели ты об этом не знала, моя милая затейница, когда устраивала наше бракосочетание?

— Мой дорогой, я впервые слышу об этом! Ты находишься в Непале меньше, чем я, а вместе с тем тебе, оказывается, известны такие сенсационные подробности индуистских традиций, как же так?!

— Не забывай, дорогая, что я — атташе по культуре, поэтому изучение традиций индуизма входит в круг моихслужебных обязанностей…

Что же касается сожжения жен, то существует два вида сати — «сахамарана» (смерть вдвоем) и «анумарана» (смерть н

одиночку).

В первом случае вдова сжигает себя вместе с трупом супруга, во втором — женщину, предварительно накачав наркотиками, сжигают добрые родственники после кремации усопшего. Если же она попытается выскочить из огня, ТО несчастную оглушают дубинкой… Скажи, ты какой вид сати предпочитаешь?

— После всего услышанного я предпочла бы умеретьраньше тебя… А до этого обязуюсь беречь тебя как зеницуока. Насколько я понимаю, теперь это входит в круг моихсупружеских обязанностей, ведь так, дорогой?

— Это мне подходит! — весело ответил разведчик, польщенный понятливостью своей подруги-жены.

Выйдя из храма, Полещук первым делом открыл конверт.

Мама моя родная, держите меня семеро! — внутри находилось исполненное на английском языке свидетельство о браке, куда были вписаны истинные анкетные данные разведчика — вопиющая наглость жреца!

Полещук ещё раздумывал, что ему предпринять: вернуться в этот брезентовый храм-шапито и демонстративно швырнуть конверт в жертвенный огонь или устроить этому взяточнику-священнику допрос с пристрастием, — как вдруг услышал характерный щелчок замка сумочки, которую Сэлли держала в руках, — там исчез второй экземпляр свидетельства о браке.

Взгляды молодоженов встретились. В глазах американки полыхал огонь триумфа — игра сделана, теперь ты — мой муж!

Двоеженец понял, кем инициировано письменное оформление их тайных супружеских отношений.

«Но зачем она это сделала? — спрашивал себя Полещук. — Неужели эта великовозрастная дурёха надеется таким способом навсегда привязать меня к себе?! Если это так, то она — святая простота! А если… Нет-нет, без всяких “а если”! Ясно как божий день: девочка влюбилась в меня по уши и начала чудить… Ладно, сейчас мы всё разложим по полочкам!»

Заорав во всю глотку: «Такси!!» — Полещук так резко схватил Сэлли за руку, что та от неожиданности вскрикнула:

— О нет, Леон!

«Ничего, девочка! — подумал разведчик, волоча женщину к проезжей части дороги. — Сейчас ты у меня быстро усвоишь разницу между мною и этими безобидными поберушками в лохмотьях, которые нас окружают… Я тебе не индус, не сын оборванца Махатмы Ганди, я — советский разведчик! Сейчас мы тебя быстро расколем, кто тебя надоумил на выписку свидетельства о браке, да ещё и в двух экземплярах!»

Расколоть Грейвс не удалось даже после второй бутылки

виски. Сам же брачный аферист напился так, что, проснувшись поутру в роскошном номере делийского «Хилтона», долго не мог сообразить, где находится и что это за женщина, которая обнаженной лежит рядом…

В голове с грохотом перекатывались бильярдные шары похмелья, настроение встречаться с «Шахом» пропало напрочь, и Полещук не нашел ничего лучшего, как отказаться от намеченной явки и продолжить возлияния по случаю бракосочетания в каком-нибудь приличном кабаке.

Тем более что Сэлли выразила готовность оплатить все прихоти своего новоиспеченного мужа:

— Ты такой забавный, Леон, когда выпьешь! Ты произносишь удивительные слова. Комплименты, которых мне никогда и ни от кого не доводилось слышать… Вообще, я заметила, что все славяне отличаются утонченностью, даже самые несчастные среди них — незаурядны…

Полещук хотел было спросить, где и когда Сэлли успела пообщаться со славянами, чтобы так глубоко познать их психологию, но в постпохмельном бессилии не в силах был пошевелить языком…

В последующем, начиная со дня делийского бракосочетания, все расходы по закупке спиртного возьмет на себя Грейвс. Вернее, ведомство, к которому она принадлежала. И ведь было из-за чего!

В доставляемые Сэлли напитки спецы из ЦРУ регулярно подмешивали «сыворотку истины», которая притупляет мозговые центры, отвечающие за самоконтроль, «разжижает» волю, вынуждая испытуемого к непроизвольным высказываниям. Разведчице оставалось только направлять их в нужное русло уточняющими вопросами, а американским «слухачам» — записывать разглагольствования захмелевшего Полещука.

Таким образом, Беллингхэм вскоре узнал очень много нового о советской резидентуре, её составе и о взаимоотношениях между советскими разведчиками, действовавшими в Непале.

* * *

Перед отлётом из Дели разведчики заехали каждый в своё посольство.

Сэлли Грейвс — чтобы доложить об успешно проведенной операции «Узы Гименея».

Полещук — чтобы составить телеграмму, в которой сообщил о несостоявшейся явке, обвинив во всём «Шаха».

К известию в московском Центре отнесутся с пониманием,

потому что необязательность агентов из числа индусов была общеизвестна. Удивительные люди! Полное отсутствие дисциплины и чувства ответственности перед секретными работодателями у индусов сочетается с внешне ярко выраженным стремлением помочь своему оператору, оказать услугу, сделать приятное и ни в коем случае не отказать в чем бы то ни было…

Перенос явки с «Шахом» устраивал Полещука и по другой причине: чаще ездишь — больше командировочных. А деньги разведчику были нужны позарез!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В КАЗИНО

Совместное проживание и общий бюджет денег Полещуку не прибавили — Грейвс оказалась на удивление прагматичной и экономной хозяйкой: ни одной рупии нельзя было потратить без её разрешения.

К чести американки, необходимо отметить, что она блестяще справилась со своей ролью обольстительницы и сумела не только сохранить втайне от «суженого» свою принадлежность к ЦРУ, но и влюбить его в себя. А тот, влюблённый и самонадеянный, так ничего и не заподозрил…

Закончился медовый месяц, и Полещук понял, что притворный брак его финансовых проблем не устранит. И тогда он вновь вернулся к идее сорвать банк в казино, хотя прекрасно помнил, что это заведение однажды уже превратило его в банкрота. Успокоил себя тем, что две бомбы в одну и ту же воронку не ложатся.

Кроме того, в этот раз он намерен был действовать не очертя голову, но по-чекистски основательно, детально проработав все возможные варианты, и, самое главное, разузнав как можно больше подробностей о своих потенциальных партнёрах по карточному столу — играть в рулетку он себе запретил, чтобы не испытывать более судьбу.

С помощью оперативных источников, находящихся у него на связи, Полещук сначала провёл предварительную рекогносцировку на поле предстоящих сражений. Выяснил, что в казино для игры в очко и баккара регулярно собирается компания, в которую входят «братья по идеологии»: первый секретарь посольства ПНР Войцех Каменский, комендант посольства ЧССР Любомир Гржинек и консул из ГДР Курт Фогель.

Такого подарка от судьбы Полещук давно не получал! Очко и баккара — забавы, которым он ночи напролет предавался во время обучения в спецшколе и в коих достаточно поднаторел.

Он виртуозно «заряжал» колоду, умел передёрнуть карты, не понаслышке знал многие «мульки» — ухищрения, — то есть владел всем арсеналом средств, к которым прибегают карточные шулера, чтобы «глушить лохов» — выигрывать.

Всё вместе взятое внушало уверенность, что на этот раз успех ему обеспечен, и он обязательно сорвёт куш.

Консул в компании слыл везунчиком, Богом помазанным, удачей помеченным. Там, где другие выбивались из сил, чтобы

выиграть толику, ему валом валило.

Чех и поляк игроками были никудышными, поэтому никогда особо не рисковали, метали по-нищенски малыми суммами, рассчитывая не на своё умение, а на удачу.

Кроме восточных демократов в компанию игроков входил ещё один фигурант, чьё хроническое невезение в картах выглядело особо соблазнительно для Полещука. Именно на него он делал ставку, рассчитывая поправить свои финансовые дела.

Врач из Австрии Бруно Гольдман вносил диссонанс в социалистическое картёжное сообщество. В отличие от своих партнёров иноверец имел одно существенное преимущество — он имел деньги. Располагая практически неограниченными суммами, он никогда не покидал стола, даже если ему не шла карта.

Случалось, что он продувался до последнего цента (играли только на доллары — местная валюта среди игроков не котировалась), и, по идее, должен был бы прекратить игру ввиду утраченной кредитоспособности, но какое там! Каждый раз, исчерпав ресурс своего бумажника, Гольдман выпрыгивал из кресла и с традиционным возгласом: «Айн момент!» — покидал соратников, чтобы через пятнадцать минут вернуться вновь с деньгами.

Однако главными отличительными чертами доктора являлись его порядочность и обязательность. Хотя Гольдман зачастую и расставался с крупными суммами, он никогда никому не оставался должен. А это и есть первая заповедь, принцип и основа взаимоотношений товарищей по ломберному столу. Карточный долг есть карточный долг. Не отдать его — святотатство, а потребовать его вправе даже последний забулдыга, оборванец с окраины Катманду, что уж говорить о достопочтенных джентльменах — сотрудниках дипломатических миссий, пусть и социалистических стран!

Как стало известно Полещуку, австриец не всегда проигрывал. Иногда ему шла такая «пруха» — так везло, — что всякий раз остальные игроки считали лучшим для себя выходом из положения сказаться больными, сослаться на ответственное утреннее совещание, лишь бы побыстрее завершить турнир.

Но всё-таки чаще Гольдман оставался в проигрыше, а выигрывал у него, как правило, консул.

Однако, судя по всему, этот факт Гольдмана не очень беспокоил. Что свидетельствовало о том, что ему важен сам процесс, а не итог карточной баталии.

При любом исходе игры он с неизменной улыбкой отдавал или забирал деньги и непременно заказывал для всех по рюмке

сухого «мартини».

Никого из партеров не интересовало, где доктор берёт деньги, хотя они и подозревали, что их происхождение не совсем безупречно, а может быть, и незаконно.

По одной из версий, о которых русскому разведчику доложила агентура из числа местных жителей, Гольдман подпольно абортировал состоятельных аборигенок. По другой — кроме отправления основной профессии он скупал крупные партии опийного мака и переправлял его в европейские лаборатории для переработки в героин.

Об этих версиях партнёры Гольдмана знали, но никто из них не пытался ни подтвердить, ни опровергнуть их. Да и какая им польза от этих подозрений, если у каждого из них были свои «тараканы в голове» и свой «скелет в шкафу»?

Гржинек приторговывал чешским хрусталём, в основном люстрами, которые у местной знати пользовались огромным успехом.

Каменский делал бизнес на дешёвых польских лекарствах и янтаре, который под видом «осколков Луны» шёл нарасхват.

Как ни странно, лишь консул ничем не торговал. Впрочем, ничем, кроме въездных виз в ГДР, у него и возможности-то торговать не было. Но кому они здесь, в Непале, да и вообще в мире, нужны? Непальцев, желающих взглянуть вблизи на «витрину социализма», Полещук что-то не встречал. Поэтому наличие свободных денег у гэдээровского дипломата капитан объяснил просто: Фогель — платный агент Министерства государственной безопасности (МГБ) Германской Демократической Республики.

«Раз у консула водятся деньжата, которых хватает на картёжные забавы, — рассуждал Полещук, — значит, он подключен к какой-то оперативной разработке. Иначе на какие шиши играл бы Фогель, ведь у всех гэдээровских дипломатов нищенская зарплата!

Не исключено, что объектом заинтересованности МГБ, по которому работает Фогель, как раз и является Гольдман. Таким образом, если моему шефу, полковнику Тимофееву, станет известно о моих визитах в казино, я своё присутствие смогу оправдать необходимостью “пощупать за вымя” доктора, чтобы оценить, может ли он представлять для нас оперативный интерес…

Но пока информация о том, что я посещаю казино, дойдёт до резидента, я уже успею “высадить” и Гольдмана, и консула из денег.

Выворачивать карманы братьям-демократам я не намерен, и

не потому, что испытываю к ним чувство идеологической солидарности, отнюдь! Просто с них много не получишь, так как играют они на те деньги, которые эпизодически им случается урвать…

Кстати, есть ещё одна причина, почему можно чувствовать себя спокойно в компании братьев по идеологии: они никому не проболтаются, что к игре подключился советский дипломат. Ведь для каждого из них это означает саморазоблачение, ибо откуда ты знаешь, что атташе по культуре посольства СССР посещает казино, если сам там не бываешь? Так что болтовня для них чревата досрочным откомандированием из Непала, — им же категорически запрещено посещать злачные места…

Этот расклад меня вполне устраивает, — подвёл итог Полещук. — В общем, смелее в бой, тореадор!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПОДСЛУШАННАЯ ИСПОВЕДЬ

Консул первый заметил Полещука, когда тот перешагнул порог кабинета для игры в карты и, как ему показалось, даже заговорщицки подмигнул.

«Очень даже может быть, что он меня узнал, — решил про себя разведчик, — мы же неоднократно встречались на дипломатических приёмах, хотя представлены друг другу не были. Что ж, это знакомство не повредит — если карта не пойдёт, будет у кого перехватить сотню-другую…»

Все встали.

Полещук, чтобы упредить возможный угодливый жест Фогеля, поспешил представиться сам. Таким образом, разведчик дал знать консулу, что их знакомство должно остаться тайной для остальных партнеров.

Чех и поляк, узнав, что вновь прибывший — советский дипломат, то есть «старший брат», от которого можно ожидать подвоха, поостереглись оглашать свои должности, назвав только свои имена.

По окончании церемонии рукопожатий и дежурных улыбок русскому дипломату предложили занять место за столом и взять карту. Предложение прозвучало сигналом, что он принят в компанию сразу и без предварительных условий, — так наркоманы со стажем охотно делятся с новичком своей дозой зелья, чтобы покрепче пристегнуть его к своей колеснице… Однако сегодня Полещук не собирался бросаться в воду, не зная броду, — он намерен был реализовать заготовленный план пункт за пунктом.

— Господа, — обратился капитан к собравшимся так, будто и не ведал, что перед ним почти сплошь «товарищи», а не господа, — я просто хотел понаблюдать за игрой… С вашего позволения, конечно!

— Аппетит приходит во время еды, господин атташе, — произнёс Гольдман, — боюсь, что у вас он может появиться именно в тот момент, когда яства на столе закончатся…

— Что ж, в таком случае я не премину явиться к следующей обедне, — парировал Полещук.

Собравшиеся ответили на реплику дежурными улыбками. Полещук, чтобы ускорить процесс сближения, придвинулся к столу и стал наблюдать за игрой, исподволь присматриваясь к игрокам.

Начал с консула, который своими барскими манерами и обстоятельностью значительно отличался от своих компаньонов.

Консул, высокий, худощавый пятидесятилетний мужчина, с благородными чертами лица, с рыжеватой, уже седеющей шевелюрой и подстриженными на английский манер усиками, в своём строгом темно-коричневом костюме напоминал Полещуку университетского профессора, экзаменующего нерадивых студентов. Впечатление дополнял взгляд Фогеля. О, это был взгляд человековеда и… актёра одновременно! В его серо-зелёных глазах поочередно сменялась целая гамма эмоций: цепкие и хищные, они в одно мгновение могли стать ироничными и даже обволакивающе нежными. Странно, но при этом выражение лица оставалось неизменно бесстрастным.

Гржинек был полной противоположностью консула.

«Рожа никудышняя, ни носа, ни глаз, — отметил про себя Полещук, — никакого выражения — петля от наволочки, да и только. С такой внешностью тебе бы, пан Мирослав, не дипломатом — сыщиком в “наружке” служить: пройдёшь рядом — никто и не заметит…»

Первый секретарь польского посольства Каменский производил отталкивающее впечатление: непропорционально большая голова с огромными залысинами раскачивалась на длинной шее, прикреплённой к щуплому, по-детски хрупкому телу с короткими кривыми ножками. Его надутые пухлые губки демонстрировали преждевременную обиду на окружающий мир.

«Ницше, вылитый Ницше! Горба на спине ему не хватает и… ума! А в остальном… Да и закомплексованность та же. Вообще, давно замечено: чем меньше человек, тем больше его комплексы», — сделал заключение Полещук, понаблюдав за поляком.

Однако самой колоритной фигурой в компании был Гольдман.

Атлетического сложения при росте 180–185 см, тридцати лет от роду, он был воплощением красивого молодого арийца, прообразом «белокурой бестии».

Полещук вдруг представил Гольдмана в форме офицера СС, позирующим фотографу на фоне виселицы, где раскачиваются окоченевшие трупы партизан.

Ещё через секунду разведчику пришло в голову, что доктор одинаково впечатляюще смотрелся бы и во фраке за дирижерским пультом.

«Удивительно многогранная внешность! — подумал Полещук. — Доктор с одинаковым успехом может сойти и за преуспевающего бизнесмена, и звезду киноэкрана, и молодого

посла какой-нибудь европейской державы…

Да, пожалуй, Гольдман своей внешностью, манерами, лоском более других присутствующих соответствует образу дипломата… Нет, скорее английского аристократа эпохи Оскара Уайльда… А эта его мальчишеская чувственность с намеком на бисексуальность! Она наверняка сводит с ума и женщин бальзаковского возраста, и нимфеток, и мужчин нетрадиционной сексуальной ориентации… Интересно, кому из них большое предпочтение отдаёт доктор? Ладно, события покажут!»

Посидев ещё минут десять и отразив несколько пикировок доктора, чем навлёк на себя очевидную неприязнь консула, Полещук решил, что настал момент приступить к реализации второго пункта плана: пора вводить в действие «секретное оружие».

За глаза люди о тебе высказываются куда как свободнее и искреннее, нежели в твоём присутствии. Надо было немедленно «снять информацию» — выяснить реакцию компании на своё неожиданное появление, чтобы знать, как вести себя в дальнейшем.

С этой целью перед визитом в казино Полещук оснастил свой портфель микрофонами, магнитофоном и ретрансляционными приборами. Второй блок шпионской аппаратуры, работавшей на приём, он рассовал по карманам пиджака.

Выразительно посмотрев на часы, разведчик поднялся.

— Прошу прощения, господа, мне срочно надо позвонить в посольство… Телефон, если не ошибаюсь, находится в холле, не так ли?

Интернациональная бригада картёжников в один голос ответила по-английски: «Да!»

Лишь консул, делая вид, что всецело поглощён игрой, ещё больше нахмурил брови и сосредоточенно смотрел в свои карты.

Поведение Фогеля не осталось не замеченным.

«Да ты, старина, никак приревновал меня к доктору! — догадался Полещук. — успокойся, партайгеноссе. Вот вернусь, и ты свою порцию внимания получишь сполна… Сегодня я вас — тебя и доктора — постоянно буду держать под прицелом, вы оба — мои клиенты в предстоящей игре!»

Поставив портфель на стул, чтобы случайный гость не занял его место, Полещук быстро покинул кабинет, ставший теперь студией звукозаписи и вещания.

Двигаясь в сторону туалетной комнаты, которая на ближайшие 10–15 минут должна была стать его базой по аккумулированию информации, Полещук на ходу оголил антенну, спрятанную в нагрудном кармане пиджака, а в ухо

вставил миниатюрную капсулу, заменявшую громоздкий наушник.

«Эх, судьба разведчика! — заулыбался от неожиданно пришедшей мысли Полещук. — Даже отхожее место в случае необходимости надо уметь превратить в исповедальню… И откуда только ни приходится черпать информацию!

Ну, давайте, хлопцы-дипломаты, начинайте исповедоваться, выкладывайте всё, что у вас на душе, — я, как духовник, готов принять все ваши сокровенные тайны! А грехи я буду отпускать вам за ломберным столом соразмерно вашей искренности…»

Закрыв дверь кабинки на щеколду, Полещук поудобнее уселся на унитазе и стал вслушиваться в реплики, которыми обменивались игроки.

После его ухода они должны были почувствовать себя в безопасности и, по расчётам капитана, хоть чуть-чуть, но пооткровенничать — остались-то все свои.

Ждать пришлось недолго. Уже через минуту перестала звучать картёжная терминология, прекратилось и шуршание карт. Судя по всему, компаньоны приостановили игру, чтобы обсудить более важное событие: появление незваного гостя.

— Этот русский, он же — черт из катапульты! — вскричал поляк. — Нигде от них спасу нет!..

— А что, собственно, произошло, пан Войцех? — Полещук узнал голос консула. — Вам-то чем русские насолили? Через год вы в обнимку с ними будете праздновать тридцатилетие победы над Германией… Что-то я не совсем вас понимаю…

— Да ведь все русские, как один, работают на КГБ… Вы разве не знаете этого, герр Фогель? Он наверняка подослан сюда! — настаивал поляк. — Он же нас всех «заложит», этот Леон! И тогда прости-прощай, Гималаи и Непал… А у меня ещё столько янтаря на подходе…

— Ну и что вы предлагаете, паи Каменский? Уж не хотите ли вы, чтобы я на правах главного разводящего в игре выпроводил его отсюда? — парировал консул.

— Нет-нет, герр Фогель, ни в коем случае… Я просто хотел узнать мнение присутствующих, не более… Нам надо выработать какую-то общую стратегию поведения в отношении русского…

Предложение чешского дипломата звучало более радикально:

— Слушайте, господа, а что если мы его подкупим, а?!

— Вы предлагаете дать ему взятку, так, что ли, надо вас понимать, пан Любомир?! Да он швырнёт вам в лицо ваши деньги! — запротестовал Каменский.

— Пан Войцех, вы, как всегда, бежите впереди лошади… Подкупить, дать взятку можно по-разному… Можно это сделать

так, как предлагаете вы…

— Я?! Я до такого абсурда ещё не дошёл! Вы за кого меня принимаете, пан Любомир?! Я, видите ли, предложил дать русскому взятку! Вы, именно вы, предложили это сделать, а не я!! — возмущению поляка не было предела.

— Совершенно верно, пан Войцех, именно я предложилподкупить русского, но подкуп осуществить не в лоб, а исподволь… — нисколько не смутившись натиска Каменского, спокойно произнёс чех. — Скажем, проиграть ему энную сумму, а? После этого у него пропадёт всякое желание докладывать в КГБ о том, зачем мы здесь собираемся… Ну, каково?

— Ну что ж, это неплохая идея, — откликнулся консул. — Можно считать, что у нас уже наметился запасной вариант нейтрализации русского. Только вот в чём загвоздка, господа. Мы ведь ни разу не видели его в деле. А что если он из разряда «везунчиков», что если ему карта валом валит, или, того хуже, он — шулер, а? В таком случае мы с вашим «подкупом исподволь», пан Гржинек, не то что в луже — в заднице окажемся! Молчите? То-то же! Надо сначала дать ему сыграть, предоставить возможность проявить себя, а потом уже хвататься за головы или… за бумажники!..

Вы-то почему молчите, герр Гольдман, будто вы не из нашей команды? Я, конечно, понимаю — вам не грозит проработка на партийном бюро и досрочная высылка на родину за посещение казино, поэтому вам не понять наших опасений, но вы же наш партнер! Неужели вам безразлично, что наша компания распадётся?

— Я не разделяю ваших опасений, господа, потому и молчу… Раньше я считал, что незнание внушает оптимизм. Слушая вас, я пришёл к другому заключению: ваше незнание внушает вам пессимизм и опасения… Вам, но не мне! Потому что я знаю о русском чуть более вашего! И уж никак не могу согласиться с господином Каменским, что Леон к нам подослан…

— Но откуда такая уверенность?! — вскричал поляк и, уже взяв себя в руки, спокойно добавил:

— Вы, герр Гольдман, что-то не договариваете… Уж будьте так добры, просветите нас, чтобы мы не громоздили тут нелепицы на небылицы… Поделитесь вашими знаниями о русском, вашей осведомленностью… Ну, невежды мы, что поделаешь!

— Вы преувеличиваете не только опасность, исходящую от русского дипломата, господин Каменский, но и мою осведомлённость… Я не ошибся, сказав, что знаю о нем чуть более вашего… Но это «чуть-чуть» позволяет мне не согласиться с вашим видением русского атташе и с вашими выводами в его

отношении… Одна случайная встреча подсказала мне, что наш новый знакомый — азартный и весьма увлекающийся мужчина… Полагаю, что он пришел сюда в поисках острых ощущений, а не для того, чтобы выследить, а затем «сдать» вас, пан Каменский, вашим партайгеноссе из парткома! Думаю, ваши опасения безосновательны…

— Да что вы всё ходите вокруг да около, герр Гольдман! — не выдержал поляк. — Говорите же наконец по существу, не дети ведь перед вами! Вы будто молитву перед обедом читаете, или проповедь на паперти… Извините, доктор, нервы…

— Может быть, господин Каменский, вы и правы — я несколько затянул вступление… Так вот, теперь по существу. Только должен вас предупредить, сначала мне придется говорить не о русском, а о других, более известных вам персонажах. Так что не торопите меня!..

Вы, конечно, помните громкий скандал в итальянском посольстве, когда в прошлом году повесился их молодой вице-консул… К сожалению, забыл его имя…

— Альдо… Альдо Бевилаква, — подсказал всезнайка Фогель.

— Вот-вот — Альдо! — обрадованно произнес австриец и тут же, поняв свою оплошность, с трагической ноткой в голосе добавил:

— Я тогда был приглашен в итальянское посольство, чтобы составить заключение о смерти… Вы же знаете, что до введения в эксплуатацию американского культурного центра я был единственным врачом-иностранцем в Катманду. Приходилось выступать в разных ипостасях: я был и оперирующим гинекологом, и терапевтом, и даже психиатром… Всё это позволило мне проникнуть в такие тайны проживающих здесь европейцев и американцев, что не снились ни непальской полиции, ни местной службе безопасности. Пациенты раскрывали мне такие секреты, которыми не всякий приговорённый к смерти преступник поделится с причащающим его священником.

Словом, о тех людях, живых или мёртвых, к которым меня затребовали, я узнавал всё. При этом никогда инициатива не исходила от меня, то есть я нисколько не стремился что-то выведать, отнюдь. Если я и задавал вопросы, то лишь с одной целью — чтобы правильно поставить диагноз, не более…

Австриец умолк, налил себе «кока-колы» и стал не торопясь, мелкими глотками, пить. Дипломаты, заинтригованные его рассказом, неотрывно следили за каждым его движением.

* * *

«Черт возьми, теперь ясно, почему гэдээровский консул так обхаживает доктора! — услышав последние слова Гольдмана, Полищук заёрзал на унитазе. — Если я правильно оценил Фогеля, и он действительно агент МГБ, то он должен участвовать в вербовочной разработке австрийца…

Стоп! А может, он, как и я, “сидит под корягой” — работает под дипломатическим прикрытием, а в действительности — восточногерманский разведчик? Но почему же мне об этом не сообщил мой “резак”, полковник Тимофеев? Впрочем, какая разница, в какой ипостаси — агента или кадрового разведчика — выступает Фогель! Дело не в нём. Главное — это доктор, который представляет безусловный интерес для любой спецслужбы. Он — находка, вездеход, имеющий в силу своей профессии возможность проникать туда, куда простому смертному не попасть и за огромные деньги! Молодцы ребята из МГБ, поставили на призовую лошадку, со временем она вас озолотит… Но и я — не промах — догадался-таки, что за птаха этот Фогель!..»

Вдруг Полещука осенило. От волнения он даже привстал со стульчака.

«Стоп, Лёня, стоп! Ты полагаешь, что этого неотразимого Бруно Гольдмана консул изучает в плане вербовки?! Окстись, Лёня, ты — просто наивняк! — выругал себя Полещук за ранее выдвинутые и, как теперь ему казалось, опрометчивые предположения. — Вспомни, как консул буквально прожигал тебя взглядом, будто лазером, во время твоих пикировок с Гольдманом. А как он заёрзал на стуле, когда ты пару раз похлопал доктора по плечу!..

Фогель влюблён в доктора, он ревнует тебя к австрийцу и даже не пытается этого скрыть! Стоп! А, может, у этих арийцев любовный роман? Что ж, вполне может быть, что эти двое страдают “болезнью английских аристократов”… Во всяком случае, поведение консула — красноречивое тому свидетельство… Всё, с завтрашнего дня вплотную занимаюсь этими двумя персонажами!

Значит так, телеграммы-молнии в Центр, а пока придут ответы, надо максимально изучить эту любовную парочку через местную агентуру… Ведь если я на правильном пути, консул с доктором должны где-то встречаться — не в казино же они любовью занимаются!..

Так, кто у меня из агентов имеет подход к гостиницам? Ну да, конечно, недавно завербованный агент “Чанг”, он же полицейский! А что если эти “голуби” предаются любовным утехам на вилле доктора? У консула негде — гэдээровские дипломаты живут, как в общежитии, в одном доме… И в этом

случае мне поможет “Чанг”. Напустит страху на прислугу доктора — они и выложат всё, как на духу. Впрочем, и напускать не нужно — аборигены, они все заодно и против бледнолицых… В общем, агент получит исчерпывающую информацию, ибо ни одно любовное свидание, как его ни шифровать, в каких условиях максимальной конспирации его ни проводить, от челяди никогда не утаить. Следы греха остаются всегда: измятые или испачканные простыни и наволочки, забытый в ванной комнате перстень, чужие волосы в гребне хозяина, да мало ли что ещё, о чем может знать только прислуга! Словом, вперёд и только вперёд, Лёня!

А если консул всё-таки мой коллега, и изучает австрияка в плане вербовки, тогда что? — капитан в раздумье потер лоб. — Идея! Надо опередить Фогеля, закрепив за собой права на Гольдмана… Всегда есть тот, кто старается сильнее!

Короче, кем бы ни являлся консул, даже если у него роман с доктором, мне ничто не мешает завербовать эту “голубую парочку” и заставить работать на себя… К тому же на связи у меня ещё не было эстетствующих арийцев-извращенцев! Н-да, дела… Удалось ли кому-то ещё, кроме меня, обнаружить в Непале, на задворках мировой цивилизации, такую коллекцию явных и тайных сотрудников спецслужб, да ещё и “голубой” окраски? Нет, конечно. А мне вот удалось!

Стоп! А что это там доктор говорил о моей с ним случайной встрече? Уж не путаете ли вы, герр Гольдман, меня с кем-то? Ладно, дослушаем выступление доктора до конца, а там видно будет…»

* * *

— Когда я прибыл, чтобы освидетельствовать труп и составить заключение о смерти, — продолжил свой рассказ доктор, — я уже знал наверняка, что мне предстоит иметь дело с так называемым диалогическим видом самоубийства, это когда в конфликт потенциального самоубийцы включено ещё какое-либо лицо, которое, как правило, и является причиной психологического кризиса, корнем зла. В таких случаях уход из жизни совершается потерпевшим из желания вызвать к себе сочувствие или собственной смертью наказать обидчика. До конца доводится лишь небольшое количество таких самоубийств, и то чаще всего по несчастливому стечению обстоятельств: собирался припугнуть, но допустил либо передозировку, либо поспешность…

Как это, кстати, и произошло с беднягой Альдо… Он накинул себе петлю на шею и повесился в столовой своей виллы в тот самый момент, когда там обычно появлялся мажордом, чтобы накрыть на стол. Мажордом замешкался в винном подвале и, когда вошёл в столовую, было уже поздно…

О том, что я столкнулся именно с такой шантажно-демонстративной попыткой самоубийства, свидетельствовала и составленная покойным предсмертная записка, в которой он просил прощения за свой поступок, у кого бы вы думали? Нет, не у Господа Бога и не у своих родителей… Он просил прощения у своей возлюбленной!

— Но при чем здесь итальянец и его возлюбленная, если мы собираемся выстроить линию обороны против русского! — перебил Гольдмана поляк.

— Послушайте, пан Каменский! — не выдержал консул. — Вы или молча выслушайте до конца доктора, или сходите проветриться, пока мы здесь без вас примем решение! — перейдя с английского на немецкий, Фогель витиевато выругался и попросил доктора продолжить.

— Надо сказать, господа, что для меня самоубийство итальянца не было такой неожиданностью, как для его коллег из посольства… Дело в том, что незадолго до своей смерти Бевилаква обратился ко мне, и я консультировал его в качестве психоаналитика или психотерапевта, — суть не в определении характера консультаций, а в том, что мне удалось выяснить о его взаимоотношениях с любимой женщиной…

— Герр Гольдман, а кто она, как её зовут? — опять не выдержал поляк.

Доктор не успел ответить, потому что Фогель, отбросив дипломатическую этику, заорал, как фельдфебель на плацу. Да так громко, что Полещук выхватил из ушной раковины микрофон с такой поспешностью, будто это была пчела.

— Вы закроете наконец рот, пан Каменский, или мне на правах старшего попросить вас уйти?! Послушайте, а может, вы хотите сорвать нам игру с русским и поэтому всячески мешаете герру Гольдману? Тогда убирайтесь отсюда немедленно, трус!

— Ну что вы, герр консул, как можно так обо мне подумать… Впрочем, извините… Нервы, понимаете ли… С этого момента я нем как рыба! Прошу вас, герр Гольдман, продолжайте… Считайте, что меня здесь нет!

— Итальянец рассказал мне историю своей любви, — пересев другое кресло, подальше от поляка, продолжил австриец, — и вот что выяснилось, господа… Я, с вашего позволения, опущу не относящиеся к самоубийству Альдо подробности его знакомства с

этой роковой женщиной, скажу лишь, что инициатором их отношений был не он — его возлюбленная. Хотя, как мне признался итальянец, он страстно желал этой связи, но сам бы никогда не решился сделать первый шаг…

И дело не только в том, что женщина была ослепительно красива, она вдобавок была много старше Альдо. Он догадывался об этом, но не подозревал, что разница так велика — тринадцать лет. Ему было двадцать пять, ей — тридцать восемь. Роковое число, потому что её дочери тоже было тринадцать… Но об этом он узнал позже, а сначала они сняли виллу и стали жить вместе. Что это была за жизнь, я мог судить по отдельным высказываниям покойного.

Ну, во-первых, он мне заявил, что через три месяца с момента заключения ими гражданского брака он стал забывать местоимение «Я», так как все решения за него принимала возлюбленная. Альдо же в их содружестве — назвать их временный союз семьёй у меня не поворачивается язык — не имел даже совещательного голоса.

Она распоряжалась им, как хотела. Ну, к примеру, она могла разбудить его в три часа ночи, потому что ей захотелось попробовать пиццу или спагетти «а-ля наполетана»…

И что вы думаете? Бедняга становился к плите, чтобы удовлетворить мимолетный каприз возлюбленной.

Когда пицца была готова, она заявляла, что хочет мороженого…

В четыре часа утра, доставив мороженое из ночного ресторана, несчастный Ромео узнавал, что его краля хочет ананас…

И так повторялось по три раза на неделе!

Случались вещи и посерьезнее. Бевилакву собирались перевести на работу в итальянское посольство в Вашингтоне — возлюбленная категорически отвергла это предложение. С её слов, это помешало бы её служебному росту. И где?! Здесь, в Катманду!

И это при том, господа, что обычно у женщин на первом месте — чувства, а не работа. Кроме того, женщины, как правило, очень серьёзно воспринимают партнёра, но не очень серьёзно — себя. В случае же с Бевилаквой всё было наоборот…

Некоторое время спустя итальянец из оставленного на прикроватной тумбочке письма узнал истинную причину, из-за которой женщина отказалась ехать в Штаты. В Вашингтоне проживали её родители, у которых на иждивении как раз и находилась её дочь. Тогда же несчастный узнал и возраст своей возлюбленной…

И вы знаете, как она отреагировала на эти его открытия? Просто съездила в Женеву и во всемирно известной клинике сделала косметическую операцию по омоложению кожи лица, разумеется, на деньги суженого…

Я недавно встретил её в культурном центре. Поверьте, сейчас она выглядит много моложе, чем два года назад, то есть когда Бевилаква пал жертвой её чар… Сегодня ей и тридцати не дашь, а ведь она уже вплотную подобралась к сорокалетнему рубежу!..

Австриец обвёл притихших компаньонов протяжным взглядом, снова отхлебнул «кока-колы» и ритмично, как метроном, продолжил повествование:

— Во время второго сеанса я спросил итальянца, что в этой женщине такого, что его держит подле неё почти два года? Знаете, что он мне ответил?

«Синьор Гольдман, если бы я был на вашем месте, я бы тоже задал себе подобный вопрос. Но ответить на него толком не могу. Половине своих поступков я не нахожу объяснений. Единственное, в чем я абсолютно уверен: я не могу без неё, но и с нею тоже…

Наша совместная жизнь превратилась в ад сплошных скандалов, бесконечную цепь её придирок ко мне… Я очень устал и не знаю, что делать… Я чувствую себя собакой, которую потерял хозяин. Только вот в чём вопрос: кто хозяин меня самого? Я или она?

Я сейчас в очередной раз пытаюсь оторвать себя от неё: я ушёл, порвал с нею… Но как долго будет продолжаться моё одиночество, я не знаю, я не уверен в самом себе, поэтому, доктор, я и решил прибегнуть к вашей помощи.

Вы знаете, кто такой зомби? Так вот, ей удалось меня зомбировать. Я боюсь, что она позвонит и скажет “приходи”, я всё брошу и пойду. Мне стыдно признаться, что я дважды пытался в её присутствии выброситься из окна, но… И это была не показуха! Я действительно был на грани срыва. Почему был?! Я уже сорвался и продолжаю лететь в пропасть. Помогите мне, синьор Гольдман!»

— Более двух часов я пытался объяснить ему положение, в котором он оказался. Я сказал ему, что она старше, опытнее и сильнее. Когда они сошлись, она остановился в развитии. У него начался затяжной прыжок через его возраст. Прыжок через себя, который ему никак не удавался, потому что был противоестественен. Сама природа тому противилась!

Я пытался убедить его, что в поисках «мира» в доме он напрасно прощает своей возлюбленной все её выходки. Потому что в перспективе постоянная напряженность может привести его

к депрессии.

Ещё в течение часа я безуспешно втолковывал ему, что если его женщина не склонна к компромиссам, то ни о каком равноправии нет и речи.

Я доказывал ему, что она попросту использует его в своих корыстных интересах. Ну хотя бы для удовлетворения своего либидо, своих половых потребностей. Всё оказалось без толку…

У меня были и другие соображения на её счёт, но тогда я не решился посвящать его в них. Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы. Увы, через день его не стало…

Ещё тогда, во время нашей последней встречи, я подумал, ему тяжело не только потому, что он не успел сформироваться как мужчина и поэтому не в силах противостоять её натиску. Дело было не столько в нем, сколько в ней!

Мне она и до сих пор представляется женщиной-вампиром. Этаким комбинированным образчиком энергетического вампира и женщины-тирана…

Думаю, что Бевилаква — не первый молодой мужчина, который попал под пресс её очарования и… садомазохистских наклонностей. Затрудняюсь сказать, все ли мужчины, которых она сумела в разное время в себя влюбить, кончали так, как это случилось с беднягой итальянцем, но то, что он не последний, — в этом я абсолютно уверен!

Она попросту не мыслит своего существования без молодых мужчин, которые, влюбившись в неё до беспамятства, подпитывают её своей энергией. Лишив заложенного в них ресурса жизненных сил, разрушив охранный барьер их психики, она, таким образом, доводит их до самоубийства. А затем принимается за нового. И, заметьте, с формальных позиций закона её не в чем упрекнуть! Всё ведь списывается на неуравновешенный характер её жертвы-любовника, на несчастную любовь, наконец…

Доктор умолк, поочерёдно посмотрел в глаза притихшим от впечатлений компаньонам и тихо произнёс:

— Надеюсь, господа, вы не видите в вашем покорном слуге клятвоотступника, нарушившего завет Гиппократа? Я ведьтолько с вами так откровенен… Никому из аккредитованныхздесь дипломатов, журналистов и прочих лиц я ничего нерассказывал, хотя некоторые и пытались использовать меняв своих целях как источник информации…

— Ну что вы, герр Гольдман, — ответил за всех консул, — мы же прекрасно понимаем, что самоубийство итальянца— дело прошлое, поэтому рассказанные вами подробности его отношений

с некой женщиной-демоном сегодня уже никто не сможет использовать ему во вред…

Что же касается его возлюбленной, то с нею вас клятва Гиппократа никак не связывает… А всё нами услышанное умрёт в этом кабинете, даю вам слово джентльмена!

— Кстати, герр Гольдман, — Фогель вкрадчиво обратился к доктору, — вы сказали, что недавно встретили эту женщину-вамп в культурном центре… Полагаю, что даже если мы не так молоды, как бедняга Альдо, риск угодить в её сети имеется у каждого из нас… Как её зовут?

— Сэлли Грейвс…

В ту же секунду Полещук сорвался с унитаза, выбил закрытую на щеколду дверь и в несколько прыжков очутился на пороге кабинета, где пятнадцатью минутами раньше оставил своих потенциальных партнёров. Партнёров? Нет, не только партнёров — интриганов и заговорщиков!

В следующей тираде, и Полещук был в этом совершенно уверен, Гольдман, идя навстречу пожеланиям компаньонов, должен был связать его имя с Сэлли. Рассказать не только об упомянутой им случайной встрече, но и, что хуже, выложить свои умозаключения. А вот этого допустить разведчик никак не мог!

Войдя в кабинет, Полещук понял, что успел вовремя. Облегчённо вздохнув, он с улыбкой, от которой могли бы растаять снега на Эвересте, произнёс:

— Господа, я не очень долго отсутствовал? Вы знаете, у меня и в самом деле появилось желание присоединиться к игре, если, конечно, вы не возражаете…

Разведчик заметил, как недобро сверкнули за стёклами очков глаза польского дипломата. Встретившись взглядом с Полещуком, он поспешил скрыть лицо за веером карт.

Гольдман и Гржинек оторопело смотрели на русского. Похоже, что теперь и они готовы были согласиться с определением, данным ему паном Каменским: «Чёрт из катапульты». Второй раз за какие-то полчаса он вторгается в кабинет, когда его там меньше всего ожидают. Лишь консул при появлении Полещука многозначительно ухмыльнулся…

ГЛАВА ПЯТАЯ. К БАРЬЕРУ, ШУЛЕР!

Первым пришёл в себя Фогель.

— Похвально, господин атташе! Очевидно, тот, с кем вы вели телефонные переговоры, сумел настроить вас на боевой лад. Браво! Знаете, как порой не хватает в нашей компании свежих идей, какого-то необычного поворота в игре, непривычных ставок, наконец. Думаю, с вашим приходом всё изменится в наших турнирах… Итак, вперёд, к барьеру! — воскликнул Фогель и с присущей ему ловкостью открыл карту, которую сдал ему банковавший на этот раз Гольдман.

Консул выиграл, и доктор достал из бумажника несколько хрустящих банкнот.

Каменский, разогреваемый внутренней злобой на русского, сразу поставил на кон пятьдесят долларов и, удвоив банк, выиграл. Гольдман вновь бросил на стол доллары. Каменский хотел было выйти из игры, но консул, не считая денег, бросил:

— Ва-банк! — и проиграл.

Одним движением он выхватил из кармана сумму проигрыша, швырнул деньги на стол и объявил:

— Ещё раз ва-банк!

Гржинек вышел из игры, Гольдман снова взял банк на себя и сразу бросил карту Полещуку. Разведчик выиграл, затем проиграл, потом снова выиграл, проиграл…

Так продолжалось около двух часов, в течение которых Полещук ни разу не держал банк. Делал он это с умыслом: надо было распалить игроков.

Разведчик собирался довести партнёров до нужной кондиции, а затем, завладев банком, пустить в ход известные ему шулерские приёмы.

«Сегодня вы все уйдёте отсюда в одних трусах, потому что на меньшее я не согласен!» — мысленно приговорил всех сидящих за столом Полещук.

Когда банк перешел к консулу, все почувствовали, что наконец начинается серьёзная игра. Он проиграл, однако, вопреки традиции, туг же заложил новый банк. Опять проиграл и опять стал держать следующий — третий по счёту банк. Никто не возражал, потому что все были в выигрыше, и Полещук больше всех.

Свой первоначальный капитал, триста долларов, одолженные у Сэлли, он спрятал глубже в карман, решив ни в коем случае ими не рисковать. Затем он сам заложил банк, вскоре удвоил его, снял, и в дальнейшем счастье уже не изменяло ему и при других,

часто сменявших друг друга банкомётах.

Сумма в тысячу долларов, которую он должен был вернуть в кассу резидентуры, уже была превышена на пару сотен долларов, когда консул предложил прервать игру и промочить горло чем-нибудь крепче «кока-колы».

— Угощает тот, кто больше всех выиграл! — скомандовал Фогель.

Полещук, полагая, что это традиция клуба, с готовностью нажал кнопку вызова официанта. Восточные демократы и Гольдман от виски отказались, предпочтя ему местное сухое вино.

Полещук, находясь в превосходном расположении духа, распорядился принести каждому по бутылке вина — знай нашихоборванцы с восточной окраины Европы! — себе же заказал бутылку любимого напитка — виски.

— Судя по объему вашего заказа, — вкрадчиво произнес консул, — вы намерены играть до утра, не так ли, господин атташе?

— А почему бы и нет! — воскликнул Полещук.

— Видите ли, господин атташе, независимо от того, как складывается игра, мы играем только до часу ночи и ни минутой дольше… Такова традиция!

Полещук бросил взгляд на часы — без четверти двенадцать.

— Ну, тогда к барьеру, господа, не будем терять времени!

Фогель оценивающе посмотрел на Полещука. Лицо разведчика пылало азартом, глаза сверкали, ноздри подрагивали, как у охотничьей собаки, учуявшей добычу.

«Ну что ж, — принял решение консул, — придётся взять на себя ещё и роль официанта. Ваш стакан, Леон, или как там вас зовут, ни секунды не будет пуст… Да и вообще, пора вводить в действие наше с доктором секретное оружие!»

Остальные присутствующие также обратили внимание, как громко, даже развязно, прозвучало приглашение русского к игре. Да и вообще, в начале знакомства этот Леон вёл себя более сдержанно. Неужели на него так подействовал выигрыш? Нет, скорее всего, ему в голову ударил алкоголь!

Игроки вновь расселись по своим местам, бледный свет мирно струился из-под зелёного абажура, ничто не предвещало бури, а между тем она по воле консула уже нависла над карточным столом…

* * *

Полещук после выпитых двух стаканов виски основательно захмелел и пошёл напролом. При первой же раздаче поставил бóльшую купюру, чем собирался, но выиграл. Эта счастливая ошибка внушила ему уверенность, что судьба ведёт его за руку, и он удвоил ставку. И проиграл. Проиграл и в следующий раз, потом ещё и ещё…

Настал момент, когда выигранной ранее тысяче долларов стала угрожать серьёзная опасность.

Наконец, когда банк перешёл к Полещуку, он, применив все свои шулерские навыки, сумел восстановить статус-кво, более того, довёл свой выигрыш до четырёх тысяч долларов! Сразу вслед за этим он хотел заказать себе ещё одну бутылку виски, но в последний момент передумал…

Каменский и Гржинек вышли из игры, но с неослабевающим азартом следили за схваткой доктора, консула и русского атташе.

— Господа, уже без четверти час, — сказал Каменский.

— Это последний банк, — робко предложил доктор, который понял, что не успеет съездить домой за деньгами в случае проигрыша.

— Нет, заложим ещё — каждый по одному! — заплетающимся языком предложил Полещук.

Консул в знак согласия кивнул головой и тут же объявил такой банк, какого в этой компании еще не метали, — две тысячи долларов! Каменский и Гржинек, разом охнув, демонстративно отодвинулись от стола.

— Я пас, — едва выдавил из себя доктор.

— Ва-банк! — заорал Полещук и тут же испугался своих слов и даже своего голоса. Консул открыл девятку, и бумажник разведчика полегчал на тысячу долларов.

— Опять ва-банк! — гаркнул разведчик.

Снова проигрыш. Опрокинув в себя стакан виски, Полищук закурил сигарету, откашлялся и едва выдавил из себя:

— Ещё раз ва-банк…

Консул молча открыл свою карту. Девятка? Никто не назвал её, и всё-таки присутствующие поняли, что карта была именно этого номинала.

Полещук почувствовал лёгкое головокружение, выхватил из кармана платок, вытер взмокший лоб и обвёл партнеров взглядом. Гольдман не сводил с него гипнотизирующего взгляда.

«Странно, — мелькнула мысль в затуманенном мозгу разведчика, — что это доктор на меня так уставился? Он не сводит с меня глаз с тех пор, как я впервые стал банкомётом… Да и вообще, как, черт возьми, быстро всё произошло! Минутой назад я был обладателем трёх тысяч долларов, и вдруг! Ну,

ничего, тысяча ещё есть, значит, есть надежда…»

Полещук вынул из бумажника пять купюр.

— Пятьсот? — бесстрастно спросил консул. Разведчик кивнул и открыл брошенную ему карту. Восьмерка. Консул прикупил. Девятка.

Половина остававшейся у Полещука суммы была проиграна. Он покачал головой, словно не хотел с этим соглашаться. И поставил последние 500 долларов.

Через секунду ушли и они.

«Черт подери, ну до чего же не везёт! — мысленно выругался разведчик. — За десять минут проиграть четыре тысячи долларов, мыслимое ли дело?! Да расскажи я об этом кому-нибудь из сослуживцев, они назовут меня дешёвым болтуном… Да и, действительно, не сказка ли всё происходящее?! Нет, скорее театр абсурда с участием двух актеров в главной роли!»

— Господин атташе? — раздался голос консула.

Полещуку показалось, что он прозвучал в соседней комнате — в висках молотом стучала кровь, а уши — будто заложены ватой. К тому же ещё больше стала кружиться голова.

«Неужели на меня так подействовало спиртное? — не переставал удивляться своему поведению разведчик. — Но я ведь и бутылки ещё не осилил! Нет, явно что-то не так: говорю не то, что хочу, делаю не то, что собирался… Прямо наваждение какое-то!»

В знак протеста — «наши просто так не сдаются!» — Полещук помахал рукой перед носом Фогеля и вынул оставшиеся триста долларов. Поставил 50. Выиграл. Снова поставил и опять выиграл.

Фортуна подмигивала ему одним глазом — решайся! Громко рассмеявшись, Полещук взял стакан виски, за секунду до этого услужливо наполненный консулом, и не спеша выпил. С трудом удерживая своё тело в вертикальном положении, обратился к доктору, который по-прежнему не сводил с него глаз:

— Не будете ли так любезны, господин Голь… Голь… господин доктор, одолжить мне тысячу долларов… Вы же видели: сегодня мой день, я выигрываю!

— Мне бесконечно жаль, господин атташе, но я проиграл всё…

Вслед за этим консул, не пересчитывая, небрежно подкинул Полещуку несколько купюр.

— Прошу вас, господин атташе! Здесь ровно тысяча. Возьмёте карту?

— Почему бы и нет! — рассмеялся Полещук.

— Сколько ставите, господин атташе?

— Всё!

Разведчик взял карту, Фогель со своей преувеличенноймедлительностью — тоже.

Семёрка. Нет, он не собирается прикупать. Впрочем, консул, даже не спросив его, открыл свою. Восьмерка. Проклятье!

Фогель безмолвно подвинул разведчику стопку банкнот.

— Здесь две тысячи… Прошу вас, господин атташе, возьмите…

«В благородство играешь, сука, ну-ну… Сейчас посмотрим, чья возьмёт!» — подумал Полещук и тут же объявил:

— Две тысячи, господин консул!

— Две тысячи?

— Конечно, господин консул.

Полещук ничего не прикупил, у него была семерка. А консул вынужден был прикупить.

На этот раз немец изменил своей привычке — поспешил. И было из-за чего! К своей двойке он прикупил семерку пик. Итак, у него ровно девять очков. Впрочем, достаточно было и восьми, чтобы две тысячи вернулись к нему.

После этого их обладателем сразу же стал разведчик. Потом он выиграл ещё. Сколько у него? Три или четы ретысячи?

Не стоит считать — это приносит несчастье!

И так как Полещук уже не знал, сколько он должен, он снова поставил две тысячи.

Пришла четвёрка пик. Мало! К ней надо прикупить. Получил шестёрку пик. Перебор на одно очко. Проклятье! Открыли карты. Оказалось, что консул преспокойненько выжидал, имея на руках всего лишь тройку. Сволочь! Уж не шулерничает ли этот старый змей, консул?!

Две тысячи еще несколько раз пересекли стол, как вдруг за окном пробили часы на королевском дворце.

— Последний раз! — вскричал Полещук и придвинул ворох купюр к центру стола.

— Сколько?

— Всё!

Восьмерка — до выигрыша рукой подать! Но почему молчит консул, не отрывая взгляда от своей карты?!

Наконец Фогель с непроницаемым лицом, ставшим бледнее обычного, показал присутствующим — нет, не русскому атташе, с которым вёл дуэль уже более часа, а остальным игрокам, затаившимся, как мыши перед рассветом, — свою карту. Девятка…

— Итак, господин атташе, уговор дороже денег… Сейчас две минуты второго, а мне вы должны… — консул выдержал

секундную паузу, рассматривая разбросанные по столу купюры. — Мне вы должны шесть тысяч… Долларов! Полагаю, мы можем обойтись без расписки?

— Конечно, — вскричал Каменский, — мы все здесь свидетели!

* * *

Усадив едва державшегося на ногах Полещука на заднее сиденье такси и, расплатившись с водителем, консул и доктор вернулись к ломберному столу.

Гржинек сладко похрапывал, забравшись с ногами в кресло.

Каменский, упершись подбородком в сложенные на столе руки, не сводил остекленевшего взгляда с разбросанных по столу банкнот. Он устало повернул голову в сторону вошедших. Но вдруг оживился, вскочил на ноги и ринулся навстречу Фогелю.

— Господин консул, я требую объяснений! Зачем вы раскрутили русского на такую огромную сумму?! Вы же таким образом подписали всем нам приговор!

Фогель, даже не удостоив скандалиста взгляда, обеими руками сгрёб деньги в кучу и стал сосредоточенно сортировать банкноты согласно их номиналу.

— Нет-нет, господин консул, я никогда не думал…

— Наконец-то вы признались, пан Каменский, что «никогда не думали»! — торжествующе воскликнул консул, — Я давно подозревал вас в бездумном отношении ко всему, что находится за пределами ваших операций с янтарем, но воспитание не позволяло мне сделать вам замечание… Слава Богу, теперь вы сами признались в отсутствии мыслительных способностей! Да знаете ли вы, что благодаря вашим потугам за карточным столом я едва не стал банкротом?!

Консул взглянул на ставшего пунцовым Каменского и, догадавшись, что тот близок к коллапсу, уже примирительно произнес:

— Ладно, прочь склоки, давайте объяснимся… Если вы заметили, в начале игры я старался придерживаться нашей тактики. Той, которую предложил пан Гржинек — дать русскому немного выиграть у нас… Но то был первый импульс…

А как говаривал незабвенный мсье Талейран: «Бойтесь первого импульса, ибо он, как правило, благороден!» Вот тогда-то, вспомнив наставление искуснейшего из дипломатов, я решил не играть в благородство, а сделать наоборот…

— То есть?

— То есть выставить русского из денег. Поверьте, эта мера будет иметь значительно большее воздействие на него, чем если бы мы дали ему выиграть какие-то крохи… Теперь он до конца своего пребывания в Катманду прикован к нашей колеснице… Он не в состоянии одним махом погасить свой долг в шесть тысяч долларов, не так ли?

— Безусловно, герр консул! — с готовностью солдата срочной службы ответил поляк.

— А раз так, то ему ничего не остаётся, как молчать и потихоньку отыгрываться… Я надеюсь, вы, пан Каменский, не будете настаивать на единовременном погашении русским его долга… Мы же не в XIX веке живём, или я не прав?

— Конечно-конечно, герр Фогель… Да и какие претензии могут быть у меня к русскому? Он же должен вам, а не мне!

— Вот для того, чтобы он остался должен только мне, я и взял всю игру на себя… Впрочем, была ещё одна причина, заставившая меня действовать по собственному уразумению…

— Интересно, какая?

— Русский дипломат — шулер… Вы заметили, как резво он выиграл у меня более трёх тысяч? А все оттого, что распоряжался колодой. Он — мастер передёргивать карты! Да разве только это… Но уж когда банковать стал я, извините, пришлось преподать наглецу урок хорошего тона, нет — пилотажа! Чтобы он не подумал, что набрёл на простачков, кто впервые держат в руках инструменты…

— Простите за откровенность, герр Фогель, но как вы можете определить, кто шулер, а кто — нет, если сами н владеете шулерскими приёмами?!

— Я о них забываю, играя с вами… А когда встречаю за столом настоящего шулера, сразу же их вспоминаю…

— Вот так сюрприз! Сюрприз и предостережение всем нам… Оказывается, вы, герр Фогель, тоже можете быть искренним… Иногда!

— Кстати, о сюрпризах, — вмешался в перебранку Гольдман. — У меня тоже есть один… Знаете, куда отправился ночевать русский атташе? Таксисту он назвал адрес Сэлли Грейвс!

— Да, действительно, сегодня у нас вечер сюрпризов, — процедил сквозь зубы консул и, кивнув в сторону захрапевшего Гржинека, добавил: — Похоже, он — единственный в нашей компании, кому наплевать на все наши… сюрпризы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ. АРИЙСКИЙ ТАНДЕМ

На следующее утро Полещук проснулся раньше обычного от страшной головной боли. Самое примечательное — в том, что он не испытывал чувства похмелья, как это бывало после основательного «перебора».

«Да и что я такого, черт побери, вчера выпил? Пустяки, даже бутылку виски не уговорил! Раньше со мной ничего подобного не происходило. Нет, здесь что-то не так… Уж не подсыпали ли мне партнёры чего-то в виски?..»

Осторожно, чтобы не разбудить Сэлли, разведчик выпростал ноги из-под одеяла и нагишом отправился на кухню. Выпил сразу две таблетки аспирина и пару чашек крепчайшего чая — полегчало.

Часы показывали начало седьмого.

«Слава Богу, что сегодня выходной день и не нужно ехать в резидентуру… Впрочем, с “Чангом” всё равно надо будет встретиться, но это — ближе к вечеру. — Полещук вспомнил о своём ночном намерении выяснить характер взаимоотношений консула с доктором. — Сейчас, пока Сэлли спит, прослушаю-ка я ещё раз вчерашние откровения австрийца, да и вообще, весь разговор моих компаньонов, черт бы их всех побрал, особенно консула. Может, найдётся какая-то деталь, зацепка, на которую я вчера не обратил внимания…»

Полещук принес на кухню пиджак и портфель. Вытаскивая из карманов аппаратуру, вдруг наткнулся на клочок бумаги, на котором было начертано:

«Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом 6000 $. Искренне Ваш Курт». Подпись и число.

«Значит, консул был настолько уверен, что я ничего не вспомню из ночных событий, что решил оставить мне автограф. А вот это уже промашка, партайгеноссе Фогель, да ещё какая! И не потому, что вы засомневались в моей памяти, нет. Ошибка ваша в том, что я теперь не только имею образец вашего почерка, но и текст, который, в зависимости от складывающихся обстоятельств, можно будет очень выгодно использовать. Всё будет зависеть от того, кому я подам этот материал и как я его буду интерпретировать… Что ж, пеняйте на себя, Курт. Испугавшись, что можете не получить выигрыш, вы из-за своей жадности загнали себя в капкан!»

Интригабельный ум Полещука, словно ЭВМ, немедленно выдал несколько вариантов, как он в будущем сможет использовать оказавшееся в его руках послание.

Во всех спецслужбах, будь то разведка или контрразведка, существует своё разделение труда, зависящее от личных качеств сотрудников.

Есть блестящие вербовщики, которые не в состоянии связно изложить свои мысли на бумаге, и, наоборот, есть виртуозы пера, способные грошовое мероприятие преподнести битвой при Ватерлоо.

Есть блестящие руководители крупных коллективов, которые могут оказаться совершенно беспомощными на боевом поле, и, наоборот, есть простые оперы, чей изобретательный и безжалостный ум в состоянии родить такую интригу, от которой целый департамент противника будет стоять на ушах.

К последнему разряду оперработников как раз и принадлежал Полещук.

«Ну, к примеру, партайгеноссе Фогель, я через своего агента доведу до сведения гэдээровского посла, то есть вашего непосредственного начальника, что вы даёте деньги в рост местным торговцам или бизнесменам. А в подтверждение обвинений будет приложена копия писульки. У вашего посла возникнет естественный вопрос: откуда у вас, при вашей нищенской зарплате, могут быть лишние деньги? Значит, вы имеете дополнительный приработок! А законен ли он, если вам по роду вашей деятельности категорически запрещено подрабатывать па стороне? Да разве только это… Вопросы, вопросы и вопросы, которые вам будут задавать там, где на них ох как трудно найти убедительные ответы…

Да, поторопились вы, товарищ Курт, и сами же себя загнали в ловушку! И, собственно, из-за чего? Из-за жадности! Ну что ж, жадность, она и более выдающихся людей, не чета вам, губила… Вы решили напомнить мне, что я должен вам 6 тысяч долларов, не так ли, товарищ Курт? Так вот теперь за эту же сумму вы у меня своё послание и выкупите. Сами напросились, уж не взыщите!

В общем, считайте, что письменная контрольная вами провалена! А теперь послушаем ваши устные реминисценции, думаю, что и там найдётся масса ошибок…»

Прослушивая магнитофонную запись, Полещук делал пометки в своём блокноте, а иногда переписывал целые фразы — пригодится. Разумеется, особое внимание он уделил рассказу Гольдмана об отношениях Сэлли с итальянцем.

Ещё и ещё раз он возвращался именно к этому фрагменту, но не потому, что испытывал какое-то наслаждение от сознания своего превосходства над безвольным Бевилаквой и Сэлли, этой женщиной-вамп, которая может загнать в петлю ещё не одного

молодого мужика. Отнюдь!

Тиран в своих отношениях с женщинами, Полещук в душе посмеивался над рассуждениями Гольдмана, будучи совершенно уверен, что та участь, которая постигла неврастеника-итальянца, ему не грозит.

Интуиция подсказывала ему, что именно в высказываниях доктора присутствует разгадка, ключ к его вчерашнему проигрышу и сегодняшнему тяжёлому, но отнюдь не постпохмельному, состоянию. Однако всякий раз у него не хватало терпения дослушать рассказ австрийца до конца.

Наконец, отчаявшись найти какую-либо зацепку, Полещук оставил включённым магнитофон и обратился к своим записям в блокноте. В тот же момент его слух поразила фраза, произнесенная доктором по завершении повествования:

«Я лишь предложил ему пройти несколько сеансов гипноза, прописал транквилизаторы».

Полещук выскочил из-за стола и в диком возбуждении начал вышагивать по кухне.

«Вот тебе, Лёня, и разгадка, вот тебе и объяснение, почему вчера ты продул партию! Значит, в тот момент, когда банк перешёл в руки Фогеля, эта австрийская сволочь начала меня гипнотизировать! То-то он не сводил с меня глаз… А я-то, наивняк, положился на своё умение вовремя передернуть карту, всего-то! Н-да, против лома нет приёма… Разве мог я вчера со своими допотопными “мульками” тягаться с дипломированным гипнотизёром?!

В своё время мне приходилось сражаться с мастаками, которые заранее метят карты или специальные очки надевают, чтобы издали видеть карту противника, но чтоб гипнотизировать партнёра… Нет, увольте, такого среди картёжников я ещё не встречал и не слышал!

Наши преферансисты говорят: “знал бы прикуп — жил бы в Сочи”. Наивные! Что такое знание прикупа в сравнении с манипуляциями гипнотизёра за карточным столом. Вот кто может безбедно жить — гипнотизёр, и не только в Сочи! В этом я сам вчера убедился…

Н-да, здорово сработал дуэт Фогель — Гольдман! Один мне виски в бокал без устали подливал, а второй тем временем направлял на меня всю силу своей воли, и я становился податлив его внушению… То-то я всякий раз игру невпопад заказывал. Говорил не то, что думал, делал не то, что хотел… И ведь что интересно: бомбардировать меня доктор принялся только после того, как я сорвал крупный куш и раздел консула на целых четыре тысячи долларов! Слаженно работают арийцы, ничего не

скажешь… А теперь эта сволочь играет в благородство: “Дорогой друг, я не тороплю Вас с возвратом $ 6000. Искренне Ваш Курт”.

Ну что ж, товарищ Курт, раз вы не спешите получить выигранные у меня обманным способом деньги, так тому и быть. Встретимся после того, как сработает “Чанг” и придёт ответ из Москвы!»

Полещук, забыв, что всё ещё расхаживает босиком, с такой силой притопнул ногой, что от боли заорал благим матом:

«Всё бы, конечно, было нормально, если бы в кассу резидентуры не надо было возвращать тысячу долларов… Ничего не поделаешь — вернуть их надо до возвращения Тимофеева из отпуска!»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Подкрепив себя ещё одной таблеткой аспирина и чашкой чая, Полещук вспомнил, что в выходные дни «Чанг» работает только до обеда. Наспех приведя себя в порядок, опрометью бросился в гараж. На ходу сообразил, что лучше воспользоваться машиной Сэлли — в выходной день американские дипломатические номера будут меньше привлекать внимание полицейских. К тому же, машину придётся оставить на улице, у здания непальского Министерства внутренних дел.

Заехал в резидентуру, взял портативный фотоаппарат и несколько бутылок «Посольской» — по опыту знал, что без водки на полноценную явку можно не рассчитывать…

Советские разведчики, как правило, встречались со своими агентами из числа непальцев в каком-нибудь храме исторического комплекса Пашупатинатх, расположенном от Катманду в нескольких минутах езды на автомобиле.

Однако прятаться по углам храмов, проводя явку с секретным помощником такого калибра, как «Чанг», было бы абсурдно.

В непальском Министерстве внутренних дел агент возглавлял департамент виз, регистрации и контроля за находящимися в стране иностранными гражданами. Его служебное положение само по себе выполняло роль естественного прикрытия для проведения конспиративных встреч, так как появление «бледнолицых» в его кабинете не вызывало никаких подозрений у местной контрразведки — работа, понимаешь, у полковника такая…

* * *

«Чанг», в миру полковник Лакшман Шарма, был завербован предшественником Полещука, майором Рогачевым, после того, как организовал направление его жены на лечение к «курганскому кудеснику» Гавриилу Илизарову.

Шарма узнал о враче-волшебнике, прочитав публикацию в «Нью-Йорк таймс», и в тот же день попросил аудиенции у советского посла в Непале Григория Пасютина. Посол, в начале своей дипломатической карьеры состоявший в агентурном аппарате КГБ и сохранивший (как ни странно!) добрые чувства к этому ведомству, сообщил о предстоящем визите непальца резиденту, полковнику Тимофееву. Тот вызвал к себе майора Рогачёва, и работа закипела… В итоге молодая женщина с

врождённым дефектом — левая нога короче правой на несколько сантиметров — была отправлена в Союз и наконец избавилась от пожизненной хромоты. Кару Божью устранили человеческий гений и золотые руки Илизарова…

* * *

В конце 1960-х — начале 1970-х Гавриил Илизаров своей новаторской методикой врачевания врождённых и в несчастье приобретённых дефектов костей и суставов конечностей произвёл настоящий переворот в травматологии и ортопедии, завоевав заслуженную мировую славу. Клиника целителя из глубинки стала приносить стране баснословные прибыли в свободно конвертируемой валюте. В Курган, ставший уральской Меккой, хлынули богатые калеки со всего света! Однако для широких масс Советского Союза Илизаров по воле главного идеолога КПСС Михаила Суслова по-прежнему продолжал оставаться безвестным местечковым костоправом без званий и имени.

Главное для идеолога всесоюзного значения Михаила Суслова было в другом. В том, что отчество у Гавриила было Абрамович! Тысячи и тысячи советских граждан-евреев подали заявления и ожидали своей очереди выехать из СССР на постоянное жительство, куда-нибудь подальше от реалий развитого социализма, а тут ещё разгоравшийся арабо-израильский конфликт…

Поди знай, как истолкуют сирийский президент-самодержец Хафез Асад или палестинский бомж Арафат популяризацию врача с таким одиозным для арабского уха отчеством.

Нет, пусть уж Илизаров врачует втихую, ибо национальная дружба превыше всего, её надо беречь даже в ущерб престижу и достижениям национальной науки в глазах мировой общественности!

Докторскую диссертацию Илизарова Всесоюзная аттестационная комиссия утвердила лишь после того, как число прооперированных им инвалидов-иностранцев перевалило за тысячу.

В 1978 году, когда общая сумма зарубежных платежей за уникальные операции достигла десяти миллионов долларов, Илизаров стал лауреатом Ленинской премии и обладателем аж десяти тысяч… рублей!

Героя Соцтруда долго не давали — противился всё тот же главный идеологический цербер СССР Михаил Суслов. И действительно, не успел зимой 1982 года отгреметь похоронный

марш за упокой души всесильного догматика, как — на тебе, получи, Гаврила Абрамович, Золотую Звезду!

* * *

На следующий день после возвращения жены из Кургана, где ей удлинили малую берцовую кость на целых семь сантиметров, полковник Лакшман Шарма собственной персоной явился в советское посольство. Он-то, наивный, полагал, что отделается выражением благодарности и заверениями в вечной дружбе между непальским и советским народом. Не тут-то было! В непальской резидентуре, да и вообще во всей советской внешней разведке, давно уже не верили всяким там лозунгам типа: «Непали — Русси, бхай, бхай!» (Непальцы и русские — братья!), поэтому, вопреки ожиданиям, Шарма не получил аудиенции у посла, а был встречен резидентом полковником Тимофеевым и майором Рогачёвым, выступавшими в роли первого секретаря посольства и атташе по культуре соответственно.

В малом банкетном зале по случаю прибытия в посольство высокого гостя был накрыт стол с традиционно русскими разносолами из личных закромов посла. Сэкономить на гостеприимстве, — решили разведчики, — значит упустить один шанс из миллиона.

Действительно, случай был уникальный. За такими высокопоставленными чиновниками из системы МИД, коим являлся Шарма, иностранные спецслужбы охотятся годами, используя весь арсенал имеющихся средств, чтобы попытаться подловить, скомпрометировать или найти порочащие их сведения, в крайнем случае, хотя бы установить личный, неформальный контакт. А тут на тебе — рыбка сама в сеть приплыла!

Правда, основа для более близкого знакомства с Шармой уже имелась — операция его жене была сделана бесплатно не за красивые глаза, а в соответствии с планом Центра по созданию условий, благоприятствующих вовлечению полковника в орбиту КГБ. И всё же…

Объект вербовочной разработки мог сделать вид, что не придаёт оказанному вниманию особого значения, и отделаться направлением в адрес посольства формальной благодарности, приложив к ней чек на энную сумму или, того хуже — какой-нибудь грошовый сувенир в виде циновки или национальной соломенной шляпы… Ан нет, — прибыл лично, да еще и без свиты!

Это было хорошим знаком, и Тимофеев решил взять быка за рога. Тем более, что к тому времени располагал о непальце исчерпывающей информацией. Как? А очень просто.

Во время пребывания жены Шармы в клинике она была окружена круглосуточной заботой и вниманием не только медперсонала, но и агентов КГБ. В их когорту входили информаторы из числа непальских студентов, обучавшихся в советских вузах. А не навестить землячку в больнице — да это ж святотатство, пренебрежение кровными узами! В беседах о состоянии здоровья пациентки выяснялись подробности биографии её мужа, сильные и слабые стороны его характера, политические симпатии, круг общения, связи в окружении короля, перспективы продвижения по службе и прочая, прочая, прочая…

Так стало известно, что Лакшман Шарма происходит из касты торговцев. Его отец с малолетства жил в Катманду, держал небольшую лавку. Сам же Шарма никогда коммерцией не занимался, но дхарму — свод предначертаний и запретов, определяющих норму поведения каждой касты, соблюдал неукоснительно. Даже женился на девушке своей касты, несмотря на то, что она была хромой от рождения. И это при том, что до женитьбы Лакшман пользовался большим успехом у женщин и недостатка в любовницах не испытывал. С одной оговоркой: все они были из других сословий, из более низких каст, а значит, ни одна из них стать его женой не могла. Поступи он по-другому, родственники отвернулись бы от него.

Однако после учебы в Англии он пересмотрел своё отношение к дхарме как таковой и к её приверженцам, в частности — стал нетерпим к откровенно нелепым ситуациям, которые создавались вследствие соблюдения норм для каждой касты.

К примеру, Шарма написал пьесу, в которой высмеивал обнищавшего брахмана, священнослужителя, чья принадлежность к высшей касте заставляла его отказывать себе в самом необходимом для того, чтобы держать слугу, поскольку дхарма запрещала ему самому одеваться и даже умываться.

Затем в местной газете появился его очерк об одном земледельце, который жил впроголодь, но, боясь проклятия старейшин своей касты, отказывался даже ловить рыбу… Словом, учёба на юридическом факультете Бирмингемского университета, а затем в полицейской Академии, сделала из сына непальского лавочника настоящего европейца, начисто лишённого кастово-религиозных предрассудков.

Кстати, там же, в Англии, по молодости примкнув к

движению хиппи, Шарма, вдобавок к чрезмерному увлечению спиртным, пристрастился ещё и к курению марихуаны. Ко всему прочему, он отпустил усы и шкиперскую бородку на английский манер, что не в почёте у непальцев.

Земляки, обучавшиеся вместе с ним, считали его «чужим среди своих» и совсем уже было махнули на него рукой, ибо все их попытки образумить его оказались тщетными, как вдруг на пути Лакшмана возник гуру из Индии, некто Прапата Мехту.

Незадолго до встречи, ставшей для Шармы судьбоносной, гуру открыл в университетском городке школу йоги. Непалец из любопытства стал посещать занятия, а поближе познакомившись с Мехту, понял, что только йога спасёт его от алкоголя и наркотиков. Через год занятий йогой Шарма изменился до неузнаваемости — из опустившегося хиппи он превратился в самого прилежного студента, а затем курсанта. Благодаря постоянной опеке индийского гуру молодой человек с отличием окончил оба учебных заведения.

Возможно, поэтому он по возвращении на родину сразу занял должность начальника департамента в центральном аппарате королевского Министерства внутренних дел. Назначение на высокую должность вскружило голову молодому человеку — Шарме тогда не исполнилось и тридцати. Наставления Мехты, как и занятия йогой, были забыты, и новоиспеченный полковник, не выдержав испытания властью, снова принялся за старое, стал много пить. Не чурался Шарма и марихуаны, а уж о связях с падшими женщинами и говорить нечего.

Однако теперь он это делал скрытно — положение в иерархической табели о рангах и близость к королю обязывали быть трезвенником хотя бы на людях.

В общем, Шарма вновь стал чужим среди своих!

К моменту второго визита Шармы в советское посольство изучение его в качестве кандидата на вербовку завершилось, условия для склонения к негласному сотрудничеству были созданы, и Тимофееву, как матадору, предстояло лишь нанести быку смертельный удар. И он нанёс его…

Прежде чем перейти непосредственно к вербовочной беседе, заговорщики пригласили гостя за стол и принялись потчевать его чёрной и красной икрой, крабами, копченой сёмгой, лососем слабого посола, маринованными грибочками и другими вкусностями. Впрочем, особой заботой и вниманием разведчиков пользовался бокал визитёра. Они бдительно следили, чтобы он никогда не пустовал. А тостам, казалось, не будет конца.

В начале застолья непалец время от времени поглядывал на дверь, будто ожидая чьего-то появления. Рогачёв первым разгадал

причину и поспешил заверить его, что об их общении никто не знает, а все официанты-непальцы на сегодня получили выходной. После этого Шарма заметно успокоился, почувствовал себя раскованнее и в подтверждение этого сам наполнил водкой свой бокал…

Так, за чревоугодием и возлияниями, обменом любезностями и разговорами на отвлечённые темы, незаметно подошли к основной цели встречи, вопросу вопросов — шпионить или не шпионить?

Шарма не возражал. Поставил лишь одно условие: информацию на соплеменников не просите — не дам. На иностранцев — пожалуйста! Тем более, что до сведений на американцев, англичан, французов и немцев ему было рукой подать — не отрывая задницы от кресла, надо было лишь дотянуться до сейфа…

Да, вот ещё. Составлять письменные отчёты и где-либо расписываться полковник категорически отказался.

Предложение о материальном вознаграждении Шарма отверг с порога. Должник он, а ему собираются ещё и платить?! Нет, нет и нет, иначе он может обидеться на своих новых друзей!

Новые друзья уже готовы были заподозрить неладное, как вдруг полковник добавил, что готов работать бесплатно, но… Если бы ему иногда подбрасывали пару ящиков «огненной воды» под названием «Посольская» и немного осетровых яиц (так непалец называл чёрную икру), он нисколько бы не обиделся.

У Тимофеева и Рогачёва отлегло от сердца — вербовка состоялась!

Когда Лакшмана Шарму наконец удалось отодрать от стола и отправить восвояси, разведчики принялись составлять отчёт о проведенной вербовке.

Рогачёв, как бы между прочим, спросил шефа:

— Товарищ полковник, как вы думаете, сколько времени потребуется нашему непальскому другу, чтобы окончательно спиться?

— Тебе что? Двух ящиков водки за каждую явку жалко?

— Нет, не жалко… Я о другом думаю — не подвёл бы он нас… Судя по всему, меры в употреблении спиртного он не знает…

— Не волнуйся, на наш с тобой век его хватит, а там… Пусть у других голова болит! Ты лучше скажи, под каким псевдонимом будем проводить непальца по документам?

Рогачёв, рассмеявшись, в шутку предложил:

— А давайте, товарищ полковник, назовём его «Чанг»…

— А что сие значит?

— «Чанг» по-непальски, товарищ полковник, означает рисовую брагу. Процесс её приготовления столь же уникален, сколь и отвратителен.

Представьте, в один прекрасный день вся деревня по сигналу старейшины принимается жевать рис и сплевывать его в огромную бочку, установленную на центральной площади. Потом все эти плевки и отхаркивания оставляют на некоторое время на солнцепёке, не забывая, впрочем, регулярно перемешивать этот замес. Для этого у бочки денно и нощно дежурят самые физически крепкие мужчины…

— А если среди этих… ну, жующих, кто-то болен туберкулёзом или какой другой заразой, тогда как?

— А все микробы, товарищ полковник, уничтожаются в процессе брожения…

— А-а, тогда ещё ничего…

— И вот когда рис полностью осядет на дно, а по всей деревне начнет распространяться духан, от которого мрут комары и прочие насекомые, вся деревня вновь собирается у бочки… Но уже с черпаками. По сигналу старейшины, который предварительно снимает пробу, начинается пиршество. Через час все напиваются в лежку, до потери пульса, и со стороны может показаться, что вся деревня вымерла… Если бы не храп!

— Неужели от этого пойла можно так захмелеть? Оно ж наподобие пашей браги!

— Да-да, представьте себе, можно! Два-три черпака этого пойла валят с ног любого непальца…

— Что, неужели такая крепость у этого рисового замеса?

— Нет, товарищ полковник, брага, она брага и есть… Градусов в ней не более, чем в «Жигулёвском»… Какой-нибудь сантехник Потапов её иначе, как квасом, и не назовёт… Ну, а с аборигенов, что с них взять? Они упиваются этой брагой до бессознательного состояния, вусмерть, потому что вечно голодные! Чем они питаются, тьфу! Орехи кокосовые да рис…

— Ну ты корифей, Александр Сергеевич! — резидент с восхищением посмотрел на подчиненного. — Такие подробности о местных обычаях и традициях знаешь… Не ожидал, не ожидал…

— Так меня положение обязывает, товарищ полковник, я ж как-никак атташе по культуре…

— Да, кстати! — оборвав смех, поинтересовался резидент. — А как же тогда наш «Чанг» управляется с таким количеством водки?

— «Чанг», товарищ полковник, он человек, закаленный в питейных делах… Большую практику в английских пабах, то

бишь пивных, прошел… Кроме того, и рацион у него побогаче, чем у соплеменников… Поэтому его не то что чанг — водка не берёт… Думаю, до поры…

— Ну ладно, убедил! Будь по-твоему, назовём этого министерского хлыща «Чангом»… Экзотика, понимаешь!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ХМЕЛЬНАЯ ЯВКА

Завидев на пороге кабинета Полещука с пакетом, из которого неслось греющее душу мелодичное позвякивание бутылок, «Чанг» по-кошачьи ловко выпрыгнул из кресла и, раскинув руки для объятий, двинулся навстречу гостю,

Не прикасаясь к Полещуку, он в едином порыве выхватил у него пакет, запер дверь на ключ и, на ходу отвинчивая крышку бутылки, бросился к бару за стаканом. Живые карие глаза светились восторгом, ноздри тонкого носа возбуждённо подрагивали: праздник начался.

Залпом опорожнив стакан, Шарма сделал глубокий выдох и… протянул оторопевшему разведчику ладошку для рукопожатия.

— Здравствуйте, Леон… Извините, но я полюбил «Посольскую» с первого глотка… Любовь зла… Пожалуйста, присаживайтесь! Кто у нас сегодня на очереди? Американцы и американки, как я понял, уже пройденный этап, — весело затараторил Шарма, открывая сейф.

«Эх ты, туземец, мать твою! — мысленно чертыхнулсяПолещук. — Для тебя всё это игра, а между тем твоему ящику Пандоры — сейфу — цены нет! Интересно, сколько отвалил бы Беллингхэм за возможность покопаться в нём?

А может, американец, так же как и я, имеет к нему доступ? Я этому выпивохе таскаю “Посольскую”, а Джон снабжает его виски… Если так, то у нас есть вероятность однажды столкнуться нос к носу у двери этого кабинета… Интересно, как мы будем смотреть друг другу в глаза? Как муж смотрит на застигнутого в постели своей жены любовника или хуже?»

Шарма не дал Полещуку развить мысль. Забыв о сейфе, он хлопнул себя своей игрушечной ладошкой по лбу и закричал:

— Леон, есть сенсационная новость! Три дня назад я получил телеграмму из Парижа, из штаб-квартиры Интерпола, а сегодня утром оттуда пришло досье на, дай Бог памяти… Я, откровенно говоря, запутался во всех его именах, под которыми он обделывал делишки… А! На доктора Гольдмана! Знаком вам этот тип? Он, оказывается, уже пять лет находитсяв розыске… Представляете — пять лет его ищут по всей Европе и в обеих Америках, а он гнёздышко свил в Катманду. И вот теперь Лакшману Шарме, вашему покорному слуге, предстоит его задерживать!

Да и вообще, что такое Интернациональная уголовная полиция? Вы знаете, Леон, ещё обучаясь в Англии, в полицейской академии, я сделал для себя открытие. Оказывается, Интерпол совсем не таков, каким изображают его в боевиках и в

детективной литературе… Это вовсе не какая-то окутанная тайной организация отважных суперсыщиков… За впечатляющей непосвященных людей вывеской скрывается чисто бюрократическое учреждение, сотрудники которого большую часть времени проводят за письменными столами, а отпуска посвящают лечению геморроев, нажитых в результате сидячего характера работы. Черт возьми, они ведь и с задержанием преступников, и с перестрелками знакомы лишь по телевизионным детективным фильмам!

Нет, вы только представьте! Какой-то комиссаришка Интерпола, сидя в своём старинном дворце на рю Поль Валери, 37, меньше чем в пяти минутах ходьбы от знаменитых Елисейских Полей, направляет мне, офицеру Его Величества Короля Непала, предписание задержать какого-то негодяя и доставить его в Париж! Что ж, пусть не сомневаются господа с Елисейских Полей, я проделаю это мастерски, комар носа не подточит… Мне бы вот только собрать о нём немного информации, чтобы внести свой вклад и дополнить досье какими-нибудь пикантными подробностями… Тогда бы я утёр нос этим чинушам из Интерпола!

Нет-нет, такой шанс упускать нельзя, его надо использовать по максимуму. Тем самым я показал бы полицейским чиновникам из шести стран Европы и обеих Америк, которые безуспешно ищут этого Гольдмана, что мы, непальцы, тоже на что-то способны… И тогда всё! Орден и назначение на пост заместителя министра мне обеспечены!

Полковник торопливо наполнил стакан.

— Думаю, что я сумею вам в этом помочь, господин Шарма, — как можно спокойнее произнес Полещук, хотя его била внутренняя дрожь.

— Помочь? Но в чем, дорогой Леонид? Уж не собираетесь ли вы участвовать в задержании Гольдмана?!

Непалец расхохотался и так резко запрокинул голову назад, что его аккуратно уложенные и намазанные кокосовым маслом волосы рассыпались веером.

«Этот свинтус, которого Тимофеев считает нашим особо ценным источником, нажрался уже с утра, ну как прикажете с ним работать?! А ведь он спит и видит себя министром внутренних дел… А что? И станет! Вон ведь как ему подфартило…

Кто-то нахал денно и нощно рыл, копал, собирал информацию, отслеживал передвижения Гольдмана но всему свету, а пенки снимет вот этот везунчик, чёрный коротышка Лакшман Шарма, потому что ему выпал кон задерживать

доктора… Кстати, пора бы перейти к делу и узнать, что там в досье!»

— Нет, господин полковник, — твёрдо произнес Полещук, когда Шарма перестал смеяться, — в мои планы не входит участвовать в захвате Гольдмана… Он — ваш, и слава задержания по праву должна принадлежать только вам, и никому более… Считайте своим соперником и врагом всякого, кто будет претендовать на участие в задержания интернационального…

Полещук намеренно сделал паузу, чтобы вызвать на диалог непальца и узнать, как Интерпол квалифицирует деяния Гольдмана.

— Аферисма! — подсказал Шарма. — Доктор, оказывается, аферист международного масштаба…

Полковник вновь оборотился к сейфу и достал оттуда пухлую папку. Взвесив сё на руке, заметил:

— Судя по тяжести, Гольдман тянет на приличный срок!

Шарма хотел уже засунуть папку в сейф, но Полещук остановил его:

— Господин полковник, я, собственно, из-за доктора и решил побеспокоить вас сегодня в столь ранний час… Я плотно занимаюсь им уже почти месяц и, надеюсь, располагаю такими сведениями о нём, которые могут вас заинтересовать…

— Как, Советский Союз уже вступил в Интерпол? — перебил собеседника Шарма. — И в каком качестве? Ассоциированного члена или в качестве наблюдателя? Мне об этом ничего не известно!

— Нет-нет, вступление ещё не состоялось, но… Тем не менее доктор является объектом нашей заинтересованности!

Во взгляде Шармы Полещук заметил неподдельный интерес и решил блефовать до конца.

— Не знаю, что он там наделал в Европе и в двух Америках сразу, но у КГБ к нему отдельный счёт… Поэтому я и пришёл, чтобы просить вас о помощи… Повторяю, на лавры человека, который опустит шлагбаум перед этим аферистом, я не претендую! Вы же знаете, господин полковник, специфику нашей работы… Оркестр, цветы, аплодисменты и слава — это всё не для людей моей профессии…

— И что же у вас есть на Гольдмана? — решил поторговаться непалец.

— Дорогой Лакшман, давайте поступим так, — почти ласково произнес Полещук, — я ознакомлюсь с делом и скажу вам, чего в нём не хватает… Впрочем, заранее могу сказать, что там не хватает сведений о непальских соучастниках доктора…

— Это для меня сюрприз! — вскричал Шарма. — Неужели

Гольдман сумел вовлечь в свои дела непальцев?!

— Нет-нет! Я не совсем точно выразился… — Полещук торопился исправить свой промах, — я имел в виду иностранцев, которые в настоящее время находятся в Непале. Полагаю, сведения о них как раз и явятся вашим вкладом в общую разработку преступника, скрывающегося под личиной добропорядочного гражданина самой гуманной профессии. Тем самым вкладом, который вы собирались сделать, не так ли, господин Шарма?

— Кто они, эти иностранцы? — настаивал полковник.

Пропустив вопрос мимо ушей, Полещук неторопливо наполнил стакан и подал его непальцу.

— Уверенно могу сказать, что их анкетные данные отсутствуют в материалах досье… Но сначала я должен ознакомиться с материалами на Гольдмана… После этого мы сможем обсудить план совместных действий, если вы не будете возражать… Подчёркиваю, меня интересует не столько доктор, сколько его связи…

Полещук протянул руку к папке.

— Леон, прошу вас, только побыстрее и… конечно же, здесь, не покидая моего кабинета…

— Никаких проблем, господин полковник! — по-военному чётко произнес Полещук и, взяв дело, привычно направился в комнату отдыха, которую от кабинета отделяла массивная дубовая дверь.

О том, что с материалов на иностранцев советские разведчики делают фотокопии, Шарма, возможно, и догадывался, но разговоров на эту тему никогда не заводил. Полещука это вполне устраивало, и игра «ты не спрашиваешь — я не объясняю» продолжалась со дня их первой встречи.

Более того, чтобы не давать повода агенту заподозрить, что его кабинет превращен советской разведкой в фотоателье, разведчик всегда находился в комнате отдыха до тех пор, пока хозяин сам не напоминал, что время их рабочей встречи истекло.

В этот раз все происходило по расписанному сценарию, но с одной поправкой. Отсняв две пленки, Полещук не удержался и стал выборочно знакомиться с материалами дела. Да и кто удержался бы, окажись на его месте?! Ведь он успел приучить себя к мысли, что доктор — его кандидат на вербовку, и вот тебе раз — Гольдмана разыскивает Интерпол!

Во-первых, это спутало все его карты, а во-вторых, надо быть полным идиотом, чтобы надеяться получить у Центра санкцию на вербовку аферист, находящегося в международном розыске.

Полистав досье и выкурив ещё несколько сигарет, Полещук,

не дожидаясь напоминания Шармы, сам покинул комнату отдыха.

Непалец, прикончив литровую бутылку «Посольской», мирно посапывал в кресле.

«Приплыли! Гольдман сорвался с крючка, “Чанг” выпал в осадок… — по губам Полещука скользнула саркастическая улыбка. — Если уж мне так не везёт с этими двумя — с явным и предполагаемым агентом — с кем- то ведь должно повезти! Правильно, Лёня, у тебя есть ещё один боевой патрон в обойме — Фогель… Вернусь в посольство и сразу же отправлю запрос в Центр. Спинным мозгом чувствую, что немец — не просто консул, а та самая тёмная лошадка, которая вывезет меня на большую дорогу… А пока из Москвы будет идти ответ, надо с помощью “Чанга” добыть максимум информации о характере взаимоотношений двух арийцев. Это, в конце концов, пригодится не только мне, но и непальцу… А что? Вдруг да он с моей помощью станет министром внутренних дел Непала! Тогда орден светит не только ему…

Н-да… Хороший парень, этот Лакшман. Он не просто источник информации, он — кладезь. Но с его страстью к “огненной воде” он не то что без ордена, — без погон может остаться, да и меня заодно под монастырь подведёт… Так, пора заканчивать эти мудовые рыдания — за дело, Лёня!»

Полещук разбудил «Чанга», отдал досье, проследил, чтобы оно было заперто в сейф, и, шутливо погрозив пальцем, пообещал вернуться через пару часов, чтобы согласовать план совместных мероприятий.

* * *

Через неделю пришёл ответ из Центра.

Чутьё не подвело Полещука. Действительно, Курт Вольфганг Фогель имел отношение к МГБ, но не как агент. Он был кадровым офицером, полковником внешней разведки — Главного управления разведки (ГУР) — и в Катманду возглавлял резидентуру, действующую с позиции посольства ГДР. Должность начальника консульского отдела — его официальное прикрытие.

В отношении доктора Бруно Гольдмана Центр сведениями не располагал.

«Значит, — пришёл к выводу Полещук, — доктор не является объектом оперативной разработки ГУР. Полковник держит австрийца на коротком поводке по двум причинам: либо он использует его как “дойную коровку” для пополнения своего бюджета, либо намерен привлечь его к негласному

сотрудничеству…

Хотя одно другому не помеха, а выигрывать у своего секретного помощника, неважно, настоящий он или предполагаемый, оператор просто обязан. Всегда и во всём. В том числе и за ломберным столом, чтобы утвердиться в его глазах и подчеркнуть своё превосходство.

Нельзя ни в чем проигрывать своему агенту, ибо недаром сказано, что ни один камердинер не видит героя в своем хозяине.

Стоит только однажды показать зависящему от тебя человеку свою слабость, даже если это будет карточный проигрыш, — всё, пиши пропало. Сразу можно расставаться с агентом, потому что ведущее положение уже ничем не восстановить…

Странно другое — почему Гольдман, владея гипнозом, не использует его против консула, а позволяет ему постоянно себя обирать?! Почему он так благоговеет перед Фогелем? Неужели так сильна его любовь к этому старому змию?.. Впрочем, есть ещё одно, чисто гипотетическое, объяснение привязанности: компромат. Компрометирующие материалы, которыми полковник Фогель наверняка располагает в отношении Гольдмана!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. СМЕРТЬ ПРЯЧЕТСЯ В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

Первое, что поразило Полещука, когда они проникли с Шармой на виллу доктора, это — стерильная чистота помещений и почти полное отсутствие мебели. Складывалось впечатление, что это — не жилое помещение, а многопрофильная мини-клиника.

В одной из комнат стояло огромное гинекологическое кресло, за дверцами стеклянных шкафов устрашающе поблескивал специальный медицинский инструментарий.

Вторая комната была приспособлена под зубоврачебный кабинет, на стенах которого к тому же висели таблицы для определения остроты зрения.

Третья комната, очевидно, служила кабинетом для психоанализа и психотерапевтических процедур…

Лишь в четвертой, самой большой, комнате поисковики обнаружили признаки пребывания человека — посередине стояла огромная кровать-альков, застеленная белыми шёлковыми простынями, на которых в артистическом беспорядке были разбросаны пышные подушки…

Прямо напротив алькова была установлена на треножнике… кинокамера, а на прикроватной тумбочке настороженно притаился мощный кинопроектор, направленный на противоположную стену, во всю ширину которой висело белое полотно экрана.

Полещук, влюблённый во всякую кино-фотоаппаратуру, подошел поближе, чтобы рассмотреть, какой техникой пользуется доктор.

— Бог мой! — вырвалось у разведчика. — Да это же та самая камера, которую я продал дипломату из ФРГ! Да, тесен мир…

В проёме двери появился Шарма.

— Леон, я нашёл холодильник, — шепотом, будто их кто-то мог услышать, произнес агент. — Он не на кухне… Там — действующий… Наш находится в кладовке… Пойдём!

В кромешной темноте, подсвечивая себе электрическим фонариком, Полещук последовал за агентом.

Судя по тому, как уверенно Шарма двигался по лабиринту переходов и комнат, Полещук пришёл к выводу, что агент здесь уже не в первый раз.

«Уж не побывал ли здесь “Чанг” без меня, до нашего совместного визита, чтобы снять пенки, забрать самые ценные

материалы, а мне оставил процеженную, отфильтрованную водичку, которой грош цена в базарный день?! Это в крови у всех черножопых, они так и норовят обойти нас, белых, на вираже, чтобы ещё раз доказать своё превосходство над нами. На самом же деле они, таким образом, лишь еще раз доказывают свою закомплексованность!

Нет-нет, — успокоил себя Полещук. — Я Шарме не конкурент. Тем более, что он ждёт от меня полного расклада по связям доктора, зарубежные каналы, которыми тот может пользоваться при выходе на воротил международного наркобизнеса… Уж и не помню, что я там наплёл “Чангу”, чтобы хоть одним глазом взглянуть на документы, в которых может прослеживаться связь Гольдмана с консулом…

Нет! Мы с Шармой — не конкуренты: ему нужен доктор, мне — консул… Так-то оно так, но агенту-то я об этом сказать не имею права… И всё-таки почему он так уверенно движется по этим лабиринтам?!»

— Послушай, Шарма! Ты так быстро и уверенно ориентируешься в темноте, будто всю жизнь прожил на этой вилле…

— А я разве тебе не сказал, Леон, что эта вилла принадлежит тётке моей жены? Она сдаёт её в аренду богатым иностранцам…

— Нет…

— Забыл, значит… Дело в том, что нам сюда попастьбыло бы много сложнее, если бы прислуга не знала меня… Мажордом, тот сразу отдал мне все ключи… Кроме ключа от сейфа-холодильника — у него его просто нет… С тем заветным ключиком доктор не расстаётся никогда, даже когда трахается с гэдээровским консулом… Ты заметил киноаппарат, что стоит в спальне? Так вот они свою любовь снимают на плёнку, представляешь, Леон! Я после Англии уже ничему не удивляюсь, там я и не такого насмотрелся…

— Мажордом рассказал тебе о любви доктора и консула?! Вот так сюрприз! Значит, об этом ты знал! Черт побери, я — последний, кто узнаёт такие подробности! «Чанг», разве ты раньше не мог мне об этом сказать?! Может, мажордом всё-таки сказал тебе, где Гольдман держит отснятые плёнки, а?

— Ну да… Мажордом знает меня с детства, обо всём мне сообщил, чтобы показать, что он ко всему имеет доступ, но только не к ключу от сейфа… А насчет фильмов… Так я думаю, они там же, в сейфе… Что же касается твоих упрёков, Леон, то они несостоятельны… Ты же ни о чем не спрашиваешь! Сунул Шарме, то есть мне, пару ящиков «Посольской», и был таков… Я могу тебе столько ещё понарассказывать о проживающих здесь

иностранцах, что у тебя сейфов не хватит, чтобы всё это складировать… Ну вот, к примеру, Сэлли Грейвс из американского посольства… Она сожительствует с женой шведского посланника, у них “розовая” любовь, то есть они — лесбиянки… Сэлли — активная…

Ну да ладно, к делу! У меня с собой набор таких отмычек, перед которыми не устоит ни один американский банк, что уж говорить о каком-то холодильнике… Тем более что он наверняка английского происхождения, остался от их колониального присутствия — так у вас в Союзе говорят… А если это так, то замки бриттов для меня — не проблема… Я за время обучения в Великобритании изучил их, как свою ладонь. Справимся, не беспокойся! Ты фотоаппарат не забыл?

— Да я лучше хер свой где-нибудь оставлю, но фотокамеру — никогда! — раздосадованный откровениями «Чанга» о сексуальных перверсиях своей возлюбленной, со злостью крикнул Полещук.

— Ну вот и пришли… — Шарма приоткрыл дверь подсобного помещения, лишённого окон. — Электричество сюда не проведено, так что будем подсвечивать себе фонариками… Давай, свети мне на замок холодильника…

Полещук направил луч фонарика на замок холодильника.

— Слушай, где ты приобрел это говно?! — воскликнул непалец. — Наверняка сэкономил и купил у китайцев! Я же ничего не вижу…

С этими словами Шарма вынул из нагрудного кармана рубахи ещё один фонарик, сунул его в рот, направив луч света прямо в замочную скважину, и начал манипулировать отмычками.

Сидя на корточках, «Чанг» пыхтел, тужился, матерился по-непальски и поочередно вставлял в замок отмычки из связки. Стоявший над ним Полещук почувствовал приступ тошноты от зловония, которое исходило от непальца, как вдруг раздался щелчок, и дверь холодильника бесшумно тронулась им навстречу…

Не вынимая изо рта фонарика, «Чанг» сунул голову в проём и в тот же миг своплем «Змеи!» отпрянул назад. Поздно! Две кобры, распахнув боевые капюшоны, одновременно ударили треугольниками своих голов ему в лоб, он замертво рухнул на пол, а змеи бесшумно заструились из приоткрытой дверцы вниз по холодильнику…

— Ничего себе сюрпризы! — завопил Полещук и бросился в ту сторону, где, как ему казалось, был выход. Увы! При входе Шарма плотно закрыл дверь, и теперь капитану только и

оставалось, что не наступить на убийц «Чанга».

«Где ж эти гады?!» — едва не заорал Полещук, физически ощущая их близость. В горле у него пересохло, в висках набатами стучала кровь, но сдвинуться с места не было сил…

Жалкий огонек китайского фонарика выхватывал из пространства лишь какие-то фантастические блики.

Наконец Полещук взял себя в руки и осмотрелся. Странно, несмотря на то, что фонарик, который он держал в правой руке, едва мерцал, в кладовой было очень светло.

Через секунду разведчик понял, в чем дело. У лежащего на спине Шармы изо рта торчал фонарик и освещал всю кладовку. Со лба покойного тонкими струйками стекала черная кровь. Приняв боевые позы, кобры, готовые зубами отстаивать свою добычу, умостились на груди Шармы…

«Ладно, “Чангу” уже ничем не помочь… Надо думать, как добраться до холодильника… Если уж доктор обеспечил свой сейф такой охраной, значит, там есть что прятать…»

Полещук направил луч своего фонарика внутрь холодильника.

На средней, самой объемной полке, стоял саквояж, похожий на тот, которыми в начале века пользовались земские врачи. Рядом аккуратными стопками были сложены обернутые в пластиковую упаковку какие-то коричневые брикеты. Много брикетов!

«Черт возьми! — мелькнула мысль у Полещука. — В чем же основное предназначение стражи из двух кобр? Охранять брикеты или саквояж? Или и то и другое? Стоп! Брикеты что-то уж больно похожи на те, в которые наркодельцы упаковывают гашиш… Черт с ним, с гашишем, как добраться до саквояжа?!»

До него-то и расстояния — всего два шага ступить, но доступ к открытому холодильникупреграждали две гадины, лежавшие на груди Шармы.

«Проклятье! Как же отвлечь гадов? Ишь, опять боевую стойку приняли!»

И вдруг Полещук рассмотрел стоящую у входной двери швабру.

«Вот оно, спасение!» — закричал он от радости и обеими руками схватил железную ручкушвабры. В ярости он изрубил на куски обеих кобр. Сказалось и нервное напряжение, и момент фрустрации: недосягаемость цели, до которой рукой подать…

Стерев отпечатки своих пальцев со швабры и ручек, к которым прикасался, Полещук пару раз щелкнул фотоаппаратом — фото мертвого «Чанга» надо поместить в его личное дело секретного агента.

Наконец, зажав вожделенный саквояж под мышкой, опрометью бросился прочь от виллы, смерть приносящей…

Когда он перебегал улицу, ему показалось, что из чернильной темноты ночи к воротам виллы скользнула какая-то тень и, бесшумно затворив за собой створки ворот, скрылась на территории виллы…

«Значит, Шарма выставлял контрнаблюдение, — на ходу сообразил Полещук. — Хорошо бы, если это был мажордом, — мне не придется звонить в полицию. Обнаружив своего хозяина, мажордом сразу забьет тревогу, поднимет на ноги всю полицию Непала.

Возникнет вопрос: “А что делал начальник департамента Министерства внутренних дел, ответственный за контроль за иноподданными, на вилле австрийского доктора?”

В холодильнике найдут брикеты с гашишем, затем полезут в сейф Шармы, где обнаружат досье на доктора-афериста, разыскиваемого Интерполом. Это-то и явится логическим объяснением присутствия начальника непальского ОВИРа на вилле Гольдмана…

Всё! Круг замкнётся, и доктор будет задержан — туда ему и дорога, а я тем временем разберусь с бумагами, которые в саквояже…В моём теперь уже, черт возьми, саквояже!

Так, это всё, конечно, хорошо, но видел ли меня кто-нибудь сегодня вечером с Шармой? По-моему, нет. Это не в интересах моего агента. К сожалению, уже покойного, н-да…

Если что-то и видели случайные свидетели, то номер машины Сэлли, хотя я и поставил её в квартале от злополучной виллы…

А у Сэлли полное алиби — в американском посольстве сегодня приём по случаю дня рождения посла. Там сегодня такой праздник, что виски и шампанское будут литься рекой… Сэлли по этому поводу даже не стала садиться за руль… А я для неё, как обычно, на дежурстве… То есть то, что я взял её машину, ей вряд ли в голову придёт…

Так, теперь надо быстренько попасть в резидентуру, разобраться с бумагами, и… дорогой Фогель, вы — у меня в кармане! А то, что в саквояже на вас, герр консул, компромата вагон и маленькая тележка, в этом я не сомневаюсь! Если же там ещё и материалы, дополнительно компрометирующие Гольдмана, то тем лучше — переправим их в Центр…

Уж если “Чангу” не удалось орденок за задержание международного афериста отхватить, может, он мне обломится?!»

Не менее пяти минут потребовалосьПолещуку, чтобы завести машину: не мог попасть ключом в замок зажигания — одеревеневшие руки то тряслись, то вообще отказывались

повиноваться. Наконец разведчик, откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза, сделал несколько дыхательных упражнений, вдумчиво просчитал до пятидесяти, и… мотор завёлся с полоборота…

* * *

Ожидания Полещука были вознаграждены сполна: докторский саквояж оказался ящиком Пандоры.

Первое, что бросилось в глаза разведчику, — лежащая сверху фотография, на которой два господина в смокингах (один Фогель) играли в настольный теннис, а Гольдман лежал на столе в чем мать родила, изображая сетку! Судя по всему, фотографию или недавно положили в саквояж, или её часто рассматривали…

Портфель был набит пакетиками с героином. Из чего Полещук сделал вывод, что основным занятием Гольдмана в Катманду были не криминальные аборты и врачевание состоятельных аборигенов, а переправка в Европу наркотиков.

Именно в Европу — об этом свидетельствовала скрупулёзно составленная доктором бухгалтерия, где были указан пункт назначения отправляемого героина, адрес получателя и обязательно сумма, полученная или причитающаяся.

«Стоп! — осенило Полещука. — Но ведь Гольдман мог переправлять героин в Европу только с помощью консула. Скорее всего, Фогель по дипломатическому каналу переправлял зелье своим подельникам в МИД или в ГУР, а оттуда оно, как кровь по капиллярам, расходилось но всей Европе… А деньги за переправку героина Гольдман вручал консулу под видом карточного проигрыша… И свидетели имелись — польский и чешский дипломаты… Всё очень естественно: проиграл — расплатился… А вот и ведомость, где указаны суммы, переданные Гольдманом Фогелю в течение последнего года!..

А это что? А, пачка писем. Пожелтевшие… Лет им, по крайней мере, с десяток. Вот оно что! Это — переписка между Гольдманом и Фогелем, его адрес неизменен — Берлин. А приходили письма, Бог мой! — из Амстердама, Монако, Парижа и… Да ну их к черту, этих влюблённых“ голубых”!.. Неужели любовь между педерастами может быть такой крепкой?!

Ладно, пусть Интерпол и МГБ разбирается… Завтра прилетает из отпуска “резак”, вот я его и огорошу…

Жаль, конечно, “Чанга”, но на войне — как на войне… Если не в результате интриг своих коллег, то бишь товарищей по оружию, падёшь, стрелой пронзённый, то станешь добычей

ползучих гадов! В буквальном смысле. Н-да…»

Через полгода в непальскую резидентуру пришла депеша из Центра.

За проявленную инициативу в работе и чекистскую бдительность капитану Полещуку приказом председателя КГБ СССР было досрочно присвоено звание майора.

А в качестве карамели, которая, по замыслу чиновников из Секретариата КГБ, должна была подсластить пилюлю разведчику — ведь он надеялся получить какой-нибудь орденок, — давалось описание экзекуции, которой подвергли полковника Фогеля.

После проведенного дознания и следствия полковник Курт Вольфганг Фогель был подвергнут офицерскому суду чести со смертельным исходом. В парадной форме, при всех регалиях за более чем двадцатилетнюю службу, его вывели во внутренний двор здания Главного управления разведки и в присутствии старших офицеров министр госбезопасности Восточной Германии Эрих Мильке сорвал с Фогеля погоны. Вслед за этим его тут же расстреляли…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.
К РЕЗИДЕНТУ НА ПОКЛОН

Потерпев фиаско в скорее воображаемом, нежели в реально приносящем прибыль предприятии «Гольдман — Фогель», Полещук решил срочно сменить вектор поиска денег: нужную сумму добыть в солидной организации, и чем претенциознее она будет называться, тем лучше. А что здесь, в Катманду, может быть весомее КГБ и ЦРУ? Но оперативная касса одной организации была им уже опустошена, значит, оставалась вторая…

Да-да, у него даже есть к кому обратиться: второй месяц кряду с ближайшего горизонта не сходит Джон Беллингхэм, чьи потуги выдать себя за «чистого» дипломата вызывали у Полещука лишь скептическую улыбку, потому что его принадлежность к противоборствующему разведсообществу была совершенно очевидна.

«Только вот в чём вопрос, — размышлял Полещук, — кто он, этот Джон? Рядовой вербовщик-привлеченец, или “охотник за скальпами”, наделённый директивными полномочиями?

Впрочем, какая к чёрту разница! Не может Беллингхэм не откликнуться на просьбу советского дипломата.

Дать мало ему не позволит профессиональная гордость, а чем больше даст, значит, тем выше летает. Да и вообще, больше просишь — больше дадут…»

Для начала Полещук решил проконсультироваться у Сэлли.

Наивный! Несмотря на откровения доктора Гольдмана, подслушанные им в казино, он продолжал искренне верить, что Сэлли влюблена в него бескорыстно и безусловно.

«Как знать, — рассуждал Полищук, — может быть, дисциплинированный ум американки функционировал независимо от её души, и она тоже влюблена в меня? Влюбляются же врачи в своих пациентов… А в том, что я для неё — пациент, а она — мой целитель, сомнений нет!»

Чтобы не упасть в глазах любовницы, Полещук не стал распространяться о своих финансовых трудностях, а сослался на некоего сотрудника советского посольства, у которого якобы родился сын, и ему позарез нужны деньги.

Как бы невзначай спросил, кто из американских дипломатов может дать взаймы сумму в несколько тысяч долларов. Сэлли, не задумываясь, ответила, что самый богатый в посольстве — это Джон Беллингхэм.

«Это значит, — подумал Полещук, — что мой постоянный

партнер на теннисном корте не просто вербовщик-привлеченец, а целый резидент…

Что ж, была ни была! Я вас, чертей, всё равно переиграю! Я от дедушки (Комитета госбезопасности) ушёл, а от бабушки (ЦРУ) и подавно уйду! В общем, вперёд, Леонид, действуй, как учил покойный отчим: “От суммы не зарекайся!”»

Авантюрист по натуре, Полещук никогда не терял азарта и нахальства. Однако на этот раз, предприняв рискованный, но, как ему казалось, спасительный шаг, он пожертвовал благоразумием. Вместе с тем он продолжал свято верить, что в конце концов победа будет за ним, а победителей, как известно, не судят…

При первой же встрече с Беллингхэмом на теннисном корте Полещук обратился к нему с просьбой одолжить денег.

Цэрэушнику только этого и нужно было, ибо он давно уже с помощью Грейвс разобрался в психологии русского разведчика. Но как профессионал Беллингхэм был несколько озадачен — не слишком ли быстро «птичка» угодила в клетку? Да и не угодила — сама запросилась!

По прикидкам американца, Сэлли должна была «выставить» русского из денег месяца через два, а тут… Ну что ж, так тому и быть!..

— Сколько, Леонид? — коротко спросил Джон.

Полещук, в тон американцу, так же односложно ответил:

— Много, Джон.

Полещук не склонен был торговать собой по дешёвке, поэтому сразу попросил десять тысяч долларов.

— Давайте, Леонид, обсудим всё после матча…

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Солнце клонилось к закату, красноватые отблески мерцали на густой листве деревьев, с двух сторон теснивших аллею, по которой прохаживались разгоряченные игрой на корте американский и русский разведчики.

Последний, правда, не был уверен в том, что собеседнику известен его истинный статус. Однако Джон Беллингхэм очень быстро развеял иллюзии Полещука, расставив все точки над «i».

— Леонид, — начал американец тоном, который исключал любые сомнения в правоте его слов, — мы с вами из одного теста, хотя и вылеплены на враждующих континентах руками поваров различной идеологической ориентации. Мы с вами — братья по духу и устремлениям. У нас небольшая разница в возрасте, вы — моложе, но работаем-то мы на одном поприще… Если не ошибаюсь, на жаргоне ваших спецслужб это звучит, как «хлебать из одной тарелки». Всё перечисленное позволяет мне сделать вывод, что вы, так же как и я, лишены предрассудков. Впрочем, для людей нашей профессии предрассудки— непозволительная роскошь, вернее — дно, на которое нам не стоит опускаться…

Беллингхэм бросил быстрый взгляд на идущего рядом коллегу. Полещук, совершенно сбитый с толку непредвиденным пассажем американца, пытался скрыть свою оторопь и молча кивал головой.

— Вы совершенно справедливо полагаете, Леонид, что я дам вам искомую сумму. Но! Я дам её не взаймы, а как возмещение услуге, которую вы в состоянии мне оказать… Я намерен потребовать от вас не более того, на что, и в этом я нисколько не сомневаюсь, решились бы и вы, поменяйся мы местами…

Американец многозначительно замолчал в ожидании ответной реакции.

— Я слушаю вас, — прохрипел в ответ Полещук, под натиском Беллингхэма окончательно утративший способность связно выражать свои мысли.

— Мы лучше поймём друг друга, — будто и не обратил внимание на обескураженность русского, продолжил Беллингхэм, — если рассмотрим дело с позиций законов логики. Мне совершенно очевидно, что вы лишены возможности достать деньги где бы то ни было, в противном случае вы не обратились бы ко мне…

Я не спрашиваю, кто вам посоветовал прибегнуть именно к

моей помощи, на какие цели была растрачена сумма, в которой вы сейчас нуждаетесь… Но! Я абсолютно уверен в том, что знаю не хуже вас, что с вами может случиться, если вы не сумеете вернуть деньги туда, откуда взяли. Так же как и я, вы убеждены, что будете спасены, как только вернёте долг. А быть спасенным для вас означает вернуться к образу жизни, который вы привыкли вести…

Вы — гедонист, Леонид, и, получив десять тысяч долларов, сможете вернуться к жизни, полной наслаждений, блеска… и, возможно, славы. Такое радужное будущее, мне кажется, вас больше устраивает, чем бесславное досрочное откомандирование на родину… И за что? За то, что вы растратили деньги на те блага и удовольствия, которые в состоянии оплатить и иметь всякий капитан любой недружественной вам спецслужбы, и о которых вы даже не могли мечтать до приезда сюда… Да и какие это «блага и удовольствия»? Это — необходимый минимум, который, повторяю, может позволить себе любой ваш западный коллега…

Однако страна, где мы с вами находимся по долгу службы, — это окраина мировой цивилизации. Вы еще не сумели даже краешком глаза заглянуть в замочную скважину цивилизованного мира. Уверен, что не ошибусь, сказав, что вы в самом начале большого пути… И что же? Стартовав на Богом забытых гималайских задворках, вы ими хотите завершить познание мира, свою карьеру, наконец?

Если это так, то должен признаться, что я ошибся в вас… Думаю, что вы, как любой человек, не лишенный здоровых карьерных амбиций, здорового честолюбия, не можете останавливаться на достигнутом… Да и потом, что это за достижение — Непал! Вам, как и любому из нас, оперативных сотрудников, наверняка снятся кресло и огромный стол с множеством телефонов где-нибудь в центральном аппарате своего ведомства, не так ли? Именно к этому должен стремиться всякий здравомыслящий спецслужбист… И никак не поддаваться дурному настроению в случае неудачи, тем более, если речь идёт о проигрыше за ломберным столом… Вы же не жизнь проигрываете — деньги. Умные люди говорят: «Деньги потерял — ничего не потерял. Время потерял — много потерял. Здоровье потерял — всё потерял». Вы, Леонид, молоды, у вас всё ещё впереди, так что запасайтесь здоровьем — пригодится!

«Виртуозно плетет паутину, каналья! — с завистью подумал Полещук. — Профессионально. Заслушаешься! И главное — ни одной осечки, все выстрелы кладёт в “десятку”… Он что? Был проповедником в американской церкви?

Да, надо признать, нас таким проповедям, суть —

вербовочным беседам, не обучали. Вот когда понимаешь смыслвыражения: “если у ваших родителей не было детей, то и у вас их, скорее всего, не будет”.

Действительно, прав тот, кто выпустил в свет этот, лишь на первый взгляд парадоксальный, афоризм. Чему я мог научиться у бездарных преподавателей? Только бездарности, не более! А искусные словоплёты, которые могут с ловкостью фокусника завернуть тебе воздушный шарик в красивую упаковку, все как один работают на кафедрах марксизма-ленинизма… Что-то не больно стремятся они преподавать оперативное искусство… За всё время учёбы в спецшколе я ни разу не слышал, как проводится и как звучит вербовочная беседа. Практический курс вербовки мне преподаёт какой-то Джон-американец. Только сейчас я понял, что искусство вербовки — это ораторское искусство. Плюс знание психологии.

Да, ничего не скажешь, показательный урок искусства вести вербовочную беседу преподал мне американский резидент! Ну, давай, давай, Джон, вперед! Увертюра тобой исполнена блестяще, мысленно я тебе аплодирую. Теперь послушаем, что ты попросишь взамен десяти тысяч…

Стоп! А откуда тебе, Джон, известно, что я проигрался в казино?! А, ну да, конечно, — Сэлли… Она любит меня, это бесспорно, но зачем же в тайны двоих посвящать третьего? Третий в таких отношениях, как у нас с тобой, Сэлли, — всегда лишний. Как ты этого до сих пор не поняла, девочка?! Тьфу, черт! Какая ж она девочка, если на двенадцать лет старше меня?! Никак не могу избавиться от первого впечатления…

Впрочем, любовь — любовью, но сотрудники отдела собственной безопасности американского посольства не дремлют и регулярно проводят опросы своих дипломатов. Конечно же, и Сэлли тоже опрашивали… Вопрос в том, как много о наших взаимоотношениях у неё успели выудить. А впрочем, какая к черту разница! Поздно, Лёня, пить “Боржоми”, когда вторая почка отказала…»

Рассуждая сам с собою, Полещук не заметил, как замедлил шаг и остановился.

— Вы меня не слушаете, Леонид! — громко сказал Беллингхэм.

Окрик вернул капитана к действительности.

— Нет-нет, Джон, я прекрасно всё слышал… И готов даже выслушать ваши условия…

— Знаю, Леонид, что вам, профессионалу, не слишком приятно выслушивать мои умозаключения, которые, надеюсь, вы не восприняли как нравоучения?

Беллингхэм снова, будто бритвой, полоснул взглядом по лицу Полещука.

— Должен заметить, Леонид, что хотя мы с вами и лишены предрассудков, вся обстановка, в которой мы живем, настолько ими отравлена, что мы не можем полностью от них освободиться. Да вы это и сами понимаете… Поверьте, мне бы не хотелось видеть вас раскаивающимся в своём поступке, в том, что вы обратились ко мне за помощью… Мы с вами — люди из другого мира, нежели те, кто нас окружает. Мы — люди чести, поэтому я заранее хотел бы знать, что вы отдаёте себе отчёт в том, что действуете не по принуждению, не под моим нажимом, а… по правилам игры. НАШЕЙ с вами игры! Одним словом, мне нужен ключ от сейфа вашего резидента, полковника Тимофеева…

— Но как я смогу…

— Не торопитесь! — оборвал Полещука американец. — Всё не так сложно, как может показаться на первый взгляд… Проблема кажется вам неразрешимой, потому что вы никогда об этом не задумывались… А между тем вам, именно вам, как никому из ваших коллег, легче добыть слепки с ключа… Если не ошибаюсь, вам, как новичку в резидентуре, приходится чаще других офицеров дежурить в посольстве, не так ли?

«Опять Сэлли! — чуть не вырвалось у Полещука. — Только ей известно, как часто я остаюсь на ночь в посольстве. У-у, черт!»

— Да, но Тимофеев кладёт ключ в специальный металлический пенал и опечатывает его своей личной печатью, с которой не расстаётся никогда. Она при нем, даже когда он ныряет в бассейн…

— Прекрасно! Пусть себе ныряет с печатью в обнимку. Пенал-то он сдаёт дежурному, не так ли? Заступив на дежурство, вам достаточно сфотографировать тот оттиск, что остается на контрольном куске пластилина, которым вы по старинке снабжаете пеналы для ключей… Надеюсь, Тимофеев — не исключение?

— Нет…

— Ну вот видите, Леонид! Как говорят у вас, «не так страшен черт, как его рисуют». Завтра на корте я передам вам фотоаппарат, в ближайшее дежурство вы переснимете оттиск, наши специалисты изготовят для вас печать, которая не будет отличаться от личной печати полковника, и… Остальное зависит от вашей сноровки! Куда уж проще. На все операции, в общей сложности, у вас уйдёт три минуты. Надо быть Ротшильдом или Рокфеллером, чтобы за три минуты заработать десять тысяч долларов! До завтра, Леонид!

Не давая собеседнику опомниться, Беллингхэм решительно

развернулся и стремительно зашагал обратно к теннисному корту. А у Полещука в горле застрял вопрос: «А когда же будут деньги?»

Вербовка советского гражданина, представляющего интерес, — задача каждого оперативного сотрудника из Лэнгли. Вербовка советского разведчика — высшее достижение, которое влечет за собой не только правительственную награду, но и гарантирует взлёт по служебной лестнице.

Беллингхэм рассчитал точно: Полещуку не удастся вернуть долг и скоро он продолжит «таскать из огня каштаны», на которые ему укажет ЦРУ. А долги за проявленное усердие будут списаны.

* * *

В тот вечер Сэлли, как это уже бывало не единожды, наблюдала своего «мужа» вдребезги пьяным. Пил он предельно сосредоточенно, устремив взгляд в несуществующую точку в пространстве, и когда она вошла, открыв дверь своим ключом, он даже не поприветствовал её. И хотя до этого вечера инициатором застолий с выпивкой всегда была она, на этот раз всё было наоборот.

Получив от своего шефа строжайшие инструкции, Грейвс предприняла титанические усилия, чтобы оторвать «мужа» от бутылки. Тщетно! После короткого, но бурного скандала каждый из них остался при своей точке зрения на употребление алкоголя.

Впервые возлюбленные, проживая под одной крышей, в ту ночь спали порознь. Полещук, овладев двумя «огнетушителями» виски, заснул под столом…

* * *

Деньги, в обмен на сделанные Полещуком оттиски с ключа резидента, были вручены ему во время конспиративной встречи, проходившей в дешевом трехзвездочном отеле «Викрам».

На явке Беллингхэм поставил перед новоиспеченным агентом дополнительные задачи по добыванию интересующих ЦРУ сведений и обозначил способы связи.

Тогда же Полещук узнал, что в строго секретных платёжных ведомостях, да и вообще в файлах ЦРУ, он будет проходить под псевдонимом «Уэй». Несмотря на своё подчинённое, более того, полностью зависимое положение, Полещук в общении

с Беллингхэмом вначале попытался вести себя, как породистый английский аристократ, свысока взирающий на вульгарно пахнущего деньгами американского купчика.

Не тут-то было. Очень скоро цэрэушник показал своему русскому подопечному, «кто есть кто». И так, будто между прочим, бросил, что работать они будут по принципу пилы: «ты — мне, я — тебе».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЗМЕЯ В ШОКОЛАДЕ

В июле 1975 года истёк срок пребывания Полещука в Непале.

В ходе прощальной явки с ним были оговорены условия продолжения связи в Советском Союзе, он получил микропленку, вмонтированную в магнитофонную компакт-кассету. В ней: задания по сбору информации, инструкции по организации связи, указания по восстановлению контакта при новом выезде за границу.

Беллингхэм также вручил «Уэю» условные письма для отправки на адрес в Соединенные Штаты, две специальные ручки для нанесения тайнописи, шифрблокноты, прибор-приставку к радиоприемнику для приема кодированных передач из радиоцентра.

Часть шпионской экипировки эксперты ЦРУ надежно упрятали в обложке фотоальбома. Остальное — дополнительные инструкции и крупную сумму денег — «Уэй» должен получить в контейнере, изъяв его из тайника, который будет заложен для него резидентурой ЦРУ, действующей с позиций посольства США в Москве.

Все наставления своего оператора Джона Беллингхэма Полещук слушал вполуха, потому что никак не мог сосредоточиться из-за присутствия на конспиративной встрече Сэлли Грейвс, неделей ранее улетевшей в Вашингтон в отпуск. На протяжении всей явки с языка Полещука готов был сорваться вопрос, почему и в каком качестве здесь присутствует его бывшая возлюбленная. То, что Сэлли десятью месяцами ранее по заданию ЦРУ выполнила роль «медовой ловушки», он уже понял.

Ясно стало незадачливому разведчику и то, что комедия с венчание, как и совместное проживание, были частью плана Беллингхэма, который предусматривал посадить его, Полещука, на «короткий поводок», чтобы постоянно держать под контролем и добывать информацию. Но сейчас, что делает здесь эта женщина сейчас?!

Полещук по привычке продолжал воспринимать Сэлли в прежней ипостаси — в ней он видел лишь ненасытную нимфоманку, для которой смысл жизни ограничивался постельными утехами и которая строила свои отношения с мужчинами в соответствии с афоризмом, почерпнутым из какого-то датского порнографического журнала: «Библия учит нас любить ближнего своего, а Камасутра объясняет, как именно».

Присутствие Сэлли на прощальной явке явилось для Полещука, пожалуй, самым большим унижением и

разочарованием, которые ему когда-либо довелось испытать в своей жизни.

В какой-то момент Полещуку пришло в голову, что никакой озлобленности ни в адрес Грейвс, ни тем более к Беллингхэму, он не испытывает.

Мысленно послав американцев в общероссийском направлении, «Уэй» отнесся к своему подчинённому положению философски: показно-внимательно выслушал и принял все предложения оператора, чтобы затем забыть о них сразу по прибытии на родину.

Беллингхэм же, щадя мужское самолюбие своего подопечного, и словом не обмолвился, что всё это время его истинным оператором была Грейвс.

* * *

По прибытии в Москву Полещук изъял приготовленный для него тайник — в нём его интересовали только деньги, шпионские же материалы он уничтожил, твердо решив больше никогда не выходить на связь с американской разведкой.

Не последнюю роль в принятии им такого решения сыграла Сэлли Грейвс, вернее, то, как она сумела обвести его вокруг пальца.

Сэлли, которую Полещук считал самой значительной фигурой в своей галерее сердечных подруг, оказалась змеёй в шоколаде…

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО «КРОТА»

«Холодная война» продолжалась, и в феврале 1985 года Полещук, незадолго до этого получивший назначение в Управление «К» (внешняя контрразведка) Первого главка КГБ СССР, снова оказался в окопах переднего края невидимого фронта. Теперь ему предстояло вести бои с вражескими спецслужбами на Африканском континенте.

Новоиспеченный подполковник возглавил контрразведку в резидентуре, действовавшей с позиций посольства СССР в Лагосе, столице Нигерии.

Аппетиты Полещука по-прежнему опережали его карьерный рост — денег бонвивану, не привыкшему себе ни в чем отказывать, как всегда, не хватало. К тому же в непальской командировке он основательно пристрастился к дорогим спиртным напиткам. Сначала они помогали ему забыть Сэлли, затем, как-то незаметно, превратились в неотъемлемую составляющую его дневного рациона.

Поутру, едва переступив порог служебного кабинета, он устремлялся к бару, чтобы опрокинуть стаканчик-другой чего-нибудь покрепче. Как правило, это были лучшие сорта виски или джина, которые он по дипломатическому листу выписывал прямо из Англии или из США.

Впрочем, и другие земные удовольствия были не чужды молодому заместителю резидента по контрразведке, преисполненному желанием жить полнокровной жизнью.

Немалых средств требовали посещения казино и баров, где стриптизировали длинноногие очаровательные мулатки. Что уж говорить о расходах, в которые вводили контрразведчика те самые темнокожие дивы, регулярно приглашаемые им в номера для сексуальных развлечений.

Словом, образ жизни, который вёл Полещук и без которого он уже не мыслил своего существования, приближал наступление ренессанса в его отношениях с Центральным разведывательным управлением…

* * *

Однажды, основательно поиздержавшись, Полещук вспомнил, что он не только заместитель резидента КГБ, но и секретный

агент ЦРУ по кличке «Уэй». И не беда, что он десять лет не подавал позывных, — мало ли, не было возможности!

Решив, что повинную голову американский меч не сечёт, Полещук устремился в посольство США, где был встречен с распростёртыми объятиями.

Во время вручения верительных грамот разведчикам резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюзу Полещук назвал свой оперативный псевдоним, присвоенный ему Джоном Беллингхэмом в Непале.

В ответ американские «коллеги» заметили, что давно ждут его визита. Для Полещука это был сюрприз — ведь прошло десять лет с момента его последнего контакта с сотрудниками ЦРУ!

Он поинтересовался, как удалось новым друзьям вычислить его прибытие в Нигерию и то, что он — «Уэй».

— Очень просто, Леонид! — засмеялся Лоунтри, который, судя по его поведению, выступал за старшего.

— Во-первых, если вы помните, вас в аэропорту встречал Будкин, о котором нам давно известно, что он — разведчик.

Во-вторых, в своём посольстве вы заняли ту же должность, которую до вас занимал Пономаренко, принадлежность которого к советской внешней разведке у нас не вызывала сомнений. Он — полковник КГБ, не так ли? Кроме того, по прибытии в Лагос вы заняли его квартиру и стали пользоваться его автомашиной…

Полещук слушал собеседника, стараясь скрыть своё удивление, смешанное с восхищением: «Всё гениальное — просто!»

Заметив его отрешённый взгляд, Лоунтри забеспокоился.

— Если вас не шокируют эти подробности, я могу продолжить перечисление признаков, по которым нам удалось установить, что вы принадлежите к противоборствующей спецслужбе, — Лоунтри лукаво подмигнул Полещуку и снова засмеялся.

— Да-да, конечно, продолжайте…

— Всё своё свободное время вы проводите в обществе своих коллег. Даже находясь на пляже, в посольской купальне, вы пьёте пиво только в их компании. В то же время вы избегаете общения и свысока смотрите на остальных советских дипломатов, не так ли? Это естественно, ведь они все от вас в той или иной мере зависимы… Достаточно одного вашего слова, намёка на их явную или мнимую неблагонадёжность, и любой из ваших «чистых» дипломатов первым же рейсом будет отправлен в Москву и не скоро сможет снова попасть за границу, если вообще сможет…

Разумеется, я говорю лишь о тех сотрудниках советского посольства, чьи позиции не подкреплены родственными связями с

высокопоставленными чиновниками из МИДа и из ЦК КПСС…

Надеюсь, я не открою тайны, если скажу, что ваши посольства за рубежом — это вовсе не посольства Советского Союза, как это написано при входе… Это — посольства партийной номенклатуры со Старой площади, чиновников МИДа и генералов КГБ, куда они пристраивают своих детей или детей своих родственников и близких друзей…

Простите, я несколько отвлёкся от темы… Вернёмся к признакам, мистер «Уэй»?

— Да-да, конечно… Очень увлекательно!

— Так вот… В отличие от настоящих дипломатов, вы и ваши сослуживцы не больно жалуете даже посла, а уж о соблюдении вами трудовой дисциплины и говорить не и приходится: в рабочее время вас не найти в посольстве, потому что вы постоянно находитесь в городе якобы по личным делам…

В дополнение ко всему вы ещё и часто появляетесь в посольстве в нерабочее время, особенно вечером, подолгу задерживаетесь там, когда все остальные ваши соотечественники отдыхают или развлекаются… Все сотрудники вашей резидентуры имеют возможность свободно общаться с местным населением и гражданами других стран, находящимися в Лагосе по служебным или каким-то другим делам, особенно с теми, контакты с которыми рядовым советским дипломатам не рекомендованы или категорически запрещены…

Ваши коллеги, офицеры резидентуры, свободно посещают рестораны, бары, казино, тратят большие деньги на угощение своих сотрапезников или компаньонов, чего не может себе позволить «чистый» дипломат вашей миссии в Нигерии…

Словом, признаков, демаскирующих ваш истинный статус, у нас набралось предостаточно… К тому же вашу фотографию мы переслали в Лэнгли… Ответ оттуда лишь подтвердил наши догадки… Нет-нет! Я ошибся — это не догадки, а математически выверенные расчёты… Вот так мы узнаём, «кто есть кто»…

Обратите внимание, мистер «Уэй», я рассказал вам всё как на духу. Это свидетельствует о том, что у нас секретов от вас нет… В будущем я надеюсь на взаимную искренность!

Заметив, как при этих словах заёрзал в кресле Полещук, Лоунтри поспешил добавить:

— Вы с чем-то не согласны, мистер «Уэй»?

— Нет-нет, я согласен… со всем… Но будет лучше, если выстанете называть меня просто Леон…

— Нет проблем, Леон! Впредь я буду называть вас только так! Возвращаясь к поднятой теме, могу лишь добавить одно: в своей работе по выявлению сотрудников КГБ среди советских

дипломатов, впервые прибывающих в Лагос, мы используем те же признаки, что и вы… Или я ошибаюсь, Леон?

— Нет-нет, всё так… Мы пользуемся той же методой! — поспешил заверить своих новых знакомых подполковник, хотя всё услышанное явилось для него полной неожиданностью и настоящим откровением. Нельзя же давать повод своим операторам заподозрить в нем беспросветного невежду!

Разумеется, разведчики резидентуры ЦРУ в Лагосе Лоунтри и Хьюз не столько обрадовались чудесному воскрешению агента «Уэй» как таковому, сколько преимуществам, которые сулила его новая должность.

Американцы отдавали себе отчёт, что направление главного удара советской внешней разведки пролегает далеко за пределами Африки, но вместе с тем они не могли не учитывать и того, что перед ними не рядовой оперработник, а заместитель резидента. Заместители советских резидентов по контрразведке — они и в Африке на вес золота…

* * *

Сотрудничество полностью восстановлено.

Конспиративные встречи с «Уэем» регулярно проводятся в автомашинах посольства США, а затем в специально снятом американской резидентурой особняке.

Однако напрасно надеялись новые операторы «Уэя» и их руководители в Лэнгли, что с помощью вернувшегося из небытия агента на них обрушится водопад информации.

Советская резидентура в Лагосе — заштатная оперточка, и Полещук при всём желании побольше заработать, предоставив своим работодателям интересующие их сведения, испытывает объективные трудности — ну не доходят до него секреты Вселенского масштаба, и всё тут!

Теперь «Уэй» на практике познал, что подразумевал Беллингхэм под принципом пилы: «ты — мне, я — тебе». Для Полещука-агента это означало: «нет секретов — нет денег».

Отсутствие серьёзной информации не замедлило сказаться на отношении Лоунтри и Хьюза к Полещуку — оно заметно охладело. Теперь они относились к агенту, как промотавшиеся вельможи к гостеприимному трактирщику: хлопали по плечу, обнимали, с радостью пили и ели за счёт заведения, но в дом свой не звали — не то сословие.

Полещук старался не замечать изменений в поведении своих операторов, продолжая исправно поставлять хоть и

незначительную, но весьма полезную информацию, поэтому наличные деньги на выпивку и на сексуальные забавы у него не переводились.

Вместе с тем, рисковать разоблачением за гроши Полещук не собирался и, чтобы получить от своих хозяев «по максимуму», предпринял обходной манёвр. На ближайшей явке он довёл до сведения своих шефов, что по завершении африканской командировки его прочат на приличную должность в центральном аппарате Управления «К» (внешняя контрразведка) Первого главка КГБ СССР. Сразу вслед за этим вопрос об увеличении жалованья «Уэй» поставил ребром. Заядлый картёжник, он верно рассчитал, что «туз, он и в Африке — туз», и не ошибся.

Новые друзья поспешили заверить, что все его условия будут приняты.

Действительно, вскоре ежемесячное вознаграждение «Уэя» было пересмотрено в сторону повышения. И не потому, что в его информации по Нигерии появились какие-то сверхценные факты, отнюдь!

Лоунтри и Хьюз, как и их руководство в Лэнгли, заглотили приманку — ведь они надеялись на продолжение связи с агентом, когда по окончании командировки в Нигерии он вернется в Москву и осядет в директивном подразделении внешней контрразведки СССР.

Очень скоро Полещук убедится, что работодатели из ЦРУ действительно пекутся о его служебном росте…

На ближайшей явке «Уэю» было сделано предложение, от которого он не мог отказаться.

Лоунтри начал издалека:

— Леон, мне и моему начальству в Лэнгли не понаслышке известно, как бюрократическая система КГБ давит на оперативного сотрудника, находящегося за границей, чтобы он постоянно проявлял активность… Собственно говоря, для вас это тоже не секрет. Если вы вернетесь в Россию «пустой», то есть не проведёте здесь успешных вербовок или не предложите каких-то операций, ваша характеристика в лучшем случае будет вежливо-уклончивой, что отнюдь не будет способствовать вашему служебному росту, не так ли?

Лоунтри умолк, ожидая ответной реакции.

«Надо же, американец попал в самый «цвет»!.. Что ни говори, а всё-таки приятно, когда о тебе думают на самом верху… Недаром ведь он упомянул своё начальство в Лэнгли», — подумал Полещук, но с ответом не торопился, лишь кивнул в знак согласия.

— Так вот, Леон… Мы посовещались и пришли к выводу, что если вам удастся проделать то или другое, о вас сложится мнение как об активном оперативном сотруднике, и в будущем вы наверняка получите хорошее назначение… С нашей стороны вы также не будете обделены приятными вещами, согласны?

— Что я должен сделать? — произнес Полещук, которому не терпелось узнать, какая роль отведена ему в предстоящих мероприятиях, спланированных не где-нибудь — в штаб-квартире ЦРУ!

— Вам лишь надо будет документально оформить привлечение к секретному сотрудничеству человека, чиновника, входящего в ближайшее окружение нигерийского президента, вот и всё…

— И какую же информацию он будет мне поставлять? — в голосе Полещука прозвучала искренняя заинтересованность.

— Это уже наши проблемы, Леон. Не волнуйтесь, мы позаботимся о том, чтобы информация от него, в а м и завербованного агента, была самой высокой пробы и представляла безусловный интерес для вашего руководства в Москве. Таким образом, ваши позиции укрепятся настолько, что альтернативы вашему назначению в центральный аппарат Управления «К» попросту не будет… Ну что, по рукам?

— Интересная мысль! — задумчиво ответил Полещук, борясь с соблазном сразу принять предложение своего оператора.

Он не торопился с ответом, прикидывая, какими осложнениями для него может быть чревато положение, к которому его подталкивали. Перспектива иметь на личной связи в качестве секретного агента правительственного чиновника была заманчивой. Он бы сразу добавил себе третью звезду на погоны — стал полковником. Но с другой стороны, и в этом Полещук не сомневался, американцы подставляют ему человека, призванного сыграть роль двойного агента, через которого они намерены «гнать дезу» — снабжать КГБ ложной информацией.

«Интересно, насколько застрахован от провала этот мой предполагаемый агент, и где гарантии моей собственной безопасности? Попадись этот чиновник на сборе секретных сведений и “запой” он на допросах, а в том, что он “запоёт” у меня сомнений нет, меня не спасёт никакой дипломатический иммунитет. “Баклажаны” из местной службы безопасности повяжут меня, невзирая ни на какие международные конвенции, декларации и на мою дипломатическую неприкосновенность. А африканская тюрьма — это даже не Бутырка — хуже! И вместе с тем выбора нет, надо соглашаться…» — подвел итог своим размышлениям Полещук. Однако, чтобы скрыть свою

заинтересованность и немного поторговаться, с напускным равнодушием спросил:

— И кто он, этот чиновник?

— Не спешите, Леон, всему своё время… Сейчас нам необходимо иметь лишь ваше принципиальное согласие, детали мы оговорим чуть позже… Ну, так как?

— От таких подарков не отказываются, — Полещук решительно взмахнул рукой, — согласен!

В последующем, когда в Лэнгли стало известно о провале «Уэя», в Лагосе был арестован и сданный ему в аренду американцами агент «Принц», тот самый правительственный чиновник из ближайшего окружения президента Нигерии.

На суде он выступил с покаянием и с горячей обличительной речью в адрес советских спецслужб, которые обманным путём завлекли его в свои сети. Показательный судебный процесс широко освещался в местной прессе и по телевидению.

Искреннее раскаяние спасло «Принца» от длительного срока пребывания в тюрьме, он отделался условным наказанием, о чем с пафосом сообщили все нигерийские средства массовой информации. Однако о том, что через пару дней после завершения судебного разбирательства «коммунистического агента» сбила машина, узнали только его родственники. Всё — мавр сделал своё дело…

* * *

В мае «Уэй» объявил своим операторам, что в июле убывает на родину в краткосрочный отпуск.

С этого момента в советском отделе Оперативного директората ЦРУ беспрерывно проходили совещание за совещанием.

Руководитель отдела Бэртон Гербер был отлично осведомлен об оперативной обстановке на территории СССР, так как в 1980-1982 годах возглавлял резидентуру в Москве. Ему не понаслышке были известны трудности, с которыми придётся столкнуться московской резидентуре ЦРУ при поддержании связи с «Уэем», когда тот начнет работать в центральном аппарате Управления «К».

Цель оперативных посиделок — принятие оптимального решения, которое помогло бы приучить Полещука к контактам с ЦРУ в условиях Советского Союза.

Наконец выход был найден. Гербер одобрил вариант, предложенный бывшей «женой» агента — Сэлли Грейвс.

Её предложение состояло в том, чтобы «Уэй» во время своего очередного отпуска изъял тайник с деньгами, который будет заложен для него посольской резидентурой в Москве.

Уж кому-кому, а ей доподлинно известно, что наиболее чувствительной болевой точкой ее бывшего «мужа» являются деньги!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. РАЗВЕДЧИКИ «ГЛУБОКОГО ПРИКРЫТИЯ»

В июле 1985 года, накануне предстоящего отъезда на родину, Полещук настойчиво требовал от своих американских хозяев денег.

После долгих перипетий сотрудникам ЦРУ удалось уговорить его денег с собой через границу не везти, а взять их в тайнике в Москве.

В качестве тайникового контейнера предполагалось использовать испытанный камуфляж — увесистый булыжник. В нём должны были находиться двадцать тысяч рублей — огромная по тем временам сумма.

Лоунтри и Хьюз заверили «Уэя», что закладка тайника в Москве будет осуществлена разведчиком «глубокого прикрытия», который находится абсолютно вне подозрений и о существовании которого в КГБ даже не подозревают.

Полещук, не в силах противостоять искушению, сдался…

Практика использования московской резидентурой ЦРУ разведчиков «глубокого прикрытия» (наши контрразведчики называют их «подснежниками» или «тихобздуями») свидетельствовала о том, что ЦРУ бережёт их как зеницу ока.

Они никогда не участвуют в повседневных профессиональных играх своих коллег, а на «тропу войны» выходят только в решающий момент, и то лишь когда имеются абсолютные гарантии, что они не «засветятся».

Разведчикам «глубокого прикрытия» вменяется в обязанность молниеносно появиться в нужном месте в нужное время и так же молниеносно исчезнуть.

Они обязаны действовать, как призраки. Вместе с тем результаты их действий всегда должны быть не только материальны, но и весьма осязаемы…

Идея использования разведчиков «глубокого прикрытия» принадлежала начальнику контрразведки ЦРУ Гарднеру Гасу Хэтэуэю.

Будучи главой московской резидентуры в 1977–1979 годах, он обратил внимание, что его офицеры практически лишены возможности покидать здание посольства незамеченными. Каждый раз за ними увязывалась «наружка». В то же время несколько человек, занимавшие невысокие посты в Госдепартаменте (Министерство иностранных дел США), то есть «чистые» дипломаты, могли ходить без надзора, куда им

вздумается.

Одна из причин, почему КГБ всегда знал, за кем следить, крылась, во-первых, в том, что оперативные сотрудники работали в тех помещениях посольства, которые традиционно принадлежали ЦРУ. Во-вторых, цэрэушники, работавшие в Москве, как правило, уже успевали послужить за рубежом, то есть «засветиться». Поэтому советские контрразведчики задолго до приезда цэрэушников в Москву уже располагали на них исчерпывающими досье.

Суть замысла Хэтэуэя состояла в том, что новичка-цэрэушника, никогда не бывавшего за границей по линии разведки, вычислить намного сложнее, особенно если он будет занят полный рабочий день чисто посольскими делами и не будет посещать помещений резидентуры в здании посольства. О его существовании должны знать только коллеги из центрального аппарата Управления и сам посол. Использовать его можно только в случае крайней необходимости — когда шефу резидентуры понадобится, чтобы кто-то из его людей покинул посольство без «хвоста».

Проект Хэтэуэя под кодовым названием «Безопасная лазейка» прошел успешную апробацию и с 1984 года был принят на вооружение практически всеми резидентурами ЦРУ, действовавшими под прикрытием американских посольств в столицах социалистических стран. Однако недолго музыка играла…

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ВЕНСКИЙ ИНФОРМАТОР

Начиная с 1984 года и в течение последующих двух лет одним из главных действующих лиц в проведении операции «Безопасная лазейка» в Москве должен был стать молодой офицер Эдвард Ли Ховард.

Однако до Москвы Ховард не добрался, поскольку в конце 1983 года рутинный тест на полиграфе показал, что он солгал в ответ на вопрос об употреблении наркотиков во время службы в Корпусе мира. Дело, возможно, замяли бы — как-никак подготовка Ховарда обошлась Управлению в копеечку, — если бы не его натянутые отношения с непосредственным руководством.

Несостоявшегося разведчика отвели от поездки в СССР, а в мае 1984 года уволили из ЦРУ без объяснения причин.

Вместе с любимой женой Мэри он переехал в Санта-Фе, столицу штата Нью-Мексико, и нашел там хорошую работу, но так и не смог побороть в себе обиду на Управление. У него начались запои, по ночам он стал беспокоить бывших коллег странными телефонными звонками и, вообще, впал в депрессию.

В июне 1984 года, во время перебранки в баре, Ховард выхватил пистолет и выстрелил в потолок. Суд признал его виновным. В прошлом судимостей он не имел, поэтому его освободили под подписку о невыезде, ограничившись условным наказанием и назначением принудительного лечения в психиатрической клинике.

Во всём случившемся, как и в своих психических расстройствах, бедняга по-прежнему винил только ЦРУ…

Через три месяца после лечения у психиатра Эдвард Ховард, нарушив подписку, приобрел недельный тур и вылетел в Европу, якобы для закрепления реабилитационного курса.

21 сентября 1984 года он переступил порог советского посольства в Вене и выразил готовность поделиться известной ему информацией о деятельности московской резидентуры ЦРУ, действовавшей под прикрытием посольства США. За оказание необычной услуги Ховард просил всего 150 тысяч долларов.

Сделка состоялась.

Доброволец стал обладателем требуемой суммы, а Комитет госбезопасности СССР — информации особой важности.

Кроме прочих сведений Эдвард Ховард представил данные о совершенно секретном проекте «Безопасная лазейка», который к тому времени уже перестал быть проектом, превратившись в

полновесную секретную операцию, регулярно проводимую резидентурой ЦРУ в Москве.

Ховард полагал, что сделка носила единовременный характер, но в КГБ считали по-другому. Хотя состоявшийся контакт и не был оформлен письменным договором о взаимных обязательствах, Комитет не собирался в дальнейшем отказываться от услуг добровольного рекрута, постоянно держа его в поле своего зрения. В будущем у Ховарда появится возможность в этом убедиться…

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. ЧЁРТ ИЗ ТАБАКЕРКИ

В четверг, 1 августа 1985 года, в двенадцатом часу дня, Гарднер Гас Хэтэуэй получил срочную телеграмму из резидентуры ЦРУ в Риме. В то утро в американское посольство явился Виталий Юрченко и объявил о своем желании работать на Соединенные Штаты. Совсем недавно он занимал должность заместителя начальника отдела Первого главка КГБ СССР, осуществлявшего все секретные операции в США и Канаде. Ничего себе улов! Таких размеров золотая рыбка со времен Пеньковского не попадала в американские сети!

Сотрудникам американской резидентуры в Риме Юрченко сообщил, что в прошлом году в Вене некий американец в контакте с советскими разведчиками передал какую-то информацию о деятельности ЦРУ в Москве.

Сам Юрченко никогда не встречался с «венским информатором» и о характере переданных им в КГБ сведений не имел ни малейшего представления. Единственное, в чем русский перебежчик был совершенно уверен: американец некоторое время работал в ЦРУ и был неожиданно уволен во время подготовки к работе в Москве.

Никогда не терявший самообладания Хэтэуэй понял, о ком идёт речь, грязно выругался и со словами: «Этого ублюдка надо обезвредить, пока он не натворил новых бед!» — схватил трубку прямой связи с директором ЦРУ Уильямом Кейси.

Получив сигнал в отношении Эдварда Ли Ховарда лично от шефа ЦРУ, Федеральное бюро расследований занялось поиском весомых улик для ареста отступника. Одновременно за домом Ховарда было установлено круглосуточное наружное наблюдение, что, впрочем, не осталось не замеченным экс-профессионалом.

Полтора месяца спустя, не имея никаких юридических оснований для задержания подозреваемого, как и не сумев добыть других доказательств вины Ховарда, кроме заявлений Кейси, фэбээровцы пошли напролом.

19 сентября 1985 года три сотрудника ФБР в течение восьми часов допрашивали Ховарда в надежде «расколоть» его и вырвать признание. Тщетно, ибо окончательно озлобившийся цэрэушник-расстрига всё отрицал.

Но вместе с тем, он отдавал себе отчёт, что крест ему готов и дело за малым: осталось принести гвозди и молоток.

Не дожидаясь команды фэбээровцев «на выход с вещами», он

сумел оторваться от «наружки», следившей за домом, и вместе с женой на своём видавшем виды «олдсмобиле» помчался за город.

За рулем сидела Мэри. У одного из поворотов Ховард применил трюк под названием «черт из табакерки», которому его обучили в ЦРУ. На полном ходу он неожиданно выпрыгнул из машины в «мертвой зоне» — на закрытом от наблюдения участке пути.

В тот же момент Мэри усадила рядом с собой куклу — заранее приготовленный мужем манекен, — который со стороны можно было принять за Ховарда.

Трюк сработал, преследователей удалось обмануть, а Эдвард Ли Ховард через несколько часов оказался в советском посольстве в Вашингтоне, откуда тайно был вывезен в Москву, где проживал с семьей до 2006 года…

* * *

Справедливости ради надо сказать, что такие, как Ховард, но своим личным данным и моральным качествам не годятся для работы в качестве кадровых сотрудников какой-либо спецслужбы. Им, романтикам, вечным искателям щекочущих нервы приключений, претит рутинная система, царящая в этих организациях.

Своё призвание такие люди, как Ховард, находят на стезе секретного сотрудничества со спецслужбами в качестве агентов. Они не носят «плащ и кинжал»; эти атрибуты принадлежности к тайному Ордену, как правило, хранятся в сейфе их операторов. Работают они во благо спецслужб не по расписанию, выверенному уставом, а по вдохновению.

Сотрудничество Ховарда с Комитетом госбезопасности было весьма плодотворным и взаимовыгодным еще и потому, что он сам решил переменить «веру».

Ховард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесменом он был, что называется, от Бога.

Имея денежные сбережения на счетах американских и западноевропейских банков, Ховард активно играл на разнице курсов валют и никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Ховарда несколько специалистов Госбанка СССР были ознакомлены с его методикой и приёмами извлечения выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. По сути, деньги можно было делать из воздуха.

Огромную ценность имела и предоставленная им

информация о работе с вкладом в банке с целью извлечения максимальных дивидендов.

Опыт Ховарда был взят на вооружение и с успехом использовался Управлением «С» КГБ СССР, занимавшимся вопросами подготовки и работы разведчиков-нелегалов в странах главного противника, то есть в США, Западной Европе и Японии.

Ховарда, с полным на то основанием, можно назвать смелым человеком, но с явным налетом авантюризма и любви к бесшабашным поступкам и не всегда оправданному риску. Достаточно сказать, что уже проживая в Советском Союзе, Ховард пускался в головокружительные путешествия в страны Западной Европы. Он даже умудрился несколько раз побывать в США. Правда, по чужим документам, изготовленным для него технарями Оперативно-тсхнического управления КГБ СССР.

В любом случае, в эти авантюры он пускался, не преследуя никакой личной материальной выгоды, а лишь для того, чтобы вновь и вновь почувствовать упоение риском, а также чтобы выставить ЦРУ и ФБР дураками, которые в свое время несправедливо с ним обошлись, оставив в его душе нерубцующуюся рану. Надо сказать, Ховард всегда крайне болезненно реагировал на ущемление своих прав. Не исключено, что именно поэтому за долгие годы жизни в СССР он так и не смог привыкнуть к некоторым сторонам советской действительности, например к бесправию потребителей в сфере обслуживания, которая возмущала его с самого первого дня.

Он частенько устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать продавцам московских гастрономов и универмагов такой понятный для американца принцип, что клиент всегда прав.

Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, обладал крайне неустойчивой психикой, был легко раним, часто впадал в депрессивное состояние.

Настроение его менялось по нескольку раз на день, причем, казалось бы, без всякой на то причины. Даже несмотря на привязанность к жене и сыну, Ховард через некоторое время общения с ними начинал испытывать потребность в смене обстановки, ему нужны были новые впечатления.

От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность.

В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему люди.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед окружающими вновь представал умный и тактичный

собеседник, внимательно прислушивающийся к советам и пожеланиям, досконально выясняющий все интересующие его вопросы…

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. «БУЛЫЖНИК» В МАРИХУАНЕ

Получив информацию о подробностях проведения тайниковых операций под кодовым названием «Безопасная лазейка», советские контрразведчики немедленно пересмотрели своё отношение ко всем американским дипломатам, занимавшим низкие и просто технические должности в посольстве США в Москве.

Методом тотального просеивания и исключения вскоре удалось выйти на одного неприметного, ну прямо-таки классически «тихого американца» — Пола Залаки, заведующего посольской библиотеки.

В ходе беспрерывного контроля за его поведением и перемещениями по столице были получены данные, бесспорно свидетельствовавшие, что Залаки является именно тем самым «тихобздуем», которому резидентурой ЦРУ поручено осуществлять в Москве закладки тайников для своей особо ценной агентуры.

Поэтому, когда 19 июля из ворот посольства на огромной скорости вылетел «форд» с Залаки за рулём, «наружка» уже знала наверняка, что американец выехал не на прогулку — на задание…

Три часа американец колесил по столице, постоянно меняя направление движения, — проверялся.

Однако, несмотря на все ухищрения и непреложное выполнение им требований предельной конспирации, от «наружки» оторваться ему не удалось, и он привёл ее прямо к тому месту, где должен был осуществить закладку тайникового контейнера.

С точки зрения наших экспертов, асов шпионажа, место для закладки подбиралось совсем уж по-дилетантски.

Впрочем, как знать? Быть может, выбор места для тайника был обусловлен тем, что туда никогда не заглядывают прохожие, кроме разве что любителей «сообразить на троих».

Не исключено также, что американцы при подборе места для закладки тайника действовали, руководствуясь своим излюбленным принципом: «Самая лучшая конспирация — это полное её отсутствие».

Проезд Серебрякова — глухая окраина северного района Москвы, где прямо на пустыре, густо поросшем кустарником и сорной травой, поднялись новенькие девятиэтажки.

Унылый «лунный» пейзаж дополняют высокие металлические башни-опоры высоковольтной линии электропередачи.

Вот у подножия одной такой опоры и спрятал Залаки свою бесценную ношу — контейнер-булыжник.

Да и спрятал ли? Швырнул, развернулся на каблуках, нырнул в машину и был таков — кому, кроме агента — получателя груза, придёт в голову искать здесь сокровища?!

Как только Залаки, бросив «булыжник», на огромной скорости скрылся вдали, «наружка» получила указание оставить его вне контроля.

Пусть уж мавр, сделавший своё дело, пребывает в полной уверенности, что операция проведена им без сучка и задоринки!

Да и зачем продолжать слежку? И так ясно, что никаких сюрпризов от американца ни сегодня, ни в ближайшее время не предвидится. На то он и разведчик «глубокого прикрытия», чтобы гадить редко, но метко.

Кроме того, дальнейшее проведение слежки за разведчиком для «наружки» могло обернуться саморазоблачением, а это, в свою очередь, ставило под угрозу провала реализацию основного мероприятия — захвата с поличным шпиона, который придёт изымать тайник.

* * *

Разведчики наружного наблюдения осмотрели оставленный Залаки булыжник.

Не без труда открыли его. Внутри обнаружили запаянную в пластиковую оболочку пачку денег и записку-напоминание для получателя, что необходимо поставить условный сигнал после изъятия закладки. Пересчитали деньги — ровно двадцать тысяч рублей (в ценах 1985 года — это две а/м «Волга»).

Определить, для кого предназначен тайниковый контейнер и когда он будет изъят, не представлялось возможным.

Ясно было одно: он для весьма ценного источника ЦРУ и рассчитан на продолжительный срок нахождения на местности.

Безусловно, ЦРУ и не предполагало, кем и как бдительно — денно и нощно — будет охраняться контейнер-булыжник.

В тот же день на дежурную вахту неподалеку от башни заступили две машины-фургона «Мосэлектросети», в которых находились бойцы «Альфы» из группы захвата.

В течение световой части суток они, переодетые монтажниками, должны были располагаться вблизи башни, делая вид, что проводят ремонтные работы на линии высоковольтной

электропередачи.

С наступлением темноты «альфовцам» предстояло забираться в фургоны, чтобы продолжать наблюдение с помощью приборов ночного видения.

О случайных прохожих, а также об автомашинах, чьё появление в подконтрольной зоне внушало хоть малейшее подозрение, разведчики наружного наблюдения, рассредоточенные в округе, немедленно по рации сообщали «альфовцам» и на центральный диспетчерский пост.

Там и решался вопрос, какой бригаде «наружки» предстояло установить и с соблюдением строжайшей конспирации выяснить, как и почему вызвавший подозрение человек оказался рядом с тайником.

Сколько человек было проверено на предмет выяснения их возможной причастности к американскому тайнику — одному Богу известно!

Доставалось и аналитикам из центрального аппарата КГБ. Словом, работы хватало всем!

* * *

В ночь с 20 на 21 июля в машинах «Мосэлектросети» прозвучал сигнал боевой тревоги: в подконтрольной зоне появился незнакомец, который, освещая себе путь электрическим фонариком, продвигался к тайнику.

Но почему от «наружки» не поступило никаких предупреждений? Как сыщики проворонили его появление на дальних подступах, неужели проспали?!

В приборы ночного видения «альфовцы» рассмотрели пожилого мужчину, который, время от времени останавливаясь и нагибаясь, что-то искал. Вот он дошел до «булыжника», остановился, раскуривая сигарету…

Группа захвата бесшумно покинула фургон, как вдруг в ночной тишине явственно раздалось: «Кис-кис-кис!»

Наблюдение продолжили, потому что нельзя было исключать и такой вероятности — тот, кому предназначался охраняемый «альфовцами» булыжник, мог прикинуться владельцем заблудшего животного — кота или собаки.

Мужчина, миновав булыжник, начал шарить лучом фонарика в кустах вокруг башни-опоры.

Наконец, крепко выругавшись, неизвестный повернул обратно и прямиком направился к одной из девятиэтажек…

Фальстарт, всем отбой!

На следующее утро «альфовцы» поняли, что ночной переполох, поднятый хозяином блудливого кота, был лишь началом их мытарств, и даже не «цветочками».

Ибо цветочки, но иного свойства и качества, окружали группу захвата буквально со всех сторон — метровой высоты бурьян, который покрывал пустырь, был не что иное, как заросли конопли. Целая плантация дармовой марихуаны!

А сколько в Москве проживает молодых людей, страждущих халявного кайфа, в этом «альфовцы» вскоре убедились на собственном опыте…

* * *

21 июля, едва на востоке обозначился красный солнечный диск, контролируемая «альфовцами» зона огласилась весёлыми молодыми голосами.

Четверо парней, раздевшись наголо, стали с криком и гиканьем взапуски гоняться друг за другом вокруг башни-опоры, под которой находился «булыжник». Ну, прямо пляска дикарей на рассвете!

Со стороны могло показаться, что парни изображают купальщиков. Только вместо воды они ныряли с головой в заросли конопли.

— Что они делают?! — удивился Виталий Демидкин.

— Собирают пыльцу с цветущей конопли, — спокойно ответил замкомандира «Альфы» Владимир Зайцев. — Судя по всему, сборщики — ребята опытные, сейчас самое продуктивное время для сбора «дури».

— Почему?

— Они тебе, Виталий, не напоминают купальщиков? Видишь, они буквально окунаются в росу, смешанную с конопляной пыльцой, чтобы этим раствором покрыть всё тело. Когда «купальщики» поменяют свой окрас— из бледнотелых превратятся в желтовато-коричневых — считай, что сбор урожая окончен. После этого они ладонями начнут скатывать друг с друга шарики пыльцы — это уже готовый к употреблению продукт. Втыкай шарик, так называемую «мастырку», в папиросу, прикуривай и лови кайф!

— А почему не в сигарету? — Демидкии недоверчиво посмотрел на шефа.

Зайцев не успел ответить. Безумная пляска нудистов была прервана невесть откуда появившимися милиционерами с овчарками.

Молодых людей погрузили в «воронок» и увезли.

Зайцев заметил, что вторая машина с «особаченными» милиционерами притаилась у одной из девятиэтажек.

Ждать им пришлось недолго.

Через несколько минут место первой группы «купальщиков» заняли трое парней и девушка, которые, так же как и их предшественники, стали бегать по пустырю в чем мама родила.

— Н-да… — задумчиво произнес Зайцев. — Не было печали, да наркоши накачали!

— А что, собственно, произошло? — удивился Демидкин. — Ну, побегали ребятишки, порезвились… В околотке их под душ поставят и, как говорится, на свободу с чистой кожей и рожей… Всё путём!

— Это ты так думаешь, Виталий, что всё путём! А теперь представь, что менты здесь будут дежурить круглосуточно…

— Ну и пусть себе дежурят, нам-то что? — не понял ход мысли шефа Демидкин.

— Как, то есть, «нам-то что»?! — взвился Зайцев. — Да стоит тому, кого мы ждём, обнаружить здесь ментов — мы его не то что не задержим, мы его даже не увидим! Он же на пушечный выстрел к тайнику не приблизится! А мы об этом и знать никогда не узнаем…

— Почему?

— Почему-почему! Я уверен, что шпион не полезет к тайнику очертя голову. Ну не идиот же он, в самом-то деле! Во всяком случае, я таких шпионов не встречал… Перед тем, как изымать контейнер, он хотя бы разок, да прочешет проезд взад-вперед, чтобы убедиться, что здесь всё спокойно… И что же? Что он увидит?!

— Ментов… — потухшим голосом ответил Демидкин.

— То-то и оно, что ментов! И тогда, спрашивается, зачеммы здесь торчим?! Н-да, задали нам работу американцы! Это ж надо было такое место подобрать для закладки тайника! Ведь невооружённым глазом видно, что конопля выросла здесь не вчера. Ну-ка, целая плантация марихуаны… Нет бы заранее сюда приехать, да всё проверить. Смотришь, и у нас бы проблем сейчас не было…

Ну не парадокс ли? Американцы заложили тайник, а нам приходится мучиться, ломать голову, как его спасти! Что ж вы так наплевательски относитесь и к своим тайникам, и к своим агентам, а, господа империалисты?! Ладно, пора кончать с этим — надо срочно что-то придумать!

И Владимир Зайцев придумал.

В тот же день в вечерних выпусках столичных газет «Вечерняя

Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец» в рубрике «срочно в номер» появились замети следующего содержания:

«На чрезвычайной утренней сессии Моссовета, состоявшейся 21 июля с.г., было принято решение дать решительный бой сорной траве, отравляющей жизнь и наносящей непоправимый ущерб здоровью жителей-тружеников нашей столицы.

Все призывы прежнего руководства Мосгорисполкома бороться с сорняками оставались благими пожелания Лишь сегодня наконец москвичи услышали новое слово-приказ: “Уничтожить сорняки!”

Да, товарищи, бороться с сорной травой можно безуспешно всю жизнь, поэтому-то и принято решение уничтожить её в течение ближайших 48 часов.

Новое мышление, новый подход к решению застарелых, доперестроечных проблем должен найти горячий отклик в сердцах всех москвичей, патриотов столицы нашей Родины.

Первыми на призыв депутатов Моссовета откликнулись подразделения милиции и пожарных расчётов Главного управления внутренних дел Москвы.

Во всех районах нашего города начата “огненная кампания” по уничтожению сорной травы.

Редакция газеты выражает искреннюю признательность всем гражданам, жителям и гостям столицы, кто готов добровольно принять участие в священном деле по освобождению от скверны улиц и площадей нашего юрода!»

Заметки такого содержания призваны были легализовать предпринятые сотрудниками милиции по указанию КГБ СССР мероприятия по выжиганию конопли в некоторых местах столицы.

Но, прежде всего, в проезде Серебрякова, где неустановленного американского шпиона дожидался тайник…

Пожарные потрудились на славу: с помощью переносного огнемёта выборочно уничтожили растительность — коноплю — вокруг башни, под которой находилась тайниковая закладка. Безобидный бурьян и кусты не тронули.

Так что, нагрянь сюда спозаранку любители халявной «дури», они ушли бы несолоно хлебавши. Нет здесь более конопли, и всё тут!

* * *

Публикации возымели действие, и результат не заставил себя

ждать.

Уже на следующее утро, 22 июля, «альфовцы», охранявшие тайник, получили сигнал от «наружки», что в их направлении на большой скорости движется… Залаки.

«Альфовцы», да и не только они одни, гадали, едет ли американский разведчик «глубокого прикрытия» изымать «булыжник», чтобы сделать закладку в другом месте, или он просто намерен удостовериться, что тайник остался нетронутым после «огневой» обработки окружающей местности…

Машины «Мосэлектросети» с «альфовцами» на борту немедленно провели перестроение своих боевых порядков — отъехали от места закладки тайника на изрядное расстояние, поближе к девятиэтажкам. Но так, чтобы не выпускать из поля зрения специальных оптических приборов «булыжник».

Вскоре от «наружки» поступил ещё один сигнал о приближении незадачливого американца к башне высоковольтной электропередачи.

Буквально через минуту прямо напротив места, где находился «булыжник», остановился запылённый «форд-таурус», и из него выпрыгнул Залаки.

Распахнул багажник, делая вид, будто что-то ищет в нём. Проходя мимо заднего левого колеса, основательно пнул его ногой. Опять вернулся к багажнику, забравшись туда с головой…

Наблюдай за его действиями человек непосвящённый, наверняка подумал бы, что с иномаркой что-то случилось, и водитель хлопочет в поисках какой-то неисправности.

— Ага! — произнес Зайцев, наблюдавший в перископ за беспорядочными перемещениями американца вокруг и около машины. — Что и требовалось доказать! Изъятие «булыжника» пока отменяется…

В это время Залаки, подложив под себя пару подушек, — так выше — с заднего сиденья «форда» рассматривал в подзорную трубу основание башни, где двумя днями раньше оставил «булыжник».

Очевидно, результаты проведенных визуальных обследований местности, а главное — обнаруженный нетронутым тайник, вполне удовлетворили разведчика.

Он смахнул рукавом пот со лба, сложил подзорную трубу, хлопнул багажником и дверцей машины и был таков.

— Поехал докладывать, что всё в порядке! — удовлетворённо произнёс Зайцев и вытер взмокшее лицо ладонью…

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Всё стало на свои места только через две недели, 2 августа 1985 года, когда в районе тайника остановилась белая «Волга» и из неё вышел привлекательной наружности молодой мужчина в майке-футболке и с хозяйственной сумкой в руках.

«Красавчик» заметно нервничал и оглядывался по сторонам. Несмотря на признаки внутреннего беспокойства, незнакомец уверенно и целенаправленно двинулся к месту закладки тайника.

У «альфовцев», наблюдавших за передвижениями «красавчика», не возникло никаких сомнений в том, что именно для него предназначен «булыжник» — уж слишком прямолинеен был его путь.

Удивление «альфовцев» вызвало другое обстоятельство: продираясь сквозь бурьян и кусты чертополоха, вновь стоявшего стеной после обработки огнеметом, незнакомец поднимал с насиженных мест тучи комаров, которые вместо того, чтобы броситься на него, на невесть откуда взявшуюся дармовую добычу, почему-то отлетали в сторону!

Приблизившись к опоре башни ЛЭП, мужчина, ни секунды не колеблясь, поднял «булыжник» и положил в сумку. В тот же миг, будто с неба, на него обрушились четверо «альфовцев».

Во время обыска Полещука «альфовцы» нашли объяснение нелогичному, с их точки зрения, поведению комаров: от задержанного так разило перегаром, что впору было надевать противогазы!

«Красавчик» был заметно пьян — ну и шпион нынче пошёл! — но тут же едва ли не с кулаками набросился на бойцов группы захвата, обвиняя их в том, что они сорвали ему свиданиес девушкой, чьё имя и адрес у него вылетели из головы ввиду неожиданного нападения.

— Ну а булыжник? — поинтересовались «альфовцы», — им вы хотели заменить букет цветов для девушки?

— Булыжник нашел случайно, — последовал ответ. — Взял для того, чтобы заткнуть, то есть приткнуть, колесо автомобиля…

— И часто вам попадались камни преткновения? — спросил руководитель операции по захвату шпиона, разламывая «булыжник» пополам и вытаскивая оттуда пачку купюр и записку.

— Нет, первый раз…

При личном обыске у Полещука «альфовцы» нашли два обрывка бумаги.

На одном — схема, где крестиком отмечено место тайника у опоры электропередачи.

На другом — тоже схема, но уже одного из отрезков улицы Горького. Там Полещук должен был поставить сигнал об изъятии контейнера.

Обрывки бумаги превратились в улики, как только в футляре для очков, под подкладкой, был обнаружен план связи с американской резидентурой в Москве. Он-то как раз и содержал описание мест тайника и постановки сигнала о его выемке, которые полностью соответствовали обнаруженным у Полещука записям на двух клочках бумаги…

— Долго пришлось нам вас поджидать… — в сердцах произнёс Зайцев. — Где ж вас носило всё это время?

— Да вот… С любимой девушкой ездил на Рижское взморье… Там, знаете ли, есть такое укромное озерцо, где, по рассказам местных жителей, лебеди на рассвете поют… Хотелось услышать лебединую песню…

* * *

Через два месяца Олдрич Эймс, наш «суперкрот» в Центральном разведывательном управлении США, сообщил, что больше всех о провале агента «Уэя» сожалеет и сокрушается Сэлли Грейвс.

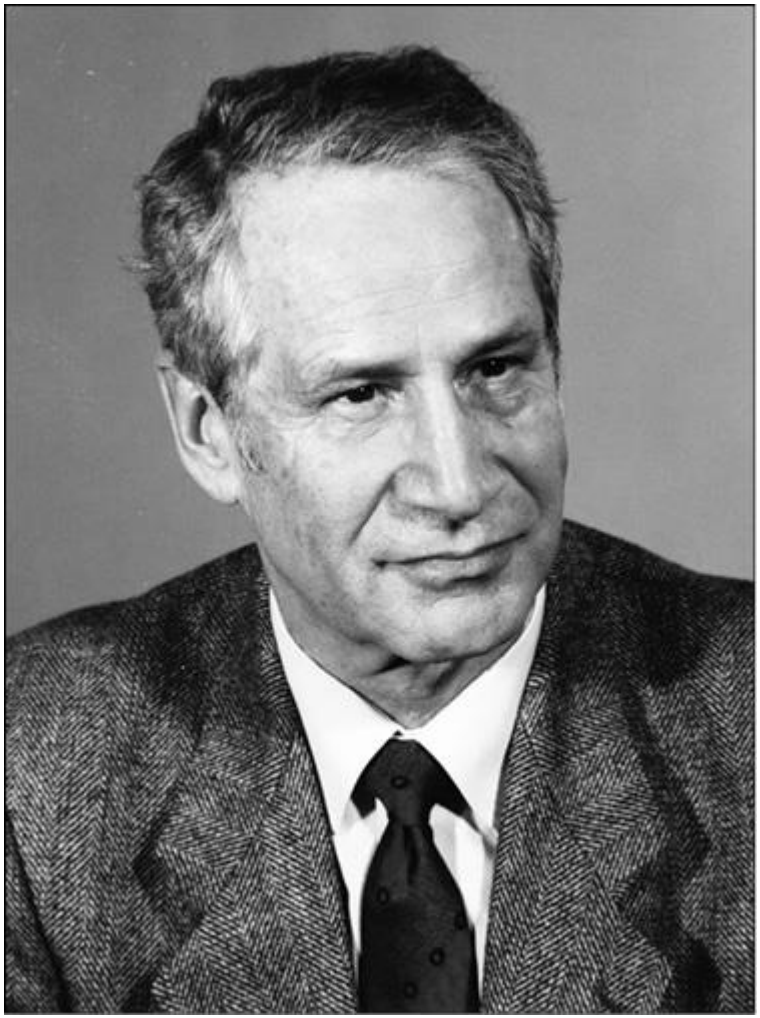
Но не потому, что она должна была последовать за мужем на погребальный костёр, как то предписывал обычай сати, о котором её уведомил Полещук. Отнюдь!

Причиной её печали были обстоятельства более тривиальные. Сэлли Грейвс опасалась, как бы провал не отразился на её карьере — идея-то закладки тайника для «Уэя» принадлежала ей…

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Кристина Онасис и Сергей Каузов

Торжественное бракосочетание Кристины Онасис и Сергея Каузова



Маркус Вольф

Генерал-майор КГБ Л.И. Козлов (на фото: второй слева) на правительственной трибуне. Ереван, 7 ноября 1987 г.

П.С. Попов

Шпионские аксессуары предателя Попова, спрятанные в бытовых принадлежностях

Вознаграждение за «труды неправедные».

Наличность, изъятая при обыске на квартире Попова

Ф.Г. Раневская

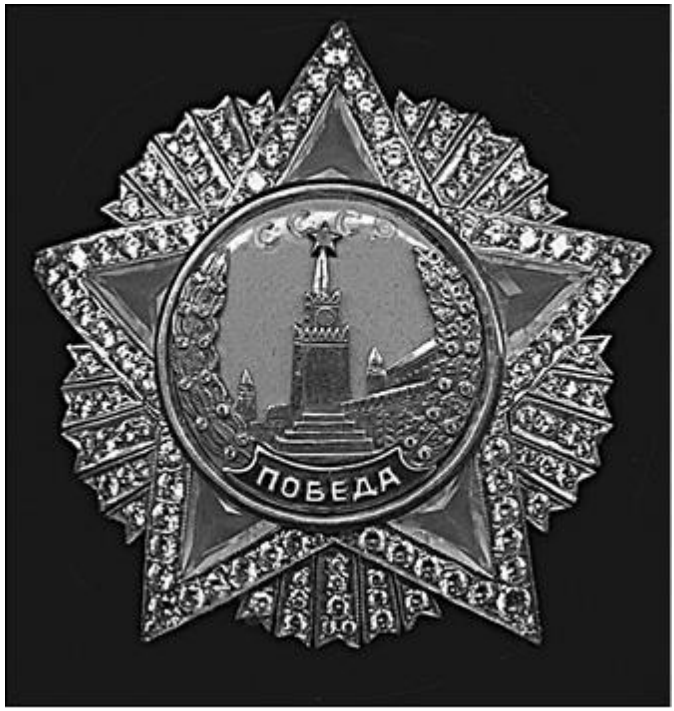
Знаменитый дом на Котельнической набережной

И.Ф. Манасевич-Мануйлов, он же «Сапфир»

В.Н. Зайцев

В.Н. Зайцев (на фото слева) участвует в очередном «съёме»

Звезда ордена Андрея Первозванного,
большая императорская цепь и знак ордена



Орден «Победа»

«Не болтай у телефона!
Болтун — находка для шпиона»

Сильнейшие спецслужбы мира: ФБР, КГБ (ФСБ), СИС, БНД, Моссад играют планетой как бильярдным шаром.

Бульдог с кием — ФБР (лозунг: Преданность, Храбрость, Честность).

Овчарка с бокалом пива — КГБ (ФСБ) (лозунг: Государство, Законность, Честь).

Корги в жилетке — Моссад (лозунг: Хитростью и обманом ты должен побеждать врага).

Спаниэль — СИС.

Бассет-хаунд в очках — БНД (самая малая спецслужба).

Картина К.-М. Куллиджа

notes

Примечания

1

Андрофобия (греч.) — мужененавистничество.